

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая

Этнос И СРЕДА ОБИТАНИЯ

Сборник статей по этноэкологии

Выпуск 3

Москва
2012

УДК 39+504.75+572

ББК 63.5

Э91

Рецензенты
д.и.н. С.В. Чешко
к.и.н. Л.В. Остапенко

Редколлегия
Н.И. Григулевич, Н.А. Дубова,
Л.Т. Соловьева, А.Н. Ямсков

Э 91 Этнос и среда обитания. Сборник статей по этноэкологии. Вып. 3. – Редколлегия: Н.И. Григулевич, Н.А. Дубова (отв. ред.), Л.Т. Соловьева, А.Н. Ямсков. – М.: ИЭА РАН, 2012 – 259 с.

ISBN 978-5-4211-0060-7

В сборнике представлены исследования процессов адаптации и других проблем этноэкологии и близких областей знаний, выполненные на основе материалов по этнологии, археологии, истории, физической антропологии, биологии, географии, демографии и ряда других наук. Авторы анализируют сведения, относящиеся к населению и территориям Средней, Центральной и Южной Азии, Грузии, Русского Севера и Верхней Волги, Украинских Карпат. Тематический сборник может представлять интерес для специалистов в области этнологии, антропологии, археологии, географии, истории и других дисциплин, интересующихся этнокультурными аспектами взаимодействия отдельных обществ и окружающей среды.

ISBN 978-5-4211-0060-7

© Институт этнологии и антропологии РАН, 2012

© Коллектив авторов, 2012

Содержание

Предисловие	5–10
<i>Н.А. Дубова.</i> Адаптация в процессе миграций в древности и в наши дни	11–35
<i>Р.М. Сатаев, Л.В. Сатаева, В.В. Куфтерин.</i> Опыт классификации ритуальных объектов с животными на примере материала Гонур Деле	36–45
<i>В.В. Куфтерин.</i> Биоархеологические аспекты исследования детских погребений Гонур Деле (по материалам 2009–2010 гг.)	46–65
<i>Е.А. Пузаткина, О.Г. Ефремов.</i> Антропометрические и физиологические особенности студентов различных этнических групп	66–83
<i>А.Н. Ямсков.</i> Тематика современных эколого-антропологических исследований за рубежом. Размышления над книгой "Human Ecology: Contemporary Research and Practice" (N.Y., 2010)	84–96
<i>Н.Н. Алексеева, Е.А. Логинова.</i> Ландшафтно-картографический подход к анализу этнокультурной дифференциации региона (на примере Индии)	97–117
<i>Ю.И. Дробышев.</i> Запретные территории и природные культовые объекты кочевников Центральной Азии в свете современной экологии	118–135
<i>М.Ш. Путкарадзе, Т.К. Путкарадзе.</i> О некоторых экологических проблемах, связанных с демографической нагрузкой в Аджарии	136–140
<i>Л.Т. Соловьева.</i> Природная среда и этническая культура (на примере некоторых винодельческих традиций в Грузии)	141–153

<i>Т.К. Путкарадзе, Т.Н. Авалиани.</i> Изолированные общины в грузинской лингвокультурной среде	154–159
<i>А.А. Желтов.</i> Жизненная среда и культурная адаптация населения Вологодчины в XIX – начале XX в.	160–176
<i>Н.И. Григулевич.</i> Проблемы естественной убыли населения Российской Федерации (по материалам экспедиций в 1990–2010 гг. в Тверской области)	177–198
<i>И.А. Бойко.</i> Антропогеографические исследования Украинских Карпат и перспективы синтеза географических и этнографических методов работы	199–230
<i>А.Н. Ямсков.</i> Дефиниция и этноэкологические аспекты феномена «трагедии общинных ресурсов»	231–247
<i>Н.М. Челебадзе.</i> Особенности социокультурных исследований на примере научных трудов доктора Э.В. Эриксона	248–258

ПРЕДИСЛОВИЕ

Представляемая вниманию читателя книга продолжает серию изданий, подготовленных Группой этноэкологии Центра междисциплинарных исследований Института этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая РАН и посвящённых тематике этнической экологии (этноэкологии) и смежных областей междисциплинарных исследований проблем адаптации человека и общества. С формальной точки зрения, начало этой серии положили два выпуска, опубликованные в 2009 г.¹, но наш коллектив и до этого издал целый ряд тематических сборников по данной проблематике².

Этот сборник подготовлен к печати в 2011 г., который очень значим для коллектива. В этом году исполняется ровно 30 лет со дня создания 15 октября 1981 г. Сектора этнической экологии Института этнографии АН СССР, что стало результатом усилий профессора, доктора исторических наук Виктора Ивановича Козлова, который и возглавил тогда наш сектор. Именно с его широко известной статьи³ в журнале «Советская этнография» можно отсчитывать начало существования в нашей стране этнической экологии как полностью сформировавшегося особого научного направления. Ведь только в той статье впервые появилось само название «этническая экология (этноэкология)» и, что главное, обоснование её исследовательских задач и методов. Поскольку история сектора отчасти уже была охарактеризована⁴, здесь мы не будем уделять этому внимания.

Мы посвящаем эту книгу светлой памяти наших коллег Владимира Александровича Большакова и Андрея Александровича Воронова, крайне

¹ Этнос и среда обитания. Сборник этноэкологических исследований к 85-летию В.И. Козлова / Ред.: Н.И. Григулевич, Н.А. Дубова (отв. ред.), А.Н. Ямсков. М.: Старый сад, 2009. Т. 1. – 312 с.; Т. 2. – 252 с.

² Расы и народы: современные этнические и расовые проблемы. Ежегодник. Вып. 34 / Сост. Н.А. Дубова. Под ред. Н.А. Дубовой, Л.Т. Соловьёвой. М.: Наука, 2009. 420 с.; Этническая экология: народы и их культуры / Ред. Н.А. Дубова, Л.Т. Соловьёва. М.: Старый сад, 2008. 376 с.; Этноэкологические аспекты духовной культуры / Ред. В.И. Козлов, А.Н. Ямсков, Н.И. Григулевич. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2005. 324 с.; Этноэкологические исследования. Сборник статей к 80-летию со дня рождения В.И. Козлова / Ред. Н.А. Дубова, Н.И. Григулевич, Н.А. Лопуленко, А.Н. Ямсков. М.: Старый сад, 2004. 464 с.; Этническая экология: Теория и практика / Ред. Н.А. Дубова, В.И. Козлов (отв. ред.), А.Н. Ямсков. М.: Наука, 1991. 374 с.

³ Козлов В.И. Основные проблемы этнической экологии // Советская этнография. 1983. № 1. С. 3–16.

⁴ См., например: Козлов В.И. Введение // Очерки экспедиционного быта в Закавказье / Ред. Н.А. Дубова, В.И. Козлов (отв. ред.), А.Н. Ямсков. М.: Старый сад, 2001. С. 7, 9–10.

много сделавших в 1970-е – 1980-е гг., на первых этапах истории Сектора этнической экологии, для организации и проведения комплексных экспедиций в Закавказье, для обработки и публикации полученных результатов. В этом году исполнилось 80 лет со дня рождения А.А. Воронова (11.05.1931 г.) и 70 лет со дня рождения В.А. Большакова (15.10.1941 г.).

Потомственный врач, Андрей Александрович пришел в антропологию из медицины. Его работы по геногеографии полиморфизма гемоглобинов стали классикой серологических антропологических исследований⁵. Они показали явную приуроченность повышенных частот аномальных типов гемоглобинов к районам распространения малярии. При зарождении Комплексной программы по изучению популяций с повышенным процентом долгожителей, для выполнения которой и был создан сектор этнической экологии, А.А. Воронов явился одним из первых организаторов биолого-медицинско-антропологической составляющей этого грандиозного научно-исследовательского процесса. Начиная с первой экспедиции в Абхазию и до окончания работ в Азербайджане по этой теме, он был неизменным руководителем медико-биологических отрядов, вел все переговоры с киевскими геронтологами, организовывал антропологическую выборку, заинтересованно участвовал в анализе собранных материалов и формулировке выводов⁶.

Владимир Александрович Большаков, закончивший в самом начале 1970-х годов философский факультет МГУ, был приглашен Ю.В. Арутюняном в Институт этнографии АН СССР, в созданный по инициативе Ю.В. Бромлея сектор этносоциологии, и участвовал во многих полевых выездах, выполняя социологические опросы. Он тоже был одним из первых, кого подключили к долгожительской тематике. Именно В.А. Большаков взял на себя основной груз забот по организации комплексных полевых исследований, которые проводились во всех

⁵ См., например: *Воронов А.А.* Сравнительно-гематологические исследования у некоторых народов Закавказья (Геногеография полиморфизма гемоглобина). Автореф. дисс. ... канд. биол. наук. М., 1970; *Он же.* Геногеография талассемии в советских республиках Закавказья // Проблемы гематологии и переливания крови. 1973. № 11. С. 32–37; *Voronov A.A.* The Impact of Ethnic Factors upon Genogeography and the Initial Prophylaxis of some Genetically Determined Blood Diseases in the USSR // *Collegium Antropologicum*. 1981. Vol. 5. № 1. P. 109–118.

⁶ См., например, написанные А.А. Вороновым лично или в соавторстве 4 статьи в сборнике «Абхазское долгожительство» (М., 1987) и 3 статьи в сборнике «Долгожительство в Азербайджане» (М., 1989).

республиках Закавказья на протяжении многих лет в ходе выполнения этого крупномасштабного советско-американского проекта. Он согласовывал деятельность отдельных отрядов, обеспечивал все подразделения экспедиции автотранспортом, организовывал доставку оборудования контейнерами из Москвы и Киева к месту работ. С его активным участием разрабатывалась методика верификации возраста долгожителей, паспортные данные которых фиксировались намного позже рождения. Он же руководил сбором сведений из похозяйственных книг. В ставших уже классическими монографиях «Абхазское долгожительство» (М., 1987) и «Долгожительство в Азербайджане» (М., 1989) В.А. Большаков опубликовал статьи⁷, в которых была представлена демографическая ситуация в долгожительских популяциях, методы и итоги верификации реального возраста долгожителей. Он был образцовым полевиком, примером для молодых сотрудников Сектора, делавших тогда только первые шаги на этом поприще, и прекрасным товарищем, который всегда был готов прийти на помощь в сложной ситуации.

И Андрей Александрович и Владимир Александрович ушли из жизни неожиданно: один 10.05.2002 г., а второй – 30.12.2009 г. Сделанное ими для науки, и светлые воспоминания о них, замечательных людях, останутся в нашей памяти.

Как и в предшествовавших тематических сборниках нашего исследовательского коллектива, в подготовке данного издания активное участие приняли коллеги из других организаций и даже из зарубежных стран – Грузии и Украины. Отечественные авторы представляют различные академические институты и университеты Москвы, Вологды, Уфы, Йошкар-Олы. Члены Редколлегии данного сборника – сотрудники Института этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (г. Москва).

Первоначальной задачей издания были междисциплинарный синтез в рамках этнической экологии и смежных наук; комплексные исследования социо-культурных и биологических феноменов методами исторических, социальных и естественных наук; методика проведения комплексных междисциплинарных исследований. Это получилось не в полной мере.

⁷Большаков В.А., Комарова О.Д. Анализ демографической ситуации и демографических гипотез долгожительства // Абхазское долгожительство / Отв. ред. В.И. Козлов. М.: Наука, 1987. С. 40–59; Большаков В.А. Некоторые итоги верификации возраста азербайджанских долгожителей // Долгожительство в Азербайджане / Ред. В.И. Козлов (отв. ред.), А.А. Аббасов, А.А. Воронов, Н.И. Григулевич. М., 1989. С. 40–50.

Тем не менее, мы продолжили принцип приглашения к сотрудничеству авторов, являющихся специалистами как в области гуманитарных, так и естественных наук.

Наш сборник открывает серия статей по физической антропологии и биологии. Они не представляют собой единого целого, но характеризуют разные стороны процесса взаимодействия популяций, этносов, народов с окружающей средой. Работа Н.А. Дубовой акцентирует внимание на биологических процессах, происходящих в организме человека при смене образа жизни, в том числе в процессе миграций и влияющих на его физическое и психическое здоровье. Краткая статья уфимских коллег-экологов – Р.М. Сатаева, Л.В. Сатаевой и В.В. Куфтерина – ставит своей основной целью обозначение контуров проблемы использования животных в ритуальной практике. Разнообразие местонахождений останков разных представителей фауны и их контекста на одном из памятников эпохи бронзы Туркменистана Гонур Депе является свидетельством сложности мировоззрения населения этого центра древневосточной цивилизации, что, по мнению авторов, можно трактовать как форму адаптации духовной жизни древних обществ к условиям существования. Наиболее распространенными в палеоантропологии являются работы, посвященные останкам взрослых индивидов. Проведенное В.В. Куфтериним исследование направлено на изучение субадультиных субъектов (т.е. представителей младших возрастных когорт), их палеодемографии, палеопатологии и особенностей ростовых процессов в популяции эпохи бронзы уже упомянутого Гонур Депе. Такой подход, бесспорно, существенно расширяет представления о пути формирования приспособлений физического типа группы к условиям жизни. Наконец специалисты из Йошкар-Олы Е.А. Пузаткина и О.Г. Ефремов направили свои усилия на изучение антропометрических и физиологических особенностей студентов Марийского Государственного университета. В целом все студенты характеризуются средним уровнем физического развития, как по морфологическим, так и по функциональным признакам. Установлены некоторые различия по тем же показателям между студентами, относящимся к разным этносам – русским, марийцам, татарам.

Следующие четыре статьи написаны авторами, в большинстве своём работающими или начинавшими работать в сфере географии и биоэкологии, и поэтому они содержат особенно большой объем сведений из области эколого-географических исследований. Так, работа

А.Н. Ямскова посвящена экологической антропологии – американскому аналогу отечественной этноэкологии. В этой публикации сочетаются элементы научной рецензии на недавно вышедший в США тематический сборник, обзора современной литературы по данной проблематике и реферирования ряда важнейших выводов из исследований, составивших анализируемый им сборник (точнее, хрестоматию для студентов). Н.Н. Алексеева и Е.А. Логинова предлагают вниманию читателя статью, в которой дан картографический анализ и объяснение случаев совпадения, либо несовпадения ландшафтных и различных социокультурных границ на примере Индии. Ю.И. Дробышев рассматривает экологические функции различных форм сакральных территорий и священных природных объектов и предлагает их типологию. Прежде всего он объясняет их роль в охране диких животных и растений, что сделано преимущественно на примере средневековых и современных монголов. М.Ш. Путкарадзе и Т.К. Путкарадзе обращаются к специфическим чертам современной экологической ситуации в Аджарии, где высокая плотность сельского населения сочетается с его заметным естественным приростом и серьёзным риском различных экологических бедствий.

Следующий блок из четырёх статей представлен работами, подготовленными в основном этнологами и другими специалистами в сфере гуманитарного знания. Л.Т. Соловьёва описывает региональные вариации традиций выращивания винограда и виноделия в Грузии и, частично, в Абхазии, а также сопутствующих элементов материальной культуры, сопоставляя их с различиями в природно-климатических условиях развития сельского хозяйства в регионе. Т.К. Путкарадзе и Т.Н. Авалиани обращаются к вопросам адаптации либо дезадаптации отдельных сельских общин или местных сообществ в Грузии наших дней к социо-культурной среде этой страны, и предлагают типологию этих общин (сообществ). А.А. Желтов представляет весьма детальный анализ природно-климатических условий и специфики жилища и хозяйственной деятельности русских крестьян Вологодской области, и на этой основе рассматривает традиционные условия быта и причины заболеваемости сельского населения в дореволюционный период. Статья Н.И. Григулевич сочетает в себе рассмотрение негативных демографических тенденций в постсоветской России и их ведущих причин с описанием современной социально-культурной, демографиче-

ской и экономической ситуации, сложившейся в сельской местности на Верхней Волге, в Тверской области.

Отдельное положение занимает работа И.А. Бойко, в которой автор излагает собственный подход к интеграции методов полевых этнографических и географических исследований при изучении сельского населения Восточных Карпат и некоторые из полученных им лично результатов, а также представляет историографический обзор предшествовавших антропогеографических исследований этого региона с акцентом на их методологию. Последние две статьи нашего сборника имеют историографический характер. А.Н. Ямсков прослеживает историю введения в науку и изучения феномена «трагедии общинных ресурсов» и возможности приложения этой концепции к исследованиям экологических проблем, возникающих при использовании природных ресурсов, прежде всего биоресурсов. Н.М. Челебадзе описывает этнографическую и медико-антропологическую составляющие исследований российского врача Э.В. Эриксона в Закавказье, преимущественно в Грузии. Она акцентирует внимание на то, как Э.В. Эриксон трактовал адаптивные особенности некоторых элементов материальной культуры и поведенческих традиций местного населения в конце XIX – начале XX века и как он оценивал санитарно-гигиеническую ситуацию в отдельных городах и местностях.

Мы надеемся продолжать нашу работу в сфере этноэкологии и близкой к ней проблематики⁸, и приглашаем коллег к сотрудничеству и возможному участию в последующих тематических сборниках из данной серии.

Редколлегия

⁸ Большая часть публикаций в этой области науки, подготовленных сотрудниками Группы этноэкологии ИЭА РАН, представлена на сайте «Этническая экология»: www.ethnoecology.ru

Адаптация в процессе миграций в древности и в наши дни

Любые перемещения людей, как временные, так и постоянные, связаны с их приспособлением, адаптацией к новым условиям проживания. Автору уже приходилось уделять этому специальное внимание (Дубова, 1991). Здесь я постараюсь рассмотреть не общность этих закономерностей, а особенности адаптивных процессов в разные исторические периоды.

Напомню общеизвестное и ошибочное: как только появляется человек разумный со свойственной ему культурой, его «биологическое тело» перестает эволюционировать. Никаких серьезных изменений в организме человека за все тысячи лет его существования не происходит, а те различия между людьми, живущими в разных условиях, что мы можем наблюдать, не затрагивают не только видовых характеристик, но и вообще достаточно случайны. Думается, что обзор медико-биологических данных, достоверно опровергающих это мнение, был бы весьма полезным, но об этом речь в данной работе не пойдет. К сожалению, на биологические изменения, являющиеся свидетельством адаптации человека к изменившимся условиям, вообще редко обращается внимание. Но, например, даже маятниковая миграция, т.е. регулярное ежедневное (или с другой частотой) перемещение из места жительства к месту работы на значительные расстояния, ведет к множественным перестройкам не только социально-культурных, но и биологических показателей, свойственных человеку. Казалось бы, человек проживает в своем первоначальном месте жительства. Поскольку он имеет возможность каждый день возвращаться домой, и место приложения его трудовых усилий находится практически в той же среде. Почему должна изменяться биология человека? К чему она будет приспособливаться?

Здесь неизбежно небольшое отступление: несколько слов надо сказать о терминах. И вот почему. Давно продолжающийся шторм в море публикаций, в значительной части связанный с развитием Интернета, приводит к тому, что его «девятые валы» захлестывают все, что только можно захлестнуть. В этом информационном потоке есть все: от серьезных работ до дилетантских рассуждений, от фундаментальных исследований до тысячестраничных «созданий» графоманов, от выводов, базирующихся на всем жизненном опыте автора, до ответов на политический сиюминутный заказ... Вновь вступающему на стезю научных изысканий

трудно даже определить критерии отбора качественных серьезных изданий. Но я воздержусь от примеров, формулировки позиции автора и т.д., так как это уведет нас далеко от предмета данной статьи, и скажу только то, что представляется весьма важным именно в ее контексте. Сразу же оговорюсь, что речь пойдет только о научных суждениях.

Определяя базовые понятия экологии – фиксация предмета и объекта самой науки, представления о среде обитания, окружающей среде, адаптации и др. – представители естественнонаучных дисциплин оперируют только их категориями, что в целом вполне оправдано в отношении всех биологических видов, кроме *Homo sapiens*. Но, выделяя внутри экологии или отдельное направление, или самостоятельную дисциплину (взгляды на это также разнятся), называемые «экологией человека» они остаются на тех же позициях. Здесь уже необходимы примеры.

Например, в Мультимедийном учебнике по биологии дается такая трактовка экологии: «биологическая наука, изучающая организацию и функционирование надорганизменных систем различных уровней: популяций, видов, биоценозов (сообществ), экосистем, биогеоценозов и биосферы. Часто экологию определяют также как науку о взаимоотношениях организмов между собой и с окружающей средой. Современная экология интенсивно изучает также проблемы взаимодействия человека и биосферы» (Мультимедийный учебник по биологии, Интернет-ресурс). Обратим пока внимание лишь на последнюю фразу: подразумевается лишь взаимодействие человека с биосферой. Увы, но в этом учебнике мне не удалось найти представления его авторов о среде обитания или окружающей среде. Но в других справочных изданиях в том же Интернете, имеющих близкий взгляд на экологическую науку, подчеркивается, что среда обитания определяется как часть природы, окружающая живые организмы и оказывающая на них прямое или косвенное воздействие. Так, в лекции, посвященной раскрытию понятия «среда обитания» автор пишет: «В процессе исторического развития живые организмы освоили четыре среды обитания. Первая – вода. В воде жизнь зародилась и развивалась многие миллионы лет. Вторая – наземно-воздушная – на суше и в атмосфере возникли и бурно адаптировались к новым условиям растения и животные. Постепенно преобразуя верхний слой суши – литосферы, они создали третью среду обитания – почву, а сами стали четвертой...» (Москалюк, Интернет-ресурс). Поскольку это – учебное пособие, автор рекомендует студентам и ряд других серьезных учебников, где, надо полагать, эти по-

нения тракуются близким образом (Бигон и др., 1989; Радкевич, 1998; Степановских, 2001; Шилов, 2003). Привожу эти публикации отнюдь не с целью показать их недоработку, как-то скомпрометировать или очернить их. Наоборот, думаю, в них хорошо излагается система взглядов биологов, и они весьма полезны для изучения начинающими специалистами. Но это-то и показательно, что в биологической литературе человек обычно вообще не упоминается среди других животных.

Но и там, где речь идет о человеке, под термином «окружающая среда» или «среда обитания» все же подразумевается, прежде всего, природная среда. Это имеет место и в международных отношениях, по свидетельству сайта «Глоссарий.ru» (Интернет-ресурс). Там же указывается, что «окружающая среда – среда обитания и деятельности человечества; окружающий человека природный и созданный им материальный мир. Окружающая среда включает природную среду и искусственную (техногенную) среду. Общественное производство изменяет окружающую среду, воздействуя прямо или косвенно на все ее элементы».

Для изучения человеческих коллективов, образовалось и специальное направление: экология человека. «В это понятие представители различных направлений и наук, вкладывают разное содержание. С позиций биологии и генетики человека, например, наибольшее внимание уделяется таким вопросам, как развитие и становление человеческих популяций в конкретных экологических условиях, адаптация к изменяющимся условиям существования, демография и естественная динамика человеческих популяций. Очень часто экология человека излагается и рассматривается в контексте классической гигиены и профилактической медицины» (Экология. Информационный портал. Интернет-ресурс).

Б.Б. Прохоров считает, что «термины экология человека и социальная экология равноправны, и каждый исследователь волен использовать любой из них или расширять понятийный аппарат... Все эти варианты приемлемы, если сопровождаются соответствующим пояснением» (Прохоров, 2009, с. 9). С ним солидарны и другие исследователи (см., например: Егоров, Колясникова, 2010, с. 265). Есть и более узкие определения. «Экология человека – это междисциплинарная прикладная область знаний, которая использует холистический подход для того, чтобы повысить потенциал человеческой личности в рамках ее ближайшего окружения – одежды, семьи, жилища и ближайшего сообщества. Консультанты по экологии человека призваны способствовать улучшению благополучия чело-

века, его семьи и ближайшего сообщества посредством образования, внедрения мер превенции и повышения его власти над обстоятельствами и природными условиями» (<http://www.hecol.ualberta.ca>). И еще: «Экология человека изучает не только влияние человека на окружающую среду, но и влияние окружающей среды на поведение человека, на те адаптивные стратегии, которые используются людьми в процессе осмысления ими их собственного воздействия на среду... Для нас экология человека – это и методология, и поле для исследований. Это способ мышления, способ восприятия окружающего мира, и контекст, в рамках которого мы формулируем свои проблемы и пути их разрешения» (http://www.eci.ox.ac.uk/humaneco/he_whatish.html).

Авторы одного из первых учебных пособий по социальной экологии для вузов А.В. Лосев и Г.Г. Провадкин определяют *социальную экологию* таким образом: «Социальная экология – научная дисциплина, эмпирически исследующая и теоретически обобщающая специфические связи между обществом, природой, человеком и его жизненной средой (окружением) в контексте глобальных проблем человечества с целью не только сохранения, но и совершенствования среды человека как природного и общественного существа». И далее: «Задача социальной экологии как науки состоит в том, чтобы предлагать такие эффективные способы воздействия на окружающую среду, которые бы не только предотвращали катастрофические последствия, но и позволяли существенно улучшить биологические и социальные условия развития человека и всего живого на Земле» (Лосев, Провадкин, 1998).

Можно встретить и такие размышления: «Человек только на основе социальных мотиваций и особенностей психологии осваивает новые условия жизни, независимо от функционирования наследственных приспособительных механизмов. Люди встречаются с новыми условиями среды вынужденно, по социальным причинам или стихийных бедствий; или добровольно, в силу особенностей психологии» (Парахонский, 2007, с. 43).

В другом учебнике социальная экология обозначается как направление междисциплинарных исследований, оформившееся на стыке естественных (биология, география, физика, астрономия, химия) и гуманитарных (социология, культурология, психология, история) наук (Ситаров, Пустовойтов, 2000). Это же издание дает достаточно подробный экскурс в историю данного направления и характеризует практически все разнообразие определений, что освобождает меня от дальнейшего их перечисле-

ния. Поскольку определение научного направления всегда показывает, круг каких проблем входит в его компетенцию, с точки зрения определяющего, отмечу, что приведенные в книге формулировки достаточно хорошо выявляют выше отмеченную и достаточно распространенную тенденцию специалистов в области медицинских и естественных наук акцентировать взаимодействие человека с природной средой, а гуманитариев – подчеркивать разные аспекты социальных взаимодействий. Поэтому хотелось бы привести определение социальной экологии, которое эти авторы поддерживают вслед за Д.Ж. Марковичем (1991) с уточнением Т.А. Акимовой и В.В. Хаскина (1998). С их точки зрения, «социальная экология как часть экологии человека представляет собой комплекс научных отраслей, изучающих связь общественных структур (начиная с семьи и других малых общественных групп), а также связь человека с природной и социальной средой их обитания». Для внесения большей ясности мне представляется, что имеет смысл добавить в это определение еще и связь человека с культурной средой (как это сделали А.П. и В.И. Ошмарины в справочнике 1998 г.), которая для человека весьма важна.

В связи со всем вышесказанным мне и представилось достаточно важно попытаться продемонстрировать, насколько чувствительной бывает биологическая основа человека к разнообразным изменениям той среды, в которую человек попадает, что всегда происходит, в частности в процессе миграций. Прошу прощения у читателя за столь затянувшееся отступление, но, учитывая, что огромный объем информации мы, а особенно молодые поколения черпают ныне из Интернета, мне показалось важным обратить на дефиниции столь большое внимание.

Вернусь опять к маятниковым миграциям. Следует сказать, что именно они в наши дни становятся все более распространенными. Например, если в так называемый «доперестроечный период» в такого рода перемещениях из Московской области в Москву участвовали 250-300 тыс. чел., то на август 2002 г. уже около 900 тыс. человек (Шитова, 2006, с. 64), и число таких мигрантов неуклонно увеличивается (Махрин, 2009). Более того, отмечается, что маятниковая миграция в Московском регионе выходит из локальных рамок и приобретает макроэкономический масштаб (Шитова, 2006, с. 64–65). Живя и работая в одном населенном пункте, человек регулярно контактирует с определенным, достаточно стабильным кругом (кругами) своих сограждан, т.е. в основном тех, кто живет в том же поселении, как бы велико оно не было. В случае же приложения своих

трудовых усилий не по месту жительства, а в другом городе, находящемся зачастую на большом расстоянии от первого (например, в наши дни нередки случаи, когда на дорогу в одну сторону люди затрачивают более 3-4 часов), круг общения значительно расширяется, в том числе и за счет довольно длительных контактов по дороге. Понятно, что такого рода миграции ведут к сильному сокращению досугового времени, возможности решения домашних проблем, общения с семьей, да и создают сложности создания самой семьи. Но такой образ жизни, к которому, кстати сказать, может приспособиться далеко не каждый, ведет и к серьезным перестройкам всего морфо-функционального статуса человека. А некоторые и вообще не могут жить в таком режиме. «Социологи отмечают, что тяжелый, изматывающий и психологически, и физически труд, каким является работа на выезде, оказывает отрицательное влияние на здоровье мигранта, его семейную жизнь, воспитание детей, социальную активность, образ жизни» (Махрин, 2009).

Известно, что существует три основных типа реакций человека на стрессовую ситуацию (Селье, 1960)¹, конкретно проявляющиеся (особенно при длительном воздействии любых стрессогенных факторов) в развитии ряда неинфекционных заболеваний, в первую очередь гипертонии, атеросклероза, в отдельных случаях – сахарного диабета, раковых заболеваний и др. (Дильман, 1987, с. 49–54, 94–100). А необходимость регулярно по много часов находиться в транспорте, думать о расписании, чтобы не опоздать куда-либо, испытывать на себе множественные разнообразные воздействия окружающих и проч., бесспорно, являются сильнейшим стрессовым воздействием, привыкнуть к которому, имея главной

¹ Этот вопрос в приложении к миграциям человека уже был кратко рассмотрен автором (Дубова, Комарова, 1994, с. 88–89; Дубова, 2002). Согласно имеющимся представлениям «стресс можно определить как феномен осознания, возникающий при сравнении требования, предъявляемого к личности, с ее способностью справиться с этим требованием» (Тигранян, 1988, с. 31). В зависимости от того, что «говорит» его предыдущий опыт, человек выбирает одну из трех стратегий поведения: борьбу с обстоятельствами по преодолению ситуации, бегство от сложившихся обстоятельств или внешнее подчинение выдвигаемым средой требованиям, но консервацию неудовлетворенности ими, которая со временем, когда индивидум обнаружит новые возможности, все же сможет выйти победителем. В основе поведенческих решений лежат конкретные физиологические механизмы, а их «запуск» в организме человека связан с его индивидуальными особенностями, в том числе конституциональными, и, прежде всего с порогом чувствительности вообще и к различным болевым или психологическим раздражителям, в частности.

целью создание необходимых условий жизни для себя и членов семьи, возможно, но считать его безразличным для организма – абсолютно неверно. Как было показано уже давно исследованиями группы под руководством акад. В.П. Казначеева, далеко не все успешно сдавшие экзамены и зачисленные в вуз студенты по своим индивидуальным качествам (биологическим и психологическим) способны дойти до получения заветного диплома. Некоторая часть их, даже имея прекрасные способности, не может быстро изменить, например, свой прежний сельский стиль жизни на городской. Привыкнув жить в небольших, в значительной степени родственных коллективах, они не могут постоянно контактировать с огромным числом людей. Находясь все время в стрессовом состоянии, они начинают плохо учиться, нередко заболевают, а потом и бросают учебное заведение (Казначеев, Казначеев, 1986).

Исследования В.В. Аршавского мигрантов (от 1 года до 10 и более лет назад), приехавших на Чукотку в разное время, показали важные закономерности. Оказалось, что успешность адаптации к таким экстремальным условиям, как Северо-Восток Азии, в значительной степени определяется типом межполушарного реагирования – доминирование или большие возможности включения и использования функциональных систем правого (связанного с пространственно-образным типом переработки информации) либо же левого (связанного с вербальным типом) полушарий головного мозга (Аршавский, 1985; Аршавский и др., 1986, с. 106–107). Описаны группы лиц (адаптивная и с пониженным уровнем адаптации), характеризующиеся разным способом организации нервных процессов, устойчивостью и реактивностью, определяемой по электроэнцефалограммам (Васильевский, 1979). На Северо-Востоке страны идет отбор на более адаптивный правополушарный тип реагирования, а также происходит уменьшение иммунного и параллельно генетического разнообразия популяции. Работы, которые проводятся сейчас Научно-исследовательским центром «Арктика» ДВО РАН в г. Магадане, отмечают различия в функциональных параметрах между жителями центральной Колымы (внутриконтинентальная зона) и побережьем (Максимов, 2011, с. 265).

Конечно, в экстремальных условиях Крайнего Севера многие закономерности проступают намного более выпукло, чем в средней полосе, но само наличие изменений весьма показательно. Не входя в меду-биологические детали, можно сделать вывод о том, что, чем

большее число людей будет вовлечено в маятниковую миграцию (даже если других стрессовых факторов и не будет!), тем среди более широкого круга лиц будет расти число сердечно-сосудистых, онкологических и психических заболеваний. И существующие факты это подтверждают: например, целевое исследование мигрантов из Чеченской республики в Ингушетию, проведенное до 2006 г., показало, что специфическими для всех мигрантов являлись нервно-психические расстройства, число которых увеличилось за время миграции в 21,0 – 33,8 раза(!) (конечно, не будем забывать, что та миграция не была «простым перемещением из одной области в другую, а явилась следствием военных действий»). Имеет место и значительное увеличение числа многих других заболеваний, особенно детей и женщин, что, по мнению исследователей, говорит о «глубоких морфофункциональных нарушениях и снижении компенсаторно-приспособительных возможностей потомства вынужденных переселенцев, что, несомненно, окажет негативное влияние на последующее здоровье и развитие детей» (Хациева, 2006, с. 25–26). Среди психиатров высказывается мнение о том, что острое психическое расстройство – это форма приспособления к изменяющейся среде (Самохвалов, Гильбурд, Егоров, 2011, с. 10).

Именно в такой среде будут нарастать напряженность отношений, агрессивность поведения, интолерантность к другим общностям, в том числе и этническим, и, связанные с этим (в том числе и как компенсаторные механизмы) рост алкоголизма и наркомании. Необходимо повторить: эти процессы будут иметь место даже при том, что все другие социальные проблемы решены.

Только по прошествии какого-то времени, достаточного для того, чтобы от процесса отселились те, кто по своим биологическим параметрам (прежде всего по морфо-функциональному статусу) не могут участвовать в таких перемещениях (а это, судя по упомянутым выше исследованиям, может занять от 0,5 года до десятка лет, ибо степень выносливости к таким нагрузкам тоже весьма индивидуальна), этот фактор уже перестанет быть стрессогенным. Конечно, сказанное будет верно при стабильности группы (если говорить именно о маятниковой миграции), в отношении таких социальных параметров как уровень зарплаты и цен на предметы первой необходимости, на продукты, на транспорт; развитие инфраструктуры, обеспечивающей потребности мигранта в месте проживания и работы; неизменность (а в других слу-

чаях, как раз наоборот, изменение) его социального статуса, а также другие подобные. Понятно поэтому, что чем стабильнее социально-экономическая ситуация, тем быстрее будет достигнуто и равновесие в обществе. Чуть далее мне придется еще раз вернуться к этому сюжету в связи с обсуждением вопроса о связи «контингента мигрантов» с успешностью их адаптации в новых условиях.

Говоря здесь о маятниковой миграции, я хотела подчеркнуть, что даже в том случае, когда сохраняется постоянное место жительства, относительно стабильная среда (природная и социальная) обитания, биологическая основа человека не остается безразличной, она всегда участвует в процессе его адаптации к новым условиям жизни. В каких-то случаях она (биология человека) почти сводит на нет усилия многих специально создаваемых социумом механизмов (в том числе законов, постановлений и проч.) для облегчения приспособления его членов к происходящим изменениям.

Перейду теперь к тем миграциям, которые связаны с полной сменой места проживания. Хорошо известно, что человек, как и другие биологические виды, с момента своего появления на земле участвует в перемещениях, т.е. расширяет территорию своего расселения под действием главным образом двух факторов: роста численности своих популяций и наличия ресурсной базы для пропитания и проживания, т.е. экологических особенностей местности. Но такого рода миграции, как бы далеко они в итоге не распространялись, происходили постепенно, давая возможность не только популяции в целом, но и отдельным индивидам, ее составляющим, изыскать в норме реакции своего организма достаточные ресурсы для благоприятной жизни (с минимальным числом стрессоров) в новых условиях, а в поколениях, родившихся уже на вновь заселенной территории, выжить тем, кто имеет биологические свойства, более подходящие именно для этой среды. Казалось бы, все очень просто: на территорию, ранее не освоенную представителями Человека разумного, из очага с высокой демографической нагрузкой на среду приходит небольшая группа его представителей. Других людей на этой территории нет, поэтому они имеют возможность осваивать эту территорию, как им представляется необходимым, брать себе все нужные ее ресурсы, растительные, животные, неорганические. Но к моменту появления человеческого вида, все экологические ниши были уже освоены представителями миров растений

и животных, в результате многотысячелетнего, а иногда и многомиллионного взаимодействия образовались сбалансированные биогеоценозы, при вступлении в который, на человека обрушивается вся мощь жадности жизни и растущих, и летающих, и ползающих, и бегающих, сформировавших это сообщество. Конечно, умея использовать и изготавливать орудия, зная повадки тех или иных животных, свойства разных растений (ведь мы говорим о переселении в пределах не большого удаления от первоначального места жительства), будучи не один-одинешенек, а в организованном и сплоченном узлами кровного родства коллективе, обладая, в том числе и разумом, и способностью к инсайту – основе создания новых стереотипов поведения, «венец творения» обустроит жизнь и на новом месте.

Однако, вспомним уже из нашего бытия такие факты как укусы клещей – переносчиков возбудителя тяжелейшего, мало поддающегося лечению энцефалита, возможные даже в подмосковных лесах; не менее «приятные» укусы комаров, москитов и др. гнуса – переносчиков тяжелых лихорадок; легкие незаметные покусывания грызунов, зараженных такими страшными особо-опасными инфекциями как чума и тиф (эпизоотии этих болезней до наших дней не уничтожены, да и вряд ли это будет возможно до наступления «ядерной зимы» или чего-либо подобного, что уничтожит на Земле все живое). Наши далекие предки, бесспорно, были в большей степени, чем мы, адаптированы к биологическим опасностям. Но за время существования человечества, должны же были «отобраться» (т.е. выжить при заражении и оставить потомков) формы, менее чувствительные к той же оспе (люди со второй группой крови), и сложиться индивидуальное разнообразие в чувствительности, например, к энцефалиту (при одинаковом лечении для одних это заболевание заканчивается летально, у других приводит к тяжелейшим головным болям в течение всей последующей жизни, а третьи «отделяются легким недомоганием»). Т.е. мне хочется подчеркнуть, что биологические особенности человека, как и у других представителей мира животных, все время находятся в динамическом состоянии. Они не могут сформироваться раз и навсегда и не изменяться на протяжении поколений.

Человек, как известно, в отличие от животных, преодолевает сложности своих не самых больших в мире биологических адаптационных возможностей (мы все же не можем как тараканы жить в ядерных ре-

актерах!) путем создания новой, искусственной среды обитания. В то же время до сих пор в развивающихся странах на первом месте по распространенности среди причин смерти стоят «климатические». Второе место занимает количество и качество питания, и только третье – инфекции (Levi, 1985, p. 1–3). Последние же в развивающихся странах являются причинами около 40% всех зафиксированных смертей (Hakulinen et al., 1986). Кроме того, понятно, что камышовая хижина не может быть убежищем в приледниковой зоне, а как бы ни был великолепен своей архитектурой месопотамский дворец из сырцового кирпича, он не сможет уберечь своих обитателей даже в жарком климате, но при большом количестве осадков. Я не пытаюсь «изобрести велосипед», со своей «кочки» обосновывать идею системы жизнеобеспечения этноса или говорить о том известном факте, что на ранних этапах своей истории человек, его биология, больше зависят от среды обитания. Подчеркну здесь только пару обстоятельств. Во-первых, создаваемая искусственная среда, как бы человек не старался это сделать, не может полностью изолировать его от природной среды. Даже если человек захочет жить в бункере под землей, воздух и воду, как бы их не очищать, он будет получать из природы, а с изменением природного состава (например, при появлении радиационного заражения) необходимо будет изменять и системы очистки, что, конечно же, не происходит мгновенно.

Во-вторых, к той, пусть даже «идеальной» по представлениям человека, искусственной среде сами живущие в ней тоже должны приспособиться. Например, при изменении летнего температурного режима в средней полосе России, имеющем место в последние годы, не одна тысяча человек испытала на себе насколько даже кирпичные постройки, рассчитанные главным образом на то, чтобы сохранить тепло зимой, бывают коварны жарким летом. Различные системы кондиционирования, помогая с одной стороны стабилизировать комнатную температуру, при выходе на улицу и переходе в другие здания заставляют организм постоянно «быть начеку» и тратить массу энергии на достижение необходимого для жизнедеятельности систем оптимума. А ведь, и у нашего организма, как и у любого «механизма» есть «амортизация», т.е. чем чаще, например, кровеносные сосуды будут сжиматься и разжиматься, реагируя на изменение давления и

температуры, тем быстрее они будут стареть и, увы, терять свою пластичность и лопаться.

Совершенно другой пример. Многие жители (конечно, не все – человеческому виду свойственна изменчивость!) не крупного, но промышленно-развитого города, тем более малого города или сельской местности, попав в современный мегаполис вроде Москвы или Санкт-Петербурга, испытывают массированный стресс от количества людей, транспорта, содержания в воздухе загрязняющих веществ, величины зданий, общего темпа жизни. Многим, в том числе и уроженцам самих городов, не хватает возможности обозреть горизонт, увидеть степной простор, вершины гор, перелески или березовые рощи...

Но вернусь опять к истории расселения человека по земной поверхности. До сих пор имеются обширные регионы, где «нога человека» ступала или крайне редко или не ступала совсем. И не всегда это связано с полной непригодностью для жизни. Это значит, что даже сейчас есть резервы для постепенного расселения. Но надо признать, что те территории, которые могли быть освоены с минимальными усилиями, исчерпались достаточно быстро.

Нельзя не обратить внимания и на такой аспект проблемы. Нередко встречаются такие мысли: «изменение среды обитания, происходящее в результате деятельности человека, оказывает на человеческие популяции воздействие, которое по большей части вредоносно, приводит к росту заболеваемости и сокращению продолжительности жизни» (Ситаров, Пустовойтов, 2000, Раздел «Изменение генофонда»). Ключевое слово здесь, о котором не могу не сказать: «вредоносно». Ни в древности, ни в более поздние периоды, ни в наши дни, невозможно себе представить, чтобы биологические характеристики человека оставались без изменений. «Рост заболеваемости», имеющий место при загрязнении среды, показывает, что люди борются с ситуацией, их организм выискивает способы, механизмы преодоления этого нового фактора. Вся группа в целом ценой развития у одних ее членов тяжелых заболеваний, отъезда (если это возможно) других и даже потери третьих дает возможность оставить потомство тем, кто окажется наименее чувствительным к данной форме загрязнения. Т.е. рост заболеваемости» в группе, как и повышение температуры тела у человека выше 36,6, показывает, что организм – в одном случае организм человека, а в другом – «организм группы» – сопротивляется. Но даже в

самой стабильной экологической обстановке (что вообще-то невозможно представить, так как только социальная среда несет в себе огромное число разных положительных и отрицательных «раздражителей»=стрессов) такие генетические факторы изменчивости как, например, дрейф генов, рекомбинация генов или кроссинговер будут приводить к появлению новых вариаций.

В быту принято сравнивать застойную ситуацию с болотом, где все тихо, залито водой и, кажется, что ничего не меняется. Действительно, в болоте накапливаются неразложившиеся растительные остатки, идет образования торфа. Поскольку кислород из воздуха не проникает через толщу торфа внутрь, то, что когда-то болото поглотило (например, не только каменные, но и органические останки былых археологических культур), сохраняется долго и в слабоизмененном виде. Но на самом деле болото – это целый мир своих взаимоотношений; это – среда обитания для ряда животных (ондатры, выдры и др.), птиц (гнездовья журавлей, цапель, уток, куликов и др.) и растений (осоки, рогоза, клюквы, голубики, морошки, багульника и др.). Тростник и камыш, произрастающие там, используются в строительстве. Болота имеют большое гидрологическое значение как зона питания водоносных горизонтов и зарождения рек и ручьев. И они отнюдь не «застойны» в смысле того, что там ничего не происходит. После обильных дождей – их площадь расширяется, одних живых организмов становится меньше, других – больше. Одни растения только растут, другие погибают и их останки падают в глубину и прессуются с предыдущими слоями. Во время засухи наоборот площади их уменьшаются, при этом и растительный и животный мир этого биоценоза также изменяется. Это – особый мир, и он требует бережного к себе отношения. Что происходит с природой, когда болота бездумно тотально осушают и пытаются использовать «в народном хозяйстве», показали уже упоминавшиеся стихийные бедствия в России летом 2010 и 2011 гг.

Но эти слова про болота – не стремление показать, что «застой» для общества, для людей не страшен. Речь о другом, что даже в кажущемся полном покое, неизменности, если мы захотим, то увидим и сложные взаимоотношения, и бурную жизнь. Т.е. застой и стабильность – понятия разные.

Поэтому-то вполне можно согласиться с В.П. Алексеевым, который считал миграцию как один из демографических показателей важней-

шим фактором расообразовательного процесса (Алексеев, 1989, с. 281–284). Но как менялась сама миграция, так же существенно изменялось и ее воздействие на биологические особенности человеческих популяций. Упомянутое выше постепенное расселение человеческих популяций, характерное для всех исторических периодов, обычно самое щадящее. В этом случае, часть популяции, включая и мужчин, и женщин, и детей, поселяется в ближайшем к первоначальному, сходному по ресурсам и экологической ситуации незаселенном районе. Поэтому можно предполагать, что кроме каких-то особых ситуаций (например, так называемого генетического «эффекта основателя», когда в группу выселенцев случайно попадают носители редких, не характерных для всей популяции, генов; или численность группы крайне мала), для адаптации на новом месте мигрантам будет достаточно пределов вариации их нормы реакции. Но, как отмечалось, изменения в любом случае будут происходить. По прошествии большого времени и на значительном удалении от первоначального места жительства генофонд мигрантов может уже сильно отличаться от материнской популяции. Именно таким путем образуются те адаптивные типы, описала и обосновала выделение которых Т.И. Алексеева (1986, 1998). Но благодаря случайным генетическим процессам, и в связи со степенью различий между старым и новым местами проживания в группе переселенцев могут накопиться и особые характеристики, как обеспечивающие ей некие адаптивные преимущества по сравнению с материнской, так и нейтральные, возможно и визуально определяемые.

От таких постепенных переселений целыми общинами не сильно в смысле адаптационных процессов отличаются, например, выселки или переселение, когда вся группа целиком переезжает жить в другое место. Но бывает и другой вариант миграций, который бесспорно был крайне редок в древности. Для многих общин самым сильным наказанием, равносильным почти со смертью, было изгнание человека из родного села, из родных мест. Поэтому, один человек мог уехать в другое место только в крайней ситуации. Если в первом случае действие на индивидуума всех выше описанным и других факторов как бы «рассеивалось», «смягчалось», «принималось» на себя всей перемещающейся общиной, то в этом, втором – человек оказывается ничем, кроме собственных знаний, способностей, собственного иммунитета, собственных генетических задатков и приобретенного опыта, не за-

щищенным от них. Соответственно и человеку приходится мобилизовать все свои биологические резервы в значительно большей степени, чем, если бы он менял место жительства в составе какой-либо группы.

Конечно, покинувший общину человек, может остаться отшельником, и тогда он сам будет выбирать себе подходящее место существования, из не занятых другими группами. Попадая же в другую общину, особенно, если она значительно отличается по своей культуре, языку, традициям, он должен или принять все это новое или всю оставшуюся жизнь жить во внутреннем конфликте. Но в обоих случаях организм будет находиться в сильнейшем стрессовом состоянии, которое преодолевается медленно и постепенно. Здесь нельзя не сказать еще раз о большом разнообразии, свойственном человеческим существам. Морфо-физиологический и связанный с ним психологический статус одних приведет к полной деградации личности в новых условиях. Другие подавят в себе все, что было впитано с молоком матери и приобретено в процессе социализации в родном сообществе, и будут стремиться походить на типичного члена новой общности. И, несомненно, кто-то будет балансировать между этими двумя крайними вариантами.

Можно почти уверенно говорить о том, что миграция одиночек на протяжении тысячелетий с момента появления на Земле человечества, была исключением. Лишь с появлением очагов концентрации населения, предтечи будущих городов, расположенных в наиболее удобных местах, именно этот тип миграции становится существенным. При взаимодействии двух популяций между собой, т.е. тогда, когда пришедшая группа смешивается с аборигенной, их генофонды взаимодействуют между собой как две самостоятельные системы, каждая из которых стремится сохранить свою целостность. И в результате образуется метисная группа, у которой складывается, в зависимости от качества генного материала, тот или иной промежуточный генофонд. Наверняка имеются работы, раскрывающие этот процесс. Но когда к одному целостному генофонду примешиваются отдельные представители другого генофонда, возможно несколько вариантов. Когда в существующий издавна стабильный генофонд попадает 1-2 новых генотипа, тот их гены спокойно поглощает и в целом, серьезных последствий для популяции это не несет. Когда в тот же генофонд регулярно попадают представители другого стабильного генофонда – тоже вряд ли стоит ожидать, кардинальных перемен. Мелкие изменения накапливаются,

складываются какие-то метисные формы, и уже от времени и их числа зависят тот итог, к которому приведет такое сосуществование. Если же потоки генов в стабильную популяцию идут из разных общностей, то изменения в ней, зависят также от их числа и разнообразия: чем их больше, и чем они разнообразнее, тем более серьезные последствия это будет иметь для первичной группы. Т.е. первичное равновесное состояние будет разрушаться и при скрещивании будет формироваться не новая гибридная группа, а потомство с неустойчивым фенотипом. Новое равновесие будет достигнуто через весьма значительный промежуток времени, исчисляемый не одним десятком поколений.

Можно, опираясь на данные, приводимые в исследовании О.Л. Курбатовой и Е.Ю. Победоносцевой (2006), привести небольшой пример, относящийся, правда, только к одной патологии – так называемой бета-талассемии. Бета-талассемия – редкое наследственное заболевание крови. При талассемии гемоглобин А, свойственный взрослым, на 50–90% заменяется гемоглобином HbF, имеющимся только у плода человека. Лица, имеющие по две копии гена, определяющего эту патологию, страдают от тяжелой анемии и редко доживают до взрослого состояния, поскольку для поддержания жизни постоянно нуждаются в переливании крови и пересадке костного мозга. Кроме того, значительная часть носителей только одной копии этого гена (гетерозиготные носители), также имеют серьезные отклонения от нормы, обостряющиеся в условиях стресса и экстремальных нагрузок. Генетическая природа заболевания – мутация гена, контролирующего синтез гемоглобина. Талассемия в основном распространена в районах, эндемичных по малярии: на побережье Средиземного моря, в Южной Европе, Северной Африке, Южной и Юго-Восточной Азии. Имеются очаги талассемии в Азербайджане, в равнинных районах которого гетерозиготная бета-талассемия наблюдается у 7-10% населения (Фогель, Мотульски, 1990 – цит. по: Курбатова, Победоносцева, 2006, с. 164–165). Это связано с тем, что такие больные обладают повышенной устойчивостью к заражению различными штаммами малярийного плазмодия (возбудителя заболевания). Благодаря исследованиям А.А. Воронова (1970, 1973; Voronov, 1981) и А.Ю. Асанова (1997) выявлена картина распространенности бета-талассемии в населении бывшего СССР. В большинстве регионов России, Белоруссии, Украины и Прибалтики частота гена бета-талассемии крайне мала (1×10^{-3}), поэтому эта болезнь здесь практически неизвестна (теоретически ожидаемая

частота: 1 больной на миллион населения). В то же время в Средней Азии и Закавказье распространенность этого гена намного выше, например, в Азербайджане – в 20 раз (Курбатова, Победоносцева, 2006, с. 165).

Расчеты специалистов-генетиков показывают, что в результате миграции населения в Москву из этих регионов (в тех объемах, как это имело место в середине 2000-х годов), частота гена бета-талассемии за 10 поколений может увеличиться: в Москве в 3 раза, в России в 6 раз. При этом число больных возрастет соответственно в 12 и 23 раза. Даже в этом случае бета-талассемия останется редким заболеванием, однако число гетерозиготных носителей составит уже значительную величину: 77 тыс. в Москве и 1761 тыс. в России. На сегодняшний день известно уже несколько тысяч наследственных заболеваний, обусловленных генными мутациями (Пузырев, Степанов, 1997 – цит. по: Курбатова, Победоносцева, 2006, с. 165), многие из которых встречаются с неодинаковой частотой в разных этнических группах. При относительной редкости каждой отдельно взятой патологии их суммарный вклад в величину генетического груза популяции может быть весьма существенным.

Как отмечают те же специалисты, проблема изменения спектра наследственной патологии актуальна не только для России. Например, в Германии, принявшей несколько миллионов мигрантов из Турции, Италии, Греции, стран Ближнего Востока и Африки, рост числа случаев бета-талассемии зарегистрирован еще в начале 1980-х гг. (Holzgreve *et al.*, 1992 – цит. по: Курбатова, Победоносцева, 2006, с. 165). Заметное изменение частот некоторых наследственных заболеваний вследствие притока мигрантов из Азии и Африки отмечено в Великобритании и ряде других стран (Minority Populations..., 1992 – цит. по: Курбатова, Победоносцева, 2006, с. 165).

Миграционные потоки могут изменять частоты не только обычных генных маркеров и патологий, контролируемых одним геном, но и генов, предрасполагающих к развитию заболеваний, в том числе и инфекционных. Также в конце 1990-х годов была обнаружена мутация, повышающая устойчивость к СПИДу – делеция *CCR5 Δ 32*, что стимулировало исследования ее распространенности в различных популяциях и этнических группах (Лимборская и др., 2002). В результате притока мигрантов из регионов, где эта мутация практически отсутствует, в московской популяции ее частота будет постепенно падать, что

статистически показано уже не раз выше цитированными исследователями из ИОГен РАН (Курбатова, Победоносцева, 2006, с. 166).

Приведенные примеры касаются ограниченного круга заболеваний, тех, наследственность которых понятна и поэтому возможно проведение расчетов. Конечно, их круг можно значительно расширить. Здесь же мне хотелось лишь показать те генетические изменения в популяции, которые происходят в связи с включением отдельных индивидумов в относительно стабильную популяционную структуру. Как выше уже было отмечено, такой тип миграции становится существенным фактором, влияющим на популяционную структуру человечества, только с появлением первых городов – т.е. приблизительно с IV тыс. до н.э. (а возможно и ранее) (Дубова, 1989; Dubova, 1988). Специальное внимание генетическим процессам, имеющим место в населении городов, уделяется О.Л. Курбатовой (см., напр., ее пионерские работы: Курбатова, 1975, 1977, а также их содержательное продолжение: Курбатова, Победоносцева, 1992, 2004, 2006; Курбатова, Победоносцева, Свежинский, 1997, 2002 и мн. др.). В результате многолетнего изучения московской популяции авторами была создана модель генетико-демографического процесса в мегаполисе.

Об особенностях населения городов по разным биологическим параметрам имеется обширная литература, обзор которой, конечно, не является целью данной работы. С точки зрения эколога, город – это специфическая экологическая ниша, где происходит высочайшая концентрация населения, хозяйственной деятельности, торговли, власти и идеологической жизни, что обуславливает и высокую профессиональную дифференциацию жителей (Алексеев, 1993). Т.И. Алексеева показала, что городское население отличается распределением особенностей конституциональных типов и большая выраженность процессов акселерации (Алексеева, 1998). С точки зрения психолога, в городах происходит модификация пространственного восприятия окружающей среды и психологических стереотипов (замкнутое пространство); расширение кругозора, увеличение интенсивности общения, усложнение психологической сферы, связанное с необходимостью дисциплины и подчинения. Медики отмечают дестабилизацию эпидемиологической обстановки, связанную с высокой плотностью населения, стрессами (см. выше), гиподинамией и загрязнением окружающей среды, а также особый – усредненный тип питания, основанный на пищевой индустрии и отличающийся более кало-

рийной, богатой белками и разнообразной (в том числе и «экзотической») пищей.

Опираясь на подобные факты, автором в 1988 г. был даже сформулирован вывод о том, что начало формирования городов можно считать еще одним, пятым этапом формообразования внутри вида *Homo sapiens* (Dubova, 1988; Дубова, 1989). В разделе «Общий обзор расообразовательного процесса» одной из своих работ В.П. Алексеев выделил четыре этапа расообразования (Алексеев, 1989, с. 281–284). Первый отнесен им к эпохе нижнего или среднего палеолита и связан с выделением первичных очагов расообразования, сложением основных расовых стволов – западного (объединяет европеоидов, негроидов и австралоидов) и восточного (азиатские монголоиды и американоиды); второй – к эпохе верхнего палеолита и частично мезолита и связан с выделением вторичных очагов и расширением ойкумены; третий – к концу мезолита и неолиту, связан с увеличением численности человечества, более интенсивной хозяйственной эксплуатацией уже освоенных районов, с освоением новых экологических ниш в пределах ранее заселенных территорий, с формированием третичных очагов расообразования и в их пределах – локальных рас и, наконец, четвертый – к эпохе бронзы и частично раннего железа. Важными характеристиками всех этих этапов В.П. Алексеев считает демографическую ситуацию (в том числе плотность населения и миграции), давление факторов среды и смешение. Последний этап В.П. Алексеев считал последним и связанным с оформлением той картины расового состава человечества, которую мы застаем в настоящее время.

Но те схемы расовых классификаций, которые считаются «свойственными современному человечеству», на самом деле характеризуют картину антропологического покрова Земли в XVII–XVIII вв. (т.е. до эпохи Великих географических открытий), что нередко и подчеркивается при их описании (см. наиболее известные: Бунак, 1956; Дебец, 1958; Алексеев, 1974; Рогинский Левин, 1978). Точнее было бы сказать, что и для еще более раннего времени. Ибо, не углубляясь в этот вопрос специально, было бы неверно полагать, что на детали этой картины никак не повлияли массовое расселение из полумесяца плодородия, имевшее место в неолитическую эпоху или, например, миграции эпохи бронзы. Расы человека, как это было блестяще обосновано еще в 1938 г. В.В. Бунаком, являются исторической категорией, и для каждого момента истории, мал он или велик, можно построить свою «карту

распределения расовых типов». Столь же далеким от действительности может являться и мнение, что данная картина остается неизменной с XVIII в. до настоящего времени, и никакие процессы с популяциями человека не происходят.

Можно сказать, что ведущими, также как и на четвертом, выделенном В.П. Алексеевым, этапе формообразования остаются те же факторы – демографическая ситуация, давление факторов среды и смешение. Но высокая плотность населения остается причиной выезда населения в основном из сельских районов, в то время как социальные факторы – в том числе наличие рабочих мест, желание получить образование и др. – приводит к концентрации населения (и соответственно к повышению его плотности) в городах и в городских агломерациях. Как я пыталась подчеркнуть выше, характер миграции и смешения существенно меняются. Можно говорить о том, что внутри вида *Homo sapiens* формируется новая форма, которая вполне может быть сопоставима с расами. Ответить на вопросы «Является ли это формирование одной, «городской расой» или же в разных частях света складываются свои городские расы?» и «Сопоставим ли данный тип с расой или адаптивным типом?» можно только после того, как будут проведены специальные исследования. Но сам факт нового, обладающего своими морфо-функциональными особенностями антропологического типа, свойственного населению городов, расположенных на разных континентах, представляется достаточно обоснованным.

Популяции человека перераспределяются на территории Земного шара. Урбанизированные технически развитые общества, несмотря на видимую заботу о «сохранении культурного многообразия», вытесняют сохранившиеся до наших дней островки сообществ, ведущих традиционный (или близкий к нему) образ жизни, тесно связанного с природой. Все большее число людей живет в городской среде². Но, «заполняемость нашей экологической ниши» уже, можно сказать, близка к сво-

² В 2003 г. численность городского населения в мире достигла 3 млрд чел. К 2018 г. ожидается ее увеличение до 4 млрд чел., хотя в целом предполагается снижение темпов прироста уже с 2020 г. (Щербакова, 2010). Уровень урбанизации в разных регионах мира различен. Наиболее высок он в Северной Америке, Зарубежной Европе, Латинской Америке и Австралии (71-75%); низкий уровень - в Зарубежной Азии (особенно в Южной и Юго-Восточной) и Африке (27-34%) (<http://school.iot.ru/predmety/geo/nas6.html>). В России по переписи 2002 г. в городах жило 72,3% населения, а на 1 января 2010 г. – 73,08% (<http://www.gks.ru>).

ему пределу. Об этом свидетельствуют, например, «включения биологических механизмов» регуляции численности, таких, как «исчезновение» Y хромосомы (см., например: <http://iscience.ru/2009/07/17y-xromosoma-mozhet-ischeznut>) или распространение мужского и женского бесплодия (см., например: Гундаров, 2007)³. Эти сведения показывают, что, если человечество не найдет возможности расширения своей экологической ниши (в том числе, как предлагал В.И. Вернадский, выходом в космос), то, несмотря на весь свой научно-технический потенциал, и даже без применения оружия массового поражения, рост численности землян постепенно будет замедляться. Это уже происходит, как показывают все современные демографические исследования, за счет населения Европы и Северной Америки. А скоро будет наблюдаться и в Азии.

Но вернусь к основной теме данной работы. Было бы неверно забывать о том, что какую бы «хорошую», «идеальную» искусственную среду человечество для себя не создало, его биология никуда пропасть не может. Организм, будучи биологической системой высокого порядка, с неизбежностью будет реагировать на любые факторы среды. Разница между людьми заключается только в силе этой реакции. Согласно аддитивному принципу развития природы эволюционно более молодые системы образуются с максимальным использованием «достижений» систем более старшего возраста (Иржак, 2005). Формирование *Homo sapiens* происходило также на основе предыдущих «достижений» эволюции органического мира. Поэтому важнейшие закономерности экологии животных характерны и для человека, правда, с учетом того, что ему свойственна социальность, способность создавать свою искусственную среду обитания.

Нельзя не согласиться с мнением выше уже упоминавшихся А.В. Лосева и Г.Г. Провадкина о том, что «для генофонда общество есть такая же среда и условие его жизни, как воздух, вода, климат и вся живая и неживая природа в целом. Духовная жизнь общества, его культура и мораль, общественные отношения, уровень развития произво-

³ Например, согласно статистическим данным России, бесплодными признаны 6 млн. женщин и 4 млн. мужчин. Таким образом, в России страдают бесплодием около 15% семейных пар. Ежегодно, цифра имеет свойство увеличиваться на количество бесплодных – до 250 тыс. человек (<http://www.med.israelinfo.ru/tours/4/207/>). Частота бесплодия в мире колеблется от 10-15 до 18-29%, и имеется стойкая тенденция к ее быстрому увеличению (Чайка и др., 2009).

дательных сил – все это прямо или косвенно сказывается на генофонде, ибо гены человека со времени его возникновения оказались в плену истории и вовлечены в исторический процесс, как щепки в поток» (Лосев, Провадкин, 1998. Глава «Генофонд в общественном звучании»).

И поэтому, «как бы ни были специализированы человеческие взаимоотношения, создающие общество, биологические «законы» все равно останутся в силе...» (Медавар, Медавар, 1983). Речь идет не о том, чтобы свести, редуцировать все многосложности бытия человека к фундаменту пирамиды, а в том, чтобы, не игнорируя его, обнаружить его место и роль в феномене возникновения нового качества.

Литература

- Акимова Т.А., Хаскин В.В.* Экология. М., 1998.
- Алексеев В.П.* География человеческих рас. М., 1974.
- Алексеев В.П.* Человек. Эволюция и таксономия. Некоторые теоретические вопросы. М., 1985.
- Алексеев В.П.* Очерки экологии человека. М.: Наука, 1993. 191 с.
- Алексеева Т.И.* Адаптивные процессы в популяциях человека. М., 1986.
- Алексеева Т.И.* Адаптация человека в различных экологических нишах земли. (Биологические аспекты). Курс лекций. М.: МНЭПУ, 1998.
- Аршавский В.В.* Особенности межполушарных взаимоотношений у коренного и пришлого населения Северо-Востока: Вопросы адаптации и медико-педагогические аспекты. Магадан, 1985. Ч. 1, 2. (Препринт / Ин-т биолог. проблем Севера).
- Аршавский В.В., Гельфгат Е.Л., Соловечук Л.Л.* Адаптационная роль миграционного отбора в условиях Северо-Востока // Проблемы социальной экологии. Тез. докл. Первой Всесоюз. конф., Львов, 1–3 октября 1986. Львов. 1986. Ч. 2. С. 106–107.
- Асанов А.Ю.* Популяционная динамика и гено-география бета-талассемии в республиках бывшего СССР: Автореф. дис... д-ра. биол. наук. М.: МГНЦ РАМН, 1997.
- Бигон М., Харпер Дж., Таунсенд К.* Экология. Особи, популяции и сообщества / Пер. с англ. М.: Мир, 1989. В 2-х т.
- Бунак В.В.* Раса как историческое понятие // Наука о расах и расизм. Тр. Ин-та антропологии МГУ. Вып. IV. М.:Л., 1938.
- Бунак В.В.* Человеческие расы и пути их образования // Советская этнография (далее – СЭ). 1956. № 1.
- Васильевский Н.Н.* Экологическая физиология мозга. Л., 1979.
- Вернадский В.И.* Живое вещество. М.: Наука, 1978.

Воронов А.А. Сравнительно-гематологические исследования у некоторых народов Закавказья (Геногеография полиморфизма гемоглобина). Автореф. дис. ... канд. биол. наук. М., 1970.

Воронов А.А. Геногеография талассемии в советских республиках Закавказья // Проблемы гематологии и переливания крови. 1973. № 11. С. 32–37.

Глоссарий.ru // <http://www.glossary.ru>

Гундаров И.А. В поисках утраченной фертильности // http://www.ng.ru/science/2007-11-14/22_fretilnost.html

Дебец Г.Ф. Опыт графического изображения классификации человеческих рас // СЭ. 1958. № 4.

Дильман В.М. Четыре модели медицины. Л., 1987.

Дубова Н.А. Биологические аспекты этнической экологии // Этническая экология. Теория и практика / Отв. ред. В.И. Козлов. М., 1991. С. 77–99

Дубова Н.А. Антропологические аспекты урбанизации // СЭ. 1989. № 6.

Дубова Н.А. Выбор стратегии поведения в стрессовой ситуации // Международный симпозиум «Стресс и экстремальные состояния» под лозунгом «Борьба с терроризмом, нераспространение ядерного, биологического и химического оружия». Кара-Даг, Феодосия (Крым), Украина. 5–14 июня 2002 года. М., 2002. С. 4.

Дубова Н.А., Комарова О.Д. Демографическая структура и принятие решения о выезде // ЭО. 1994. № 5.

Егоров Ю.В., Колясникова Н.Н. Экология человека и социальная экология: термины и смыслы // Аналитика и контроль. 2010. Т. 14. № 4.

Иржак Л.И. Биологические и социальные аспекты экологии человека // Фундаментальные исследования. № 7. 2005. С. 101–102.

Казначеев В.П., Казначеев С.В. Адаптация и конституция человека. Новосибирск, 1986

Курбатова О.Л. Опыт генодемографического исследования больших панмиксных популяций. Генетическая структура двух последовательных поколений жителей Москвы // Вопр. антропологии. 1975. Вып. 50. С. 30–45.

Курбатова О.Л. Генетические процессы в городском населении (опыт генодемографического исследования популяции г. Москвы): Автореф. дис.... канд. биол. наук. М.: МГУ, 1977.

Курбатова О.Л., Победоносцева Е.Ю. Генетико-демографические процессы при урбанизации: миграции, аутбридинг и брачная ассортативность // Наследственность человека и окружающая среда / Ред. Ю.П. Алтухов. М.: Наука, 1992. Вып. 2. С. 7–22.

Курбатова О.Л., Победоносцева Е.Ю. Урбанизированные популяции // Динамика популяционных генофондов при антропогенных воздействиях. Гл. 5.2. / Ред. Ю.П. Алтухов. М.: Наука, 2004. С. 433–516.

Курбатова О.Л., Победоносцева Е.Ю. Городские популяции: возможности генетической демографии (миграция, подразделенность, аутбридинг) // Вестн. ВОГиС. 2006. Т. 10. № 1. С. 155–188.

Курбатова О.Л., Победоносцева Е.Ю., Свежинский Е.А. Генетико-демографические процессы в московской популяции в середине 1990-х годов. Миграция и эмиграция как факторы изменения генетического разнообразия популяции // Генетика. 1997. Т. 33. № 12. С. 1688–1997.

Курбатова О.Л., Победоносцева Е.Ю., Свежинский Е.А. Влияние этноконфессиональных факторов на динамику генофонда населения Москвы // Мусульмане изменяющейся России. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2002. С. 142–172.

Лежачус Э. Элементы общей теории адаптации. Вильнюс, 1986.

Лимборская С.А., Хуснутдинова Э.К., Балановская Е.В. Этногеномика и геогеография народов Восточной Европы. М.: Наука, 2002.

Лосев А.В., Провадкин Г.Г. Социальная экология: учебное пособие для вузов. М., 1998.

Максимов А.Л. Особенности функциональных адаптаций у коренных жителей Магаданской области – потомков европейских мигрантов // IX Конгресс этнографов и антропологов Росс. Тез. докл. Петрозаводск, 4–8 июля 2011. Петрозаводск, 2011.

Маркович Д.Ж. Социальная экология. М., 1991.

Махрин Ю. Миллион жителей Подмосквья ездит на заработки в столицу // <http://gazeta-pravda.ru/content/view/2244/60/> (28.08.2009).

Медавар П., Медавар Дж. Наука о живом. М.: Мир, 1983.

Москалюк Т.А. Лекция 6. Среды обитания и их характеристики // http://www.botsad.ru/p_papers25.htm.

Мультимедийный учебник по биологии // <http://www.ebio.ru/index-5.html>

Ошмарин А.П., Ошмарина В.И. Экология. Школьный справочник. Ярославль, 1998.

Парахонский А.П. Биологические и социальные аспекты экологии человека // Современные наукоемкие технологии. 2007. № 9.

Прохоров Б.Б. Социальная психология. 4-е издание. М.: Издательский центр Академия, 2009.

Пузырев В.П., Степанов В.А. Патологическая анатомии генома человека. Новосибирск: Наука. Сиб. предприятие РАН, 1997.

Радкевич В.А. Экология. Минск: Вышэйшая школа, 1998.

Рогинский Я.Я., Левин М.Г. Антропология. М., 1978.

Селье Г. Очерки об адаптационном синдроме. М., 1960.

Ситаров В.А., Пустовойтов В.В. Социальная экология: Учебное пособие для студентов высших педагогических учебных заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2000.

Современные философские проблемы естественных, технических и социально-гуманитарных наук. М.: Гардарики, 2006.

Степановских А.С. Общая экология: Учебник для вузов. М.: ЮНИТИ, 2001.

Тигранян Р.А. Стресс и его значение для организма. М., 1988.

Фогель Ф., Мотульски А. Генетика человека. Т. 3. М.: Мир, 1990.

Хациева М.С. Медико-социальные проблемы мигрантов на территории России (на примере вынужденных переселенцев из Чеченской Республики). Автореф. дис... канд. мед. наук. М., 2006.

Чайка В.К., Луцки В.В., Акимова И.К., Попова М.В. Итоги и перспективы решения проблемы бесплодия в браке в Донецкой области // Новости медицины и фармации. Акушерство, гинекология, репродуктология. 2009. (275) Репродуктивное здоровье. (Тематический номер).

Шилов И.А. Экология. М.: Высшая школа, 2003. 512 с.

Шитова Ю.Ю. Маятниковая трудовая миграция в Московской области: методический и прикладной анализ // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2006. № 1.

Щербакоева Е. Рост городского населения мира будет все больше замедляться, сельское население после 2020 года начнет сокращаться // Демоскоп Weekly № 429–430. 1–22 августа 2010 – <http://demoscope.ru/weekly/2010/0429/barom03.php>

Экология. Информационный портал // <http://www.humanecology.ru/index.htm>

Dubova N.A. Urban human biology. 12th ICAES. Zagreb, Yugoslavia, July 24–31, 1988. М., 1988.

Hakulinen T., Hansluwka H. et al. Global and regional mortality patterns by cause of death in 1980 // J. of Epidemiol. 1986. Vol. 15. №. 2.

Holzgreve W., Miny P., Tercanli S., Horst J. Health problems of the Turkish minority in Germany: experiences with a prenatal β -talassaemia detection program // Minority Populations. Genetics, Demography and Health / Eds. A.N. Bittles, D.F. Roberts. L.: The Macmillan Press Ltd, 1992. P. 156–171.

Levi M.L. Modernité, Moralité // Popul. Et. Soc. 1985, N 192.

Minority Populations. Genetics, Demography and Health / Eds. A.N. Bittles, D.F. Roberts. L.: The Macmillan Press Ltd, 1992.

Voronov A.A. The Impact of Ethic Factors upon Genogeography and the Initial Prophylaxis of some Genetically Determined Blood Diseases in the USSR // Collegium Antropologicum. 1981. Vol. 5. №. 1. P. 109–118.

Р.М. Сатаев, Л.В. Сатаева, В.В. Куфтерин

**Опыт классификации ритуальных объектов
с животными на примере материала Гонур Деде**

На археологических памятниках нередко фиксируются разнообразие объекты ритуального назначения. Особое место среди них занимают многочисленные проявления ритуального использования животных, на изучение которых направлено настоящее исследование.

Нужно признать, что любые ритуальные действия, есть проявление культурной адаптации человека, которая «осуществляется в двух плоскостях – материальной и духовной» (Дробышев, 2009, с. 163), т.е. по сути, являются частью жизнеобеспечения человеческих коллективов в широком ее понимании. В.И. Козлов справедливо предлагает учитывать «две основные стороны жизнеобеспечения людей – физическую и психическую» (1983, с. 9). Такой подход вполне обоснован, поскольку «поступки людей просеиваются через сито мотиваций, лежащее... на грани между реальным миром и его воображаемым образом» (Дробышев, 2009, с. 165). Когда мы говорим о животных и растениях нельзя забывать, что «жизнь членов архаических обществ теснейшим образом связана с природой», поэтому их образы «фигурировали... в обрядах и мифологических представлениях» (Антонова, 2004, с. 198). Нужно добавить, что животные и растения, культивируемые человеком, оставались частью природы. Люди, используя ритуалы как своеобразный способ достижения психологического комфорта, трансформировали объекты своих витальных потребностей (животные и растения), в объекты, призванные удовлетворять потребности духовные. С точки зрения современных представлений это может расцениваться, как форма «вейстинга» (согласно пониманию С.А. Арутюнова), но в психологическом аспекте это один из способов релаксации, который сохраняется и до настоящего времени (например, во время праздника Курбан-Байрама у мусульман).

В частности, особое внимание экологичности мировоззрения традиционных, в том числе и древних, культур Сибири, уделяет М.Ф. Косарев (1989, 1991, 2001, 2003). Он, прежде всего, акцентирует внимание на проблемах этики, основанной на осознании носителями традиционных культур взаимосвязи человеческого коллектива и природных процессов, своего рода «общезитии» человека и окружающей среды. При этом автор справедливо отмечает, что «если природная среда является ареной существования общества, то верования, обряды, культы, искусство, этика

характеризуют душу общества. Поэтому подлинная история древних обществ может быть воссоздана лишь в том случае, если материальная культура и социально-экономические процессы будут изучаться в неразрывной связи с историей духовной культуры» (Косарев, 1991, с. 10–11).

Проводя последние несколько лет исследования на хорошо известном научной общественности памятнике бронзового века Туркменистана Гонур Депе, мы обратили внимание на разнообразие использования животных, прежде всего в ритуальной практике. В связи с чем, перед нами встала задача классификации объектов ритуального использования животных, без решения которой сложно приблизится к пониманию мотиваций их создания.

Гонур Депе – столичное поселение Древней Маргианы. Памятник был открыт в 1972 г. Маргианской археологической экспедицией Института археологии АН СССР и Института истории Туркменистана под руководством В.И. Сарияниди в юго-восточных Каракумах. Город располагался в древней слепой дельте р. Мургаб. Согласно имеющимся датировкам, поселение было основано в 2300–2250 гг. до н.э. (Зайцева и др., 2008). Раскопки, проведенные на этом и других памятниках Маргианы, принесли доказательства существования в древней дельте Мургаба высокоразвитой земледельческой цивилизации (Сарияниди, 1990, 2001, 2002, 2006 и др.).

Столичный урбанистический центр Гонур Депе отличает от обычных городов наличие многочисленных и разнообразных объектов ритуального назначения. Разные аспекты ритуальной практики древнего населения Гонур Депе обсуждаются в обзорных и специальных работах, посвященных археологическим исследованиям на памятнике (Сарияниди, 2001, 2002, 2004, 2005, 2007, 2008, 2010; Сарияниди, Дубова, 2007, 2010; Дубова, 2004, 2008; Сатаев, 2008, 2008а; 2009, 2010; Куфтерин, 2008, Дубова, Куфтерин, 2008; Нечвалода, Куфтерин, 2008; Сатаева, 2009; Сатаева, Сатаев, 2009).

Поскольку в данной работе мы рассматриваем вопросы, которые закономерно встают в связи с обнаруженными на Гонуре многочисленными проявлениями особого отношения к животным в аспекте духовной жизни населения одного из центров древневосточной цивилизации, необходимо уточнить основные понятия, которыми мы оперируем.

Под ритуальными объектами далее мы будем понимать сооружения, конструкции или их отдельные части, создание и использование которых преследовало исключительно идеологические цели. Кроме собственно сооружений ритуального назначения (погребения, кенотафы, алтари,

жертвенники и др.), к этой категории объектов следует отнести обособленные специально оформленные захоронения животных (целых туш или изолированных их частей), форма нахождения которых не может быть объяснена иными (тафономическими, бытовыми), кроме ритуальных действий, причинами. Таким образом, останки животных, имеющие ритуальный генезис, могут представлять собой как один из атрибутов ритуального объекта, так и самостоятельный объект.

В археологической и этнографической литературе такие понятия как «ритуальное животное», «культовое животное», «жертвенное животное» нередко приводятся как синонимы. С одной стороны это связано с нечеткостью определений, с другой – с перекрыванием семантических полей этих понятий. По нашему мнению наиболее общим, не претендующим на конкретизацию, является понятие «ритуальное животное», которое подразумевает любое животное в виде целой туши или ее отдельных частей используемое при совершении какого-либо ритуала (жертвенные животные, части животных использовавшиеся в погребально-поминальном обряде и т.д.). В археологической практике – это костные остатки животных, не являющиеся кухонно-бытовыми или технологическими отходами.

Наиболее часто при изучении погребений приходится сталкиваться с остатками напутственной (заупокойной) пищи. Нередки случаи, когда все отдельные целые и фрагментированные кости животных, обнаруженные в погребении, относят к данной категории находок. При этом необходимо учитывать локализацию, комплектность, сохранность и состав находок. Часть костей в погребение может попасть из культурного слоя при устройстве и засыпании ямы, при проведении поминального обряда (остатки поминальной тризны) или других процессов, которые не могут быть однозначно интерпретированы исследователями.

Сложнее обстоит вопрос с понятием «культовое животное». И.Ю. Винокурова (2007) на основе критического анализа различных общих определений культа приводит следующее: «культ – коллективное почитание какого-либо объекта, выраженное в совокупности различных мифолого-религиозных представлений и обрядов», и, исходя из этого, «культ определяется объектом, обладающим в мифолого-религиозных представлениях особыми сверхъестественными свойствами». Под культовыми животными она понимает: «а) животные – непосредственные объекты культа; б) представители мира фауны, которые в результате длительной эволю-

ции и трансформаций зоолатрии стали «обслуживать» культы различных сверхъестественных существ (в качестве их жертв, атрибутов, спутников, посредников, призраков и т.д.)). Нельзя не согласиться, что разнообразные ритуалы и обряды, в том числе и те, где фигурируют животные, являлись частью культов, а сами животные «обслуживая» их, по всей вероятности, занимали определенное место в религиозных представлениях и, в таком понимании, могут быть названы культовыми. Однако, по нашему мнению такое расширенное определение размывает понятие о культовом животном, почти отождествляя его с ритуальным. И если в этнографии такой подход может быть оправдан, в археологии он может привести к подмене понятий, поскольку археологический материал не отражает все идеологические нюансы ритуально-обрядовой практики.

Более конкретизированными являются понятия культа и объектов культа, предложенные В.С. Ольховским (1986) при рассмотрении им погребального культа. Согласно его представлению «погребальный культ – это исторически сложившаяся система религиозных отношений, проявляющаяся в форме почитания реальных или иллюзорных объектов, связанных с представлением о смерти человека и его состоянии после смерти». В связи с этим, объектом погребального культа «являются сверхъестественные существа загробного мира (души, боги и т.д.), нередко персонифицированные в реальных предметах». Исходя из такого понимания, животные, используемые при проведении погребально-поминального обряда, если они не являются персонификацией высших сил, не могут быть названы культовыми.

Поэтому под «культовым животным» нами понимается реально существующее или мифическое животное и/или символический зооморфный образ, являющийся предметом особого почитания, поклонения и обожествления. При этом нужно учитывать, что статус культового животного (если речь идет о реально существующем) может распространяться не на всех представителей вида, а только на отдельные особи, имеющие особые признаки (окраска, наличие пятен, форма рогов, размеры и т.д.) или происхождение. В связи с этим, использование понятия «культовое животное» при интерпретации остатков животных, происходящих из ритуальных объектов, имеет смысл лишь при существовании у населения конкретной археологической культуры (или культурной общности) соответствующего культа. Культ животного, в свою очередь, предполагает присутствие в комплексе артефактов изображений животных (в т.ч. сим-

волических), захоронений животных несущих признаки проведения особого ритуала или других фиксируемых на археологическом материале проявлений культа. При этом мы считаем, что в отсутствии соответствующих артефактов этнографические и мифологические построения, привлекающиеся при реконструкции духовного мира древних сообществ, в решении вопроса о наличии того или иного культа не могут играть определяющую роль.

Если говорить об археозоологическом материале, то на нем культовое животное (даже если оно является биологическим объектом) может себя никак не обнаруживать, если не предусматривались манипуляции с его телом (использование в ритуалах) или не сохранились следы таких действий. Однако сам культ может выявляться по признакам его обслуживания (например, посвященным жертвоприношениям). Как отмечается С.И. Берстеновым (1995) «на базе земледельческо-скотоводческого уклада развивается особая форма поклонения животным – зоолатрия, эволюционирующая в направлении от обожествления животного к посвящению его конкретному божеству». В целом, когда вопрос касается костных останков животных, происходящих из ритуальных объектов, отнесение их к культовому животному требует достаточной аргументации, с привлечением всего объема имеющихся в распоряжении источников исторической информации.

Жертвоприношение – неотъемлемая составляющая религиозной обрядности и его мотивы регламентированы имевшими место в том или ином социуме религиозными представлениями. В общем виде, мотивация жертвоприношения может быть разной, это и совершение благого действия, и принесение в дар, и совершение своеобразного обмена с высшими силами. Исходя из широкого понимания жертвоприношения, к этой категории можно отнести самые разнообразные проявления ритуальной практики с использованием животных, поскольку во многих обрядах присутствует элемент жертвоприношения. Кроме этого отмечается и определенное сходство в форме использования животных. Однако далеко не все из ритуальных объектов отвечают основной мотивации жертвоприношения, которая, по нашему мнению, заключается в дарообмене с высшими силами. Остатки животных (например, череп и кости конечностей, по этнографическим параллелям – шура) в человеческих погребениях могут рассматриваться как индивидуальная жертва, предназначенная обеспечить загробное существование покойника, но специальные захоронения жертвенных жи-

вотных выступают как общественный акт, имеющий более широкое значение (Берстенов, 1995). Именно специально выполненные захоронения животных соответствуют главной мотивации жертвоприношений.

Д.Г. Зданович (2005), «признавая широкое поле семантических значений, мотивировок и форм жертвенных обрядов, связанных с животными» в качестве следов жертвоприношения животных в погребениях, предлагает рассматривать «остеологические останки, находящиеся в некрополе в ритуальном контексте (и/или ритуализованном состоянии), при условии отличия данного контекста от собственно погребального культа и культа животных». Но, во-первых, такое определение распространяется только на погребальные объекты; во-вторых, трактует жертвенное животное очень широко; в-третьих, не учитывает нередко имеющую место на практике сложность разграничения следов жертвоприношения от «собственно погребального культа». Так, захоронения целых туш животных за пределами основного погребения, нередкие на Гонур Депе, неверно интерпретировать как жертвоприношения, они имеют непосредственное отношение к погребальному обряду и являются, по сути, «погребальным инвентарем» (символизируют стадо). В лучшем случае их можно отнести к категории «индивидуальных жертв». Нельзя назвать жертвенными (в большинстве случаев) и животных из «царских» погребальных комплексов (захоронения лиц высокого социального статуса), чье назначение сопровождать умершего в потусторонний мир (например, тянуть повозку), т.е. они являются только атрибутом проведения сложного погребального обряда.

Таким образом, под жертвенными нами понимаются животные (в виде целой туши или отдельных частей), добровольно передаваемые сверхъестественным существам или сущностям посредством определенного ритуала (погребение, выставление, кремация и др.), а под «жертвенниками» – специально обустроенные места (сооружения, конструкции в виде оградок, площадок, ям) для проведения ритуала жертвоприношения. В общем виде формы жертвоприношений животных (и, соответственно, жертвенников) даже в разных культурах нередко имеют сходные характерные черты. Однако нужно учитывать, что различающиеся по форме жертвоприношения могут иметь близкую мотивацию и наоборот, поэтому говорить о действительной идеологической основе каждого конкретного случая жертвоприношения (как и вообще ритуального использования животных), выявляемого на археологическом (а тем более археозоологическом) материале, в большинстве случаев бывает сложно. Таким образом,

выявление остатков животных, имевших жертвенное назначение, – задача непростая и решаться может, только исходя из археологического контекста. Потому к категории жертвенных животных в нашей практике мы относим только костные остатки, происходящие с объектов, определяемых как жертвенники. Такой подход несколько сужает круг жертвенных животных (в смысле костных остатков происходящих от жертвоприношений), но ограждает от необоснованных заключений.

Опираясь на вышеизложенное, привлекая, кроме собственно археологических, данные палеоантропологии, археозоологии, археоботаники, мы предлагаем следующую классификацию ритуального использования животных древним населением Гонур Депе. Здесь можно выделить три основные группы. К первой нами отнесены животные из погребений. К этой категории приурочены несколько форм (типов) использования животных: 1) отдельные расчлененные части туш животных помещены в погребение (в т.ч. символическое) как напутственная пища; 2) целая неразделанная и неосвежеванная туша животного помещена в погребение (в т.ч. символическое), как жертва высшим силам; 3) животное (или несколько животных) помещено целиком в погребение, сопутствующие ему сооружение или прихоронены рядом за пределами погребения, с целью сопровождать умершего в загробный мир и стать частью его имущества - «символическое стадо»; 4) целая туша животного в кенотафе замещает покойника и захоронена в соответствии с существующим обрядом погребения; 5) помещенные в символическое погребение и выложенные в определенном порядке отдельные части туши одного или нескольких разных животных; 6) погребальный инвентарь из костей животных (в том числе необработанные изолированные роговые стержни и астрагалы). При этом разные формы использования животных в погребениях нередко сочетаются.

Вторая группа включает самостоятельные захоронения животных или их частей, в котором можно выделить следующие типы: 1) животное (или животные), захороненное целиком в специально подготовленной яме или котловане, как с погребальным инвентарем или другими атрибутами, так и без них; 2) целая туша животного захоронена в специально подготовленной яме в расчлененном виде, с определенным порядком выкладки отдельных ее частей, с погребальным инвентарем или без такового; 3) захороненные изолированные части животных (преимущественно головы, или рога).

В третью – включены захоронения кремированных животных или их частей. Здесь выделяются две формы: 1) целые кремированные туши животных, оставленные на месте их сожжения и прихороненные (частично сохраняется анатомический порядок скелета); 2) сожженные кости животных, помещенные в специально устроенные и оформленные ямки – жертвенники-лунки; 3) сожженные кости животных помещены в специально устроенные сооружения в виде цист.

Необходимо уточнить, что приведенная выше система является предварительной и призвана, в первую очередь, упорядочить имеющийся материал. Текущие раскопки памятника постоянно расширяют спектр ритуальных объектов с животными, возможно, дальнейшие исследования позволят расширить эту классификацию.

В целом, можно констатировать, что поскольку новые раскопанные объекты в большинстве случаев относятся к тем или иным выделенным нами таксонам, мы можем говорить об операциональности представленной схемы.

Литература

Антонова Е.В. Еще раз о культовых сосудах БМАК // У истоков цивилизации. Сборник статей к 75летию Сарияниди В.И., М.: Старый сад, 2004. С. 193–201.

Берестнев С.И. Захоронения животных у племен катакомбной общности // Проблемы археологии, древней и средневековой истории Украины: Тезисы докладов. Харьков, 1995. С.19–20.

Винокурова И.Ю. Животные в традиционном мировоззрении вепсов (опыт реконструкции): Дис... доктора ист. наук, 07.00.07. Петрозаводск, 2007. 572 с.

Дробышев Ю.И. Некоторые вопросы методологии этноэколого-гических реконструкций (на примере Центральной Азии) // Расы и народы: современные этнические и расовые проблемы: ежегодник. Вып.34. М., 2009. С.161–195.

Дубова Н.А. Могильник и царский некрополь на берегах Большого бассейна Северного Гонура // У истоков цивилизации. Сборник статей к 75летию Сарияниди В.И. М.: Старый сад, 2004. С. 254–281.

Дубова Н.А. Погребения животных в ритуальной обрядности Гонур Деле // Материалы Международной Конференции «Культура номадов Центральной Азии», посвященной памяти А.М. Мандельштама. Самарканд, 20–24 ноября 2007 г. Самарканд, 2008. С. 84–97.

Дубова Н.А., Куфтерин В.В. Фактор адаптации в формировании физического типа древнего населения юга Средней Азии: пример Гонур Деле, Туркменистан // Актуальные направления антропологии. М., 2008. С. 113–116.

Зайцева Г.И., Дубова Н.А., Семенцов А.А., Реймар П., Мэллори Дж., Юнгер Х. Радиоуглеродная хронология памятника Гонур Деде // Труды Маргианской археологической экспедиции. Т.2. М., 2008. С. 166–179.

Зданович Д.Г. Жертвоприношения животных в погребальном обряде населения степного Зауралья эпохи средней бронзы: Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. Екатеринбург, 2005.

Козлов В.И. Основные проблемы этнической экологии // Советская этнография, 1983, № 1. С. 3–16.

Косарев М.Ф. Древняя история Западной Сибири. М., 1991. 301 с.

Косарев М.Ф. Сибирское язычество. Lewinston Queenston – Lampeter: The Edwin Mellen Press, 2001. 328 с.

Косарев М.Ф. Основы языческого миропонимания. М.: Ладога-100, 2003. 352 с.

Куфтерин В.В. Проблема диагностики врожденных аномалий скелета на палеоантропологическом материале (на примере костных останков из погребения 3518 на Гонур Деде) // Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 2. М., 2008. С. 132–137.

Нечвалода А.И., Куфтерин В.В. К характеристике заболеваний жителей Гонур Деде (на примере ряда черепов из «руин» дворцово-храмового комплекса) // Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 2. М., 2008. С. 125–131.

Ольховский В.С. Погребально-поминальная обрядность в системе взаимосвязанных понятий // Советская археология. 1986. № 1. С. 65–76.

Сатаев Р.М. Животные из раскопок городища Гонур Деде // Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 2. М., 2008. С. 138–142.

Сатаев Р.М. Животные в хозяйстве и духовной жизни древнего населения Гонур Деде // Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 2. М., 2008а. С. 143–160.

Сатаев Р.М. Астрагалы мелких копытных в ритуальной практике древнего населения Гонур Деде (Туркменистан) // Роль естественно-научных методов в археологических исследованиях. Барнаул: Изд-во АГУ, 2009. С. 313–315.

Сатаев Р.М. Реконструкция условий кремации животных из жертвенников-лунок Гонур Деде // На пути открытия цивилизации. Сборник статей к 80-летию В.И. Сарияниди. Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 3 / Ред. П.М. Кожин, М.Ф. Косарев, Н.А. Дубова. СПб: Алетейя, 2010. С. 466–484.

Сатаева Л.В. Возможности использования фиторесурсов юга Средней Азии в ритуалах древнего населения // Роль естественно-научных методов археологических исследованиях. Сборник научных трудов. Барнаул: Изд-во АГУ, 2009. С. 315–318.

Сатаева Л.В., Сатаев Р.М. Древесная растительность древнего Гонурского оазиса по археоботаническим данным // Аграрная Россия. 2009. Спец. вып. С. 197–198.

Сарияниди В.И. Древности страны Маргуш. Ашхабад: Ылым, 1990.

Сарияниди В.И. Некрополь Гонура и иранское язычество. М.: Масс-Медиа, 2001.

Сарианиди В.И. Маргуш – древневосточное царство в древней дельте реки Мургаб. Ашхабад, 2002.

Сарианиди В.И. Страна Маргуш открывает свои тайны. Дворцово-культовый ансамбль Северного Гонура // У истоков цивилизации. Сборник статей к 75летию В.И. Сарианиди. М.: Старый сад, 2004. С. 229–253.

Сарианиди В.И. Гонур Деле: город царей и богов. Ашхабад, 2005.

Сарианиди В.И. Царский некрополь на Северном Гонуре // Вестник древней истории. 2006. № 2 (257). С. 155–192.

Сарианиди В.И. Маргуш. Тайна и правда великой культуры. Ашхабад, 2008.

Сарианиди В.И. Задолго до Заратуштры. М.: Старый сад, 2010.

Сарианиди В.И., Дубова Н.А. Лошадь в Центральной Азии у земледельцев эпохи бронзы: новые находки на Гонур Деле (Туркменистан) // The Ethnohistory and Archaeology of Northern Eurasia: Theory, Methods and Practice. Irkutsk, 2007. P. 224–233.

Сарианиди В.И., Дубова Н.А. Новые гробницы на территории царского некрополя Гонура (Предварительное сообщение) // На пути открытия цивилизации. Сборник статей к 80-летию В.И. Сарианиди. Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 3. СПб: Алетейя, 2010. С. 144–171.

**Биоархеологические аспекты исследования
детских погребений Гонур Деде
(по материалам 2009–2010 гг.)***

Детские и подростковые погребения, нередко являющиеся одной из наиболее многочисленных составляющих антропологических выборок, сравнительно редко выступают в качестве самостоятельного объекта исследования. Между тем, доля индивидов младших возрастных групп в некоторых могильниках эпохи бронзы превышает величины в 60 и даже 70% (Ражев, Епимахов, 2004). Использование детских скелетов только для вычисления различных демографических показателей, очевидно, чревато значительными потерями антропологической информации.

Примеры специального рассмотрения инфантильных и ювенильных выборок в отечественной литературе немногочисленны. При этом акценты делаются либо на палеодемографических и палеопатологических аспектах (Боруцкая и др., 2007), либо на анализе ростовых процессов (Федосова, 1997), либо на рассмотрении возрастной структуры в контексте археологической реконструкции (Ражев, Епимахов, 2004).

В зарубежной литературе анализ ростовых кривых – одна из наиболее распространенных, применительно к неполовозрелым индивидам, исследовательских процедур – как правило, подкрепляется демографическими и палеопатологическими данными (Hummert, VanGerven, 1983; Mensforth, 1978; Molleson, 1989 и др., цит. по: Федосова, 2003). Такой комплексный подход к описанию скелетных останков в полной мере оправдывает применение к подобным изысканиям термина «биоархеологические реконструкции» (Историческая экология человека, 1998, с. 10) и даже позволяет вести речь об особом исследовательском направлении – биоархеологии детей (Lewis, 2006).

Настоящая работа посвящена рассмотрению некоторых биоархеологических аспектов исследования детских погребений Гонур Деде – широко известного памятника Бактрийско-Маргианского археологического комплекса (Юго-Восточный Туркменистан, конец III–II тыс. до н.э.) (Сарианиди, 2001; 2002; 2005; 2008 и др.; Sarianidi, 2007). К настоящему

* Исследование проводится в рамках проекта РФФИ № 10-06-00263а.

времени на большом некрополе Гонура и руинах дворцово-храмового комплекса раскопано, в общей сложности, около 4000 погребений. Гонурская серия, таким образом, является одной из самых представительных для эпохи бронзы. Причем значительную ее часть (67,6% захоронений на руинах) составляют останки непополовозрелых индивидов (Дубова, Рыкушина, 2007), что делает их специальный анализ актуальной задачей.

В предлагаемой публикации, преследуя цель комплексной антропологической экспертизы рядадетских погребений, мы сочли возможным ограничиться рассмотрением палеодемографии, палеопатологии и особенностей ростовых процессов в скелетной выборке субадультиных субъектов из раскопок осени 2009 – весны 2010 гг.

Материал и методы исследования

В общей сложности в работе анализируются скелетные останки 37 индивидов, происходящие из 35 погребений на руинах дворцово-храмового комплекса и одного – на сателлитном объекте Гонур 20. Однако количество материала, вовлеченного в различные исследовательские процедуры, варьировало (от 23 единиц при анализе темпов продольного роста, до 119 – при рассмотрении интенсивности патологических изменений зубной системы). Большая часть изученных захоронений (68,6%) сосредоточена в пределах раскопа 18. Примечательно, что на этом участке почти полностью отсутствуют погребения индивидов старших возрастных когорт. Сведения о сохранности скелетных останков, а также возрастные определения представлены в таблице 1.

Оценка возраста осуществлялась, главным образом, по степени оксификации зубов (Алтухов, 1913) и особенностям формирования зубной дуги (Buikstra, Ubelaker, 1994). При отсутствии зубов внимание обращалось на синостозирование первичных и вторичных центров окостенения, сроки прирастания эпифизов (Алексеев, 1966; Пашкова, 1963; Bass, 1987) и продольные параметры диафизов длинных костей (Scheuer, Black, 2000). Возраст плодов устанавливался по общим размерам отдельных костей и длинам ключиц (Пашкова, 1963). От определения половой принадлежности скелетных останков на данном этапе исследования мы воздержались.

Неметрические вариации черепа фиксировались по программе А.А. Мовсесян (2005), посткраниального скелета – по схеме M. Finnegan

(1978). Патологические и стрессовые маркеры регистрировались с опорой на методические разработки А.П. Бужиловой (1998).

Высчитывание палеодемографических показателей изученной выборки производилось по традиционным формулам (описание принципов и методики расчета – Алексеева и др., 2003, с. 21; Богатенков и др., 2008, с. 198). При демографическом анализе, с целью более детального рассмотрения основных характеристик, для индивидов старше 1 года в качестве методического допущения приняты трехлетние интервалы, финальной возрастной когортой условно сочтен интервал 15+. Визуализация данных выполнена с использованием стандартного пакета MSExcel.

Элементы посткраниального скелета измерялись по экстраполированной на более взрослые возраста и модифицированной системе I.G. Fazekasi F. Kosa (1978) (штангенциркуль, точность 0,1 мм). При анализе темпов продольного роста в качестве возрастных стандартов использованы данные М. Марешв редакции В.Н. Федосовой (2003) (дети и подростки европеоидного происхождения, 0-18 лет) и данные М. Стлоукала и Х. Ханаковой (Stloukal, Hanakova, 1978) по средневековой славянской популяции IXв. (дети 0,5-14 лет).

Все статистические расчеты выполнены с помощью программного пакета AtteStat (www.attestatsoft.narod.ru).

Результаты

Подсчет частоты встречаемости различных неметрических вариаций, в связи с недостаточно хорошей сохранностью и/или комплектностью ряда скелетов, для анализируемой выборки не проводился. Данная группа признаков рассмотрена в контексте индивидуальных особенностей материала (таблица 2). Можно лишь отметить, что наиболее часто встречавшейся аномалией посткраниального скелета являлось разделение перемычкой отверстия поперечного отростка нижних шейных позвонков. На черепе сравнительно часто фиксировалось заднемышечковое отверстие (признак не дает четкого разделения по регионам) и шовные косточки лямбдовидного шва (с наименьшей частотой встречаются у монголоидов Юго-Восточной и Северной Азии), несколько реже – надглазничное отверстие (уменьшение частоты идет с востока на запад и на юг), зародышевые швы затылочной чешуи (широко переменная особенность) и разделенный перемычкой подъязычный канал (достаточно хорошо дифференцирует европеои-

дов инегроидов) (Мовсесян, 2005). Таким образом, распределение дискретно-варьирующих признаков в исследуемой группе каких-либо определенных заключений делать не позволяет.

Рассмотрение показателей демографии (таблицы 3, 4) демонстрирует, что наибольшее число погребенных (показатели Dx и Cx) приходится на возрастные интервалы 0-1 и 1-3 года (рис. 1). Анализ графиков процента дожития (lx) (рис. 2), вероятности смерти (qx) (рис. 3) и ожидаемой продолжительности жизни (Ex) (рис. 4) детализирует эту общую картину. В частности, поведение кривой смертности (qx) позволяет отметить выраженный пик в интервале 1-3 года. Естественно, что показатели, рассчитанные с учетом оговоренных выше допущений («финальная» когорта 15+, трехлетние интервалы), носят сугубо ориентировочный характер. Однако некоторое повышение ожидаемой продолжительности жизни в интервале 4-6 лет (рис. 4) также подчеркивает, что период грудного и раннего детства был временем наименьшей устойчивости организма к воздействию негативных средовых факторов. Поведение рассмотренных кривых в «финальной» и близких к ней когортах, естественно, свидетельствует не об элиминации детского населения, а о переходе в старшие возрастные когорты, не обсуждаемые в настоящей работе. Из прочих демографических характеристик можно отметить довольно значительный процент смертности в первый год жизни (PBD), что является достаточно обычной ситуацией. Средний возраст смерти гонурских детей, захороненных только на одной из территорий памятника (AAc) составил 3,3 года.

Частоты встречаемости различных патологий в изученной выборке (таблица 5) демонстрируют, что наиболее распространенным стрессовым маркером являлась *Cribraorbitalia* – локальный поротический гиперостоз во внутренней области орбит. Этот факт ранее уже отмечался нами на более обширном материале (Дубова, Куфтерин, 2008; Куфтерин, 2009). По возрастному распределению данного показателя (таблица 6) использование критерия χ^2 позволило зафиксировать наличие достоверных различий ($P < 0,05$). В возрастной группе *infantilis* *Cribraorbitalia* наблюдалась значительно чаще.

Рассмотрение зубных патологий (таблицы 5, 7) демонстрирует наличие случаев кариеса и зубного камня уже у индивидов второго детского возраста. Причем дважды кариозные поражения фиксировались на молочных зубах (таблица 7). Данные наблюдения можно трактовать как подтверждение вывода об общем высоком уровне стоматологиче-

ских заболеваний у земледельческого населения Гонур Депе (Dubova, Rykushina, 2007).

Из прочих патологий следует отдельно отметить вероятный случай двустороннего отита у ребенка из погребения 35 на объекте Гонур 20 и наличие конкремента округлой формы (29,1×19,7 мм) в области правой седалищной кости у индивида из погребения 3911. Последнее можно рассматривать как проявление почечнокаменной болезни.

В таблицах 8 и 10 представлены результаты измерений продольных параметров длинных костей 28 индивидов с известным зубным возрастом. В таблице 9 содержатся сведения об отношении длин диафизов шести костей (плечевая, локтевая, лучевая, бедренная, большеберцовая, малоберцовая) к возрастной норме. Данные приводятся по правой стороне, без поправки на ошибку асимметрии. Индивидуальные значения показателя δl_m , характеризующего среднее отклонение от стандартных размеров, варьируют в пределах 0,73–1,02, среднегрупповое значение – 0,90 (данные Мареш – Федосовой). По сравнению со средневековой славянской популяцией (данные по четырем костям – плечевой, лучевой, бедренной, большеберцовой), отставание в темпах продольного роста менее значительно: индивидуальные вариации – 0,82-1,09, среднее значение – 0,97. Проксимальные сегменты, в сравнении с дистальными, обнаруживают большую задержку в росте. Наименьшее отставание по показателям продольного роста демонстрируют дети в возрасте 0,5-2 лет. У детей более старших возрастных групп задержка ростовых процессов выражена значительно.

Обсуждение

Обобщая полученные данные, следует отметить, что демографический профиль рассмотренной субадультиной выборки близок к таковому в большинстве традиционных обществ (левая часть U-образного распределения). Наибольший процент умерших индивидов приходится на периоды грудного и раннего детства – время наибольшей сенситивности организма к воздействию негативных факторов окружающей среды.

Отставание скоростей роста в палеопопуляциях от современных стандартов, как известно, скорее правило, чем исключение (Федосова, 2003). Причем периодом наименьших несоответствий является, как и в рассмотренной группе древнего населения, время от рождения до 2-3 лет. Объяснение настоящего феномена, помимо оптимального для данного возраста питания, находится обычно в устойчивой генетической детерми-

нации роста в этот период (Федосова, 2003). Также предсказуемым результатом можно считать меньшую, по сравнению с современными стандартами, разницу в темпах продольного роста гонурских детей и инфантильной выборки средневековых славян IX в. Последняя группа, как известно, характеризуется более поздним (на 2 года) наступлением подросткового скачка и меньшими размерами костей, по сравнению с современными детьми (Stloukal, Hanakova, 1978). Преимущественный дистальный рост в детско-подростковой выборке Гонур Деппе хорошо согласуется с типом пропорций взрослого населения, отличающегося удлинненными относительно плеча и бедра предплечьем и голенью, а также общей мезо-илидолихоморфией (Бабаков и др., 2001; Dubova, Rykushina, 2004; 2007).

Такой маркер генерализованного стресса как Cribraorbitaliana гонурском материале мы склонны рассматривать не как индикатор некачественного питания и антисанитарных условий жизни, а как показатель адаптации к высокому содержанию патогенных микроорганизмов в среде (Бужилова, 2001). Очевидно, что к периоду infantilisII, характеризующемуся выраженным увеличением частоты встречаемости поротического гиперостоза, значительный процент детского населения элиминировался под воздействием комплекса патогенных факторов.

Заключение

Таким образом, биоархеологическое исследование детских погребений Гонур Деппе позволяет подтвердить выводы о достаточной хорошей приспособленности этой палеопопуляции к местным природно-климатическим условиям (Дубова, Рыкушина, 2007). На это указывают особенности демографического профиля, распределения патологических маркеров и темпов ростовых процессов в изученной выборке. Впрочем, необходимо отметить, что полученные результаты нуждаются в верификации на большем материале, который находится в стадии обработки.

Литература

- Алексеев В.П. Остеометрия. Методика антропологических исследований. М., 1966.
- Алексеева Т.И., Богатенков Д.В., Лебединская Г.В. Влахи. Антропо-экологическое исследование (по материалам средневекового некрополя Мистихали). М., 2003.
- Алтухов Н.В. Анатомия зубов человека. М., 1913.
- Бабаков О., Рыкушина Г.В., Дубова Н.А., Васильев С.В., Пестряков А.П., Ходжайов Т.К. Антропологическая характеристика населения, захороненного в некрополе Гонур Деде // Сарияниди В.И. Некрополь Гонура и иранское язычество. М., 2001. С. 105–132.
- Богатенков Д.В., Бужилова А.П., Добровольская М.В., Медникова М.Б. К реконструкции демографических процессов в прикаспийском Дагестане эпохи бронзы (по материалам раскопок археологического комплекса Великент в 1995–1998 гг.) // Opus. Междисциплинарные исследования в археологии. 2008. Вып. 6. С. 196–213.
- Боруцкая С.Б., Васильев С.В., Газимзянов И.Р. Палеодемографические и палеопатологические аспекты исследования детских погребений Усть-Иерусалимского могильника (г. Болгар) // Вестник антропологии. 2007. Вып. 15. Ч. II. С. 413–418.
- Бужилова А.П. Палеопатология в биоархеологических реконструкциях // Историческая экология человека. Методика биологических исследований. М., 1998. С. 87–146.
- Бужилова А.П. Анемия у древнего населения как один из индикаторов окружающей среды: анализ остеологических маркеров // Вестник антропологии. 2001. Вып. 7. С. 227–236.
- Дубова Н.А., Куфтерин В.В. Фактор адаптации в формировании физического типа древнего населения юга Средней Азии: пример Гонур Деде, Туркменистан // Актуальные направления антропологии. М., 2008. С. 113–116.
- Дубова Н.А., Рыкушина Г.В. Палеодемография Гонур Деде // Человек в культурной и природной среде. М., 2007. С. 309–319.
- Историческая экология человека. Методика биологических исследований. М., 1998.
- Куфтерин В.В. К палеоэкологии населения эпохи бронзы Южного Туркменистана (материалы Гонур Деде) // Курсом развивающейся Молдовы. Т. 8. Единство и многообразие в системе культурного наследия. М., 2009. С. 149–156.
- Мовсесян А.А. Фенетический анализ в палеоантропологии. М., 2005.
- Пашкова В.И. Очерки судебно-медицинской остеологии. М., 1963.
- Ражев Д.И., Епимахов А.В. Феномен многочисленности детских погребений в могильниках эпохи бронзы // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2004. № 5. С. 107–113.
- Сарияниди В.И. Некрополь Гонура и иранское язычество. М., 2001.

Сарианиди В.И. Маргуш. Древневосточное царство в старой дельте реки Мургаб. Ашхабад, 2002.

Сарианиди В.И. Гонур Деде. Город царей и богов. Ашхабад, 2005.

Сарианиди В.И. Маргуш. Тайна и правда великой культуры. Ашхабад, 2008.

Федосова В.Н. Некоторые аспекты исследования процессов роста и развития в палеопопуляциях (на примере неолитической серии СахтышIla) // Неолит лесной полосы Восточной Европы (антропология Сахтышских стоянок). М., 1997. С. 69–74.

Федосова В.Н. Анализ процессов роста и развития в палеопопуляциях // Горизонты антропологии. М., 2003. С. 521–530.

Bass W.M. Human osteology. A laboratory and field manual. Missouri, 1987.

Buikstra J.E., Ubelaker D.H. (Eds.) Standards for data collection from human skeletal remains // Arkansas Archeological Survey Research Series. 1994. №. 44.

Dubova N.A., Rykushina G.V. Necropolis and area 5 of Gonur-depe: some anthropological data // У истоков цивилизации. М., 2004. P. 317–336.

Dubova N.A., Rykushina G.V. New data on anthropology of the necropolis of Gonur-depe // Sarianidi V.I. Necropolis of Gonur. Athens, 2007. P. 296–329.

Fazekas I.G., Kosa F. Forensic fetal osteology. Budapest, 1978.

Finnegan M. Non-metric variation of the infracranial skeleton // Journal of Anatomy. 1978. № 125. P. 23–37.

Lewis M.E. The bioarchaeology of children: perspectives from biological and forensic anthropology. Cambridge, 2006.

Sarianidi V.I. Necropolis of Gonur. Athens, 2007.

Scheuer L., Black S. Developmental juvenile osteology. London, 2000.

Stloukal M., Hanakova H. Die Länge der Längsknochen altslawischer Bevölkerungen – unter besonderer Berücksichtigung von Wachstumsfragen // Homo. 1978. Bd. 29. P. 53–69.

Таблица 1

Индивидуальные определения и сохранность скелетных останков

№ погребения	Раскоп	Возраст	Сохранность
3899	18	Inf. I (около 6 мес.)	Довольно хорошая, череп фрагментирован
3899а	18	Inf. I (0–2 мес.)	Нижняя челюсть, незначительные фрагменты черепа и посткраниального скелета средней сохранности
3902	18	Inf. I (около 1,5 лет)	Средняя или плохая, череп фрагментирован
3904	8	Inf. I (около 4 лет)	Плохая, фрагменты посткраниума, изолированные зубы
3909	8	Inf. II (8 – 9 лет)	Череп средней сохранности (лицевой отдел фрагментирован), посткраниум плохой сохранности
3911	8	Inf. II/Juv. (около 15 лет)	Очень плохая, незначительные фрагменты черепа и посткраниального скелета
3916	18	Inf. I (около 5 лет)	Средняя, череп крайне фрагментирован
3917	18	Inf. I (около 1,5 лет)	Довольно хорошая, череп фрагментирован
3918	18	Inf. I (около 6 мес.)	Средняя, череп фрагментирован
3919	18	Inf. I (2,5 – 3 года)	Довольно хорошая, череп фрагментирован
3920	18	Inf. I (около 6 мес.)	Очень плохая, череп фрагментирован
3921	18	Inf. II (около 8 лет)	Довольно хорошая
3922	18	Inf. I (около 6 мес.)	Очень плохая, череп крайне фрагментирован
3923	6	Inf. I (около 3 лет)	Средняя, череп фрагментирован
3927	18	Inf. I (новорожденный)	Средняя или плохая, череп разрушен
3928	18	Inf. I (около 1,5 лет)	Средняя, череп фрагментирован

№ погребения	Раскоп	Возраст	Сохранность
			ван
3929	18	Плод (6–7 мес.)	Плохая
3930	18	Inf. I (около 6 мес.)	Средняя, череп фрагментирован
3931	18	Inf. II (около 9 лет)	Довольно хорошая
3932	18	Inf. I (1 – 1,5 года)	Плохая или средняя, череп представлен незначительными фрагментами
3933	6	Плод (8 мес.)	Средняя или плохая, череп крайне фрагментирован
3934	17	Inf. I (около 6 мес.)	Средняя или плохая, череп фрагментирован
3941	18	Inf. II (около 7 лет)	Средняя, череп фрагментирован
3942	18	Inf. I (около 2 лет)	Довольно хорошая, череп фрагментирован
3943	18	Inf. I (около 6 мес.)	Плохая, череп фрагментирован
3944	18	Inf. I (2–2,5 года)	Средняя
3945	18	Inf. II (около 10 лет)	Череп без нижней челюсти
3946	18	Inf. II	Фрагменты черепной коробки плохой сохранности
3948 (скелет 1)	18	Inf. I (0–2 мес.)	Плохая, череп и элементы посткраниума фрагментированы
3948 (скелет 2)	18	Inf. I (около 6 мес.)	Плохая, элементы скелета фрагментированы
3949	18	Inf. I (около 6 мес.)	Средняя или плохая, череп крайне фрагментирован
3953	6/7	Inf. I (около 1 года)	Средняя, череп фрагментирован
3957	12a	Inf. I (около 2 лет)	Череп средней сохранности, посткраниум хорошей сохранности
3960	16	Inf. II (около 12 лет)	Средняя, большинство элементов фрагментировано
3961	12	Inf. II (около 11 лет)	Плохая, череп и большинство элементов посткраниума

№ погребения	Раскоп	Возраст	Сохранность
			фрагментированы
3962	16	Inf. I (около 5 лет)	Плохая, череп фрагментирован
35	Гонур 20	Inf. I (1–1,5 года)	Плохая, мелкие фрагменты черепа и посткраниального скелета

Таблица 2

Некоторые индивидуальные особенности скелетных останков

№ погребения	Особенности
3899	Canaliscondylaris (лев.) Foramenmentaleaccessorium (пр.) участки деструкции костной ткани на передней поверхности верхней 1/3 правой (20,6×11 мм) и левой (21,8×10,5) плечевых костей – вероятно, диагенетическое изменение
3899а	–
3902	Canaliscondylaris (лев.)
3904	–
3909	Os Wormii suturae coronalis (пр.) Os postsquamosum (пр.) Ossa Wormii suturae lambdoideae (пр.(2)/лев.(1)) Canaliscondylaris(пр./лев.) Foramenspinosumapertum(лев.)
3911	Foramen transversariumbipartitum (C6)
3916	–
3917	Fonticulus anterior
3918	–
3919	Foramensupraorbitale (пр.)
3920	–
3921	Spinatrochlearis (лев.) Os postsquamosum (пр./лев.) Os Wormii suturae lambdoideae (пр.) Canalis condylaris (пр.) Foramen transversarium bipartitum (C5 – 6) (пр./лев.) асимметрияключиц (пр. – 81,0/лев. – 90,1)
3922	–
3923	–

№ погребения	Особенности
3927	-
3928	Foramen transversariumbipartitum (С5 – 6)
3929	-
3930	-
3931	Foramina parietalia (лев.(2)) OssaWormiisuturaelambdaideae (пр.(1)/лев.(2)) Os Wormii suturae occipito-mastoideae (лев.) Canalis condylaris (пр./лев.) Foramen tympanicum (пр./лев.) Foramentransversariumbipartitum (С5?) (пр.)
3932	–
3933	–
3934	–
3941	Osapicislambdae Ossa Wormiisuturaelambdaideae (пр./лев. (множественные)) Suturamendosa(пр.) Foramen transversariumbipartitum (С5 – 6) Aplasia processus transversus vertebra cervicalis (С7)
3942	Os Wormii suturae lambdaideae (пр.) Canaliscondylaris(пр./лев.)
3943	Foramensupraorbitale(пр.)
3944	Foramensupraorbitale (лев.) Canaliscondylaris (пр./лев.) Foramentransversariumbipartitum(С5 или 6) (пр./лев.)
3945	Foramen supraorbitale (лев.) Sutura mendosa (пр.) Canaliscondylaris (пр./лев.)
3946	OssaWormiisuturaelambdaideae (множественные) Canalis condylaris (лев.) Canalis hypoglossalis bipartitum (пр.)
3948 (скелет 1)	–
3948 (скелет 2)	–
3949	–
3953	–
3957	Os epipticum completum (пр.) Sutura mendosa (пр./лев.)

№ погребения	Особенности
	Canaliscondylaris (лев.) Canalishypoglossalisbipartitum (лев.)
3960	лингвальныйкраудинг ₂ Canaliscondylaris (пр.) Canalis hypoglossalis bipartitum (пр./лев.) Foramen arcuale atlantis(incompletum) (лев.) Apertura septale (пр./лев.) Faciesarticularistalaris anterior calcanei absens (пр./лев.)
3961	–
3962	Os Wormii suturae sagittalis Os apicis lambdae Foramen transversariumbipartitum (C5 – 6)
35 (Гонур 20)	Canalishypoglossalisbipartitum (пр.)

Таблица 3

Распределение погребенных по возрасту смерти

Возрастная когорта	N	%
Плоды и новорожденные	3	8,3
До 1 года	11	30,6
1–3	11	30,6
4–6	3	8,3
7–9	4	11,1
10–12	3	8,3
13–15	1	2,8
Суммарно	36	100

Таблица 4

Показатели таблицы смертности и некоторые палеодемографические характеристики изученной выборки

Возраст	Dx	Cx	lx	qx	Lx	Tx	Ex
0	3,00	8,33	100,0	0,083	479,18	1347,68	13,48
<1	11,00	30,55	91,67	0,333	381,98	868,50	9,47
1–3	11,00	30,55	61,12	0,500	229,23	486,52	7,96
4–6	3,00	8,33	30,57	0,272	132,03	257,29	8,42

Возраст	Dx	Cx	Ix	qx	Lx	Tx	Ex
7-9	4,00	11,11	22,24	0,500	83,43	125,26	5,63
10-12	3,00	8,33	11,13	0,748	34,83	41,83	3,76
13-15	1,00	2,77	2,8	1,000	7,00	7,00	2,5
Суммарно	36,0	100,0	-	-	1347,68	-	-
ААс	3,3						
PBD	38,8						

Таблица 5

Частота встречаемости некоторых патологий в изученной выборке

Возрастная когорта	<1	1-3	4-6	7-9	10-12	13-15	Суммарно
N	11	11	3	4	3	1	33
Признак	n(%)						
Кариес	-	-	-	1(25,0)	1(33,3)	-	2(6,1)
Зубной камень	-	-	-	-	1(33,3)	1(100)	2(6,1)
Эмалевая гипоплазия	-	-	-	-	2(66,7)	1(100)	3(9,1)
Cribrorbitalia	-	1(9,1)	-	3(75,0)	2(66,7)	-	6(18,2)
Cribracranii	-	-	-	1(25,0)	-	-	1(3,0)
Воспалит. процессы на черепе	-	1(9,1)	-	-	-	-	1(3,0)
Другие патологии	-	-	-	-	-	1(100)	1(3,0)

Таблица 6

Распределение показателя Cribrorbitalia в зависимости от возраста погребенных

Возраст	N	n	%	χ^2	P
Infantilis I	25	1	4,0	5,54	0,0186
Infantilis II	8	5	62,5		

Таблица 7

Интенсивность патологических изменений зубной системы

Признак	Молочные (N=26)		Постоянные (N=93)		Суммарно (N=119)	
	п	%	п	%	п	%
Кариес	2	7,7	1	1,1	3	2,5
Зубной камень	–	–	10	10,8	10	8,4
Эмалевая гипоплазия	–	–	6	6,5	6	5,0
Общая патология зубной системы	2	7,7	17	18,3	19	16,0

Примечание: N – количество обследованных зубов, п–число патологий

Таблица 8

Индивидуальные параметры длин диафизов костей посткраниального скелета (правая/левая)

№ погр.	Humerus	Ulna	Radius	Femur	Tibia	Fibula
3899	85,8/86,3	76,2/77,2	65,5/66,5	106/106,2	91,3/90	83,6/83,2
3899a	–	–	–	–	?/69,7	?/66
3902	100,8/102,3	87,1/87,1	76,2/76,6	–	–	–
3916	142,5/144	?/128	?/113,5	206/203	–	–
3917	110/110	99/100,5	89/?	142/142	?/116	–
3918	76,9/77,2	?/70,5	61,9/?	94/94	–	–
3919	114/115	?/96	?/86,9	149/149,5	122,5/123	119/119,5
3920	–	?/68,7	?/60,3	–	–	–
3921	173,5/173	150/152	134/137	249/251	202/201,5	200/200
3923	107/?	93,8/93,6	84/?	141/141	116,5/118,5	112,5/114
3927	?/64,3	–	–	?/74,2	–	–
3928	–	95,8/?	83,9/?	–	–	–
3929	43,9/43,9	41,5/?	36,4/?	–	–	–
3930	89/89,9	78,8/78,2	70,3/69,7	107,7/108,1	89,7/90	86,1/86,8
3931	173/172	154/154	135/135	265/265	210/211	209/207
3932	?/99,2	84,5/84,8	75/75,2	?/119	–	–
3933	?/59,6	?/54,2	?/48,4	67,6/67,9	58,5/58,6	54,3/?
3934	77,8/?	68,7/?	59,5/?	–	–	–
3941	?/167	–	–	–	194/?	192/?
3942	126,5/128	109,5/?	96,1/97,9	164/162	134/134	129/128,5

№ пор.	Humerus	Ulna	Radius	Femur	Tibia	Fibula
3943	79/?	–	–	–	–	–
3944	124/?	110,5/111	?/98	–	–	–
3948/2	–	73,1/?	–	–	–	–
3949	–	–	–	–	91,1/?	85,7/85,2
3953	87,8/90	?/79,2	?/70,7	–	–	–
3957	125,5/126	105/105,8	?/96,6	166/167	132,5/132	128/128,5
3960	214/217,5	–	?/167	–	–	–
3962	–	–	124,4/?	–	–	–

Таблица 9

Продольные параметры длинных костей в отношении к возрастной норме (правая сторона)

№ пор.	δ_{li} (Мареш – Федосова)						δ_{lm}	δ_{li} (Стлоукал, Ханакова)				$\bar{\delta}_n$
	H	U	R	F	T	f		H	R	F	T	
3999	1,00	1,00	0,94	0,96	1,03	0,99	0,99	0,97	0,94	0,98	1,03	0,98
3902	0,86	0,86	0,84	–	–	–	0,85	0,93	0,91	–	–	0,92
3916	0,80	–	–	0,83	–	–	0,82	0,94	–	1,01	–	0,98
3917	0,93	0,98	0,98	0,91	–	–	0,95	1,01	1,06	1,03	–	1,03
3918	0,89	–	0,89	0,85	–	–	0,88	0,87	0,89	0,87	–	0,88
3919	0,82	–	–	0,81	0,81	0,80	0,81	0,91	–	0,93	0,93	0,92
3921	0,78	0,83	0,81	0,79	0,78	0,78	0,80	0,94	0,94	0,98	1,00	0,97
3923	0,73	0,77	0,76	0,72	0,72	0,70	0,73	0,80	0,83	0,81	0,82	0,82
3928	–	0,95	0,93	–	–	–	0,94	–	0,99	–	–	0,99
3930	1,03	1,03	1,01	0,97	1,02	1,02	1,01	1,01	1,01	0,99	1,01	1,01
3931	0,75	0,81	0,78	0,79	0,76	0,77	0,78	0,89	0,90	0,99	0,98	0,94
3932	–	0,93	0,92	–	–	–	0,93	–	0,98	–	–	0,98
3934	0,90	0,90	0,86	–	–	–	0,89	0,88	0,85	–	–	0,87
3941	–	–	–	–	0,80	0,80	0,80	–	–	–	1,03	1,03
3942	0,98	1,01	0,99	0,95	0,96	0,94	0,97	1,08	1,07	1,10	1,11	1,09
3943	0,92	–	–	–	–	–	0,92	0,90	–	–	–	0,90
3944	0,96	1,02	–	–	–	–	0,99	1,06	–	–	–	1,06
3948 /2	–	0,96	–	–	–	–	0,96	–	–	–	–	–
3949	–	–	–	–	1,03	1,01	1,02	–	–	–	1,03	1,03
3953	0,85	–	–	–	–	–	0,85	0,90	–	–	–	0,90
3957	0,97	0,97	–	0,97	0,95	0,93	0,96	1,07	–	1,11	1,09	1,09
3960	0,81	–	–	–	–	–	0,81	0,97	–	–	–	0,97
3962	–	–	0,93	–	–	–	0,93	–	1,07	–	–	1,07
$\bar{\delta}_n$	0,88	0,93	0,90	0,87	0,89	0,87	0,90	0,95	0,96	0,98	1,00	0,97

Таблица 10

Изменчивость продольных параметров длинных костей в изученной выборке

Возраст (лет)	Правая				Левая			
	N	M	Min	Max	N	M	Min	Max
Humerus								
0	–				1	64,3	–	
0,5	5	81,7	76,9	89	3	84,5	77,2	89,9
1	1	87,8	–		2	94,6	90	99,2
1,5	2	105,4	100,8	110	2	106,2	102,3	110
2	3	125,3	124	126,5	2	127	126	128
3	2	110,5	107	114	1	115	–	
5	1	142,5	–		1	144	–	
7	–				1	167	–	
8	1	173,5	–		1	173	–	
9	1	173	–		1	172	–	
12	1	214	–		1	217,5	–	
Ulna								
0	–				–			
0,5	4	74,2	68,7	78,8	4	73,7	68,7	78,2
1	1	84,5	–		2	82	79,2	84,8
1,5	3	94	87,1	99	2	93,8	87,1	100,5
2	3	108,3	105	110,5	2	108,4	105,8	111
3	1	93,8	–		1	93,6	–	
5	–				1	128	–	
7	–				–			
8	1	150	–		1	152	–	
9	1	154	–		1	154	–	
12	–				–			
Radius								
0	–				–			
0,5	4	64,3	59,5	70,3	3	65,5	60,3	69,7
1	1	75	–		2	73,1	70,7	75,2
1,5	3	83	76,2	89	1	76,6	–	
2	1	96,1	–		3	97,5	96,6	98
3	2	90	84	96	1	86,9	–	
5	1	124,4	–		1	113,5	–	
7	–				–			
8	1	134	–		1	137	–	

	Правая				Левая			
9	1	135	–		1	135	–	
12	–				1	167	–	
Femur								
0	–				1	74,2	–	
0,5	3	102,6	94	107,7	3	102,8	94	108,1
1	–				1	119	–	
1,5	1	142	–		1	142	–	
2	2	165	164	166	2	164,5	162	167
3	2	145	141	149	2	145,3	141	149,5
5	1	206	–		1	203	–	
7	–				–			
8	1	249	–		1	251	–	
9	1	265	–		1	265	–	
12	–				–			
Tibia								
0	–				1	69,7	–	
0,5	3	90,7	89,7	91,3	2	90	90	90
1	–				–			
1,5	–				1	116	–	
2	2	133,3	132,5	134	2	133	132	134
3	2	119,5	116,5	122,5	2	120,8	118,5	123
5	–				–			
7	1	194	–		–			
8	1	202	–		1	201,5	–	
9	1	210	–		1	211	–	
12	–				–			
Fibula								
0	–				1	66	–	
0,5	3	85,1	83,6	86,1	3	85,1	83,2	86,8
1	–				–			
1,5	–				–			
2	2	128,8	128	129,5	2	128,5	128,5	128,5
3	2	115,8	112,5	119	2	117	114,5	119,5
5	–				–			
7	1	192	–		–			
8	1	200	–		1	200	–	
9	1	209	–			207	–	
12	–				–			

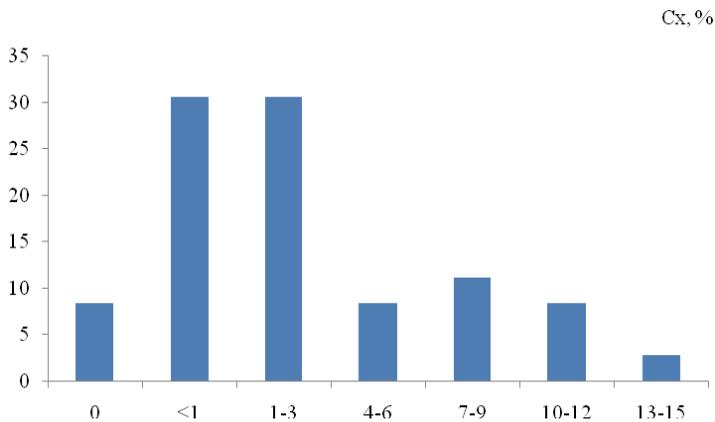

Рис. 1. Процентное распределение смертных случаев (Cx) в изученной выборке (N=36)

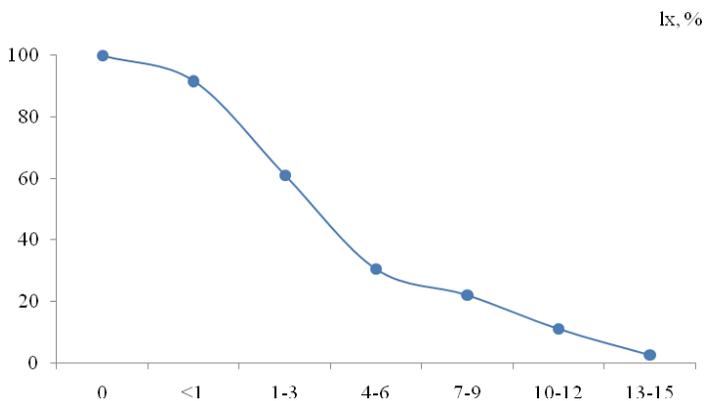

Рис. 2. Распределение параметра lx (процент доживших до определенного возрастного класса)

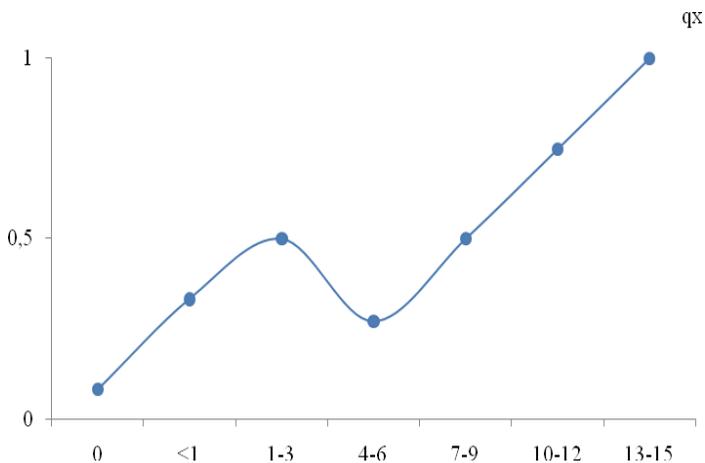

Рис. 3. Распределение показателя q_x (возрастная динамика вероятности смерти)

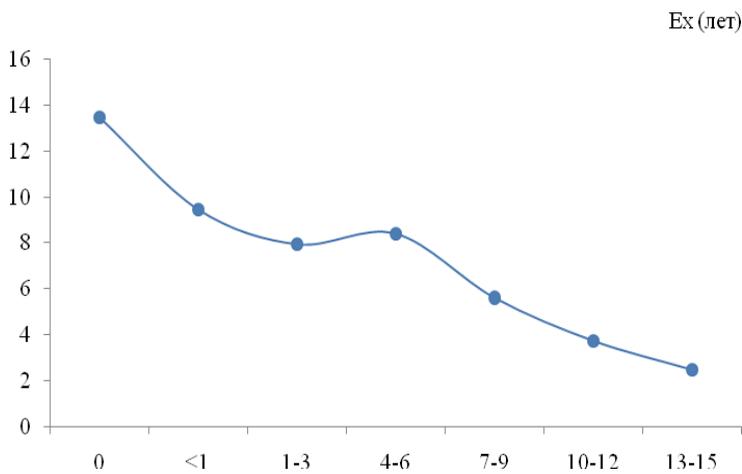

Рис. 4. Распределение показателя E_x (ожидаемая продолжительность жизни)

Антропометрические и физиологические особенности студентов различных этнических групп

Задачи систематического описания морфологических особенностей населения нашей страны всегда были в центре внимания отечественных антропологов. В этой области работали многие антропологи, в их числе В.В. Бунак, Ф.З. Меерсон, Б.А. Никитюк, Ю.С. Куршакова, Н.С. Смирнова, В.Е. Дерябин, А.Л. Пурунджан и многие др. Можно говорить о двух направлениях работ по изучению географических особенностей размеров и формы тела населения. Первое – изучение процессов адаптивной приспособленности популяций к различным географическим зонам. Второе направление состояло в изучении морфологических особенностей основных этнотерриториальных групп (см., например: Дерябин, Пурунджан, 1990, с. 17–55). Внедрение в практику морфологического исследования методов физического и химического анализа позволило получать данные о составе тела, то есть о составляющих тело живого человека тканевых компонентах. Изучаются также связи морфологических особенностей с биохимическими, физиологическими, эндокринологическими характеристиками, генетика морфологических особенностей, влияние факторов внешней среды на морфотип человека (Бунак, 1941; Алексеева, 1977, 1994).

Т.И. Алексеевой на основе анализа массовых материалов из разных уголков мира было показано, что все этнические группы населения, проживающие на общей территории длительное время, формируют почти одинаковые морфотипы и обладают единым комплексом реакций организма на интенсивные воздействия факторов среды – адаптивные типы (Алексеева, 1977, 1989; Койносов, 1993). Но не стоит забывать, что многие современные общности сформировались в ходе сложных исторических процессов, связанных с многочисленными миграциями, и процессы ассимиляции далеко не всегда затрагивали все этнические группы, проживающие сегодня бок о бок. В полной мере это утверждение касается народов Среднего Поволжья.

В настоящее время важной составляющей государственной политики в области здравоохранения и образования является мониторинг физического развития молодого поколения, и в частности студентов. Эта часть населения является фундаментом будущего государства. А особенно-

сти морфофункционального состояния студентов определяет успешность их в учебе и будущей профессиональной деятельности, что было продемонстрировано серией работ новосибирской группы исследователей под руководством В.П. Казначеева (1991, 1996)

Целью данной работы явилось изучение антропометрических и физиологических особенностей студентов различных этнических групп. Исследования проводились на базе кафедры физической культуры Марийского государственного университета. Нами было обследовано 102 студента первого курса МарГУ 17-18 лет, которые были объединены в 6 групп согласно полу (девушки и юноши) и национальной принадлежности (русские, мари, татары). Все антропометрические характеристики определялись О.Г. Ефремовым, а физиологические показатели и статистическая обработка данных осуществлялась Е.А. Пузаткиной. Родословные каждого обследованного были прослежены до третьего поколения, то есть деды и бабки всех обследованных по происхождению были соответствующих национальностей.

Были изучены следующие показатели: длина и масса тела, окружности шеи, груди, талии, бедер, голени, плеча и запястья, толщина кожно-жировых складок (с использованием каллипера согласно стандартной методике измерений – Хомутов, 2002, с. 124–128); частота сердечных сокращений (ЧСС), систолическое и диастолическое давление, жизненная емкость легких и сила кисти (динамометрия). Для определения уровня физического развития человека использовали метод индексов (Изаак и др., 2005, с. 19–20).

Фактический материал, полученный в ходе исследования, был обработан методами вариационной статистики с применением однофакторного дисперсионного анализа с использованием Scheffe – теста и LSD – теста и Т – критерия Стьюдента для оценки разницы долей. Обработка осуществлялась с помощью пакет программ STATISTIKA 6.0. Для оценки достоверности сдвига использовали уровень вероятности не более $P < 0,05$ (Плохинский, 1978, с. 54–55).

Метод антропометрических исследований широко используется для определения физического развития человека. Ряд антропометрических исследований (спирометрия, динамометрия) дает представление о функциях различных систем и органов. В целом показатели физического развития отражают функциональное состояние организма и являются важными для оценки состояния здоровья и работоспособности,

общего уровня социально-экономических и гигиенических условий жизни различных групп населения. Представляет интерес изучение особенностей соотношения уровней отдельных параметров физического развития представителей разных этнических групп (Изаак и др., 2005).

Данные, полученные нами в ходе обследования студентов МарГУ, были подвергнуты однофакторному дисперсионному анализу. Было показано, что в настоящем исследовании изучаемый фактор – национальность – является статистически значимым ($P < 0,05$).

Основные морфометрические показатели, полученные в ходе обследования студентов МарГУ, представлены в табл. 1. В результате проведенных множественных сравнений Scheffe – тест выявил, что русские юноши оказались значимо выше ($P < 0,05$), чем татары и незначительно крупнее юношей-мари. Их длина тела составила: у русских – 175,16 см, у мари – 173,55 см, у татар – 170,28 см. Но при этом различий в массе тела у них выявлено не было: она незначительно колебалась от 64,2 кг у мари до 66,5 кг у русских и татар. Это соответствует данным В.Е. Дерябина, который охарактеризовал группы юношей-мари и юношей-татар как самых низкорослых, среди представителей поволжского морфологического подтипа (Дерябин, Пурунджан, 1990, с. 47).

Таблица 1.

Основные морфометрические показатели студентов различных этнических групп ($M \pm m$).

Пол	Параметры	Русские	Мари	Татары
		<i>Численность обследованных</i>	<i>18</i>	<i>17</i>
Юноши	Длина тела, см	175,16 ± 0,90 ³	173,55 ± 0,36	170,28 ± 0,59
	Масса тела, кг	66,91 ± 3,27	64,22 ± 1,26	66,42 ± 2,08
	Окружность шеи, см	35,58 ± 0,65	35,11 ± 0,53	35,28 ± 0,56
	Окружность груди, см	88,91 ± 0,53	86,00 ± 0,55	86,28 ± 0,60
	Окружность талии, см	73,91 ± 0,75	71,33 ± 0,83	74,00 ± 0,38
	Окружность бедер, см	88,91 ± 1,22	89,88 ± 1,32	90,14 ± 0,93
	Окружность бедра, см	53,41 ± 0,71	50,77 ± 0,89	52,14 ± 0,93
	Окружность голени, см	38,83 ± 1,01	41,55 ± 0,70	40,71 ± 1,40
	Окружность по щиколотке, см	25,33 ± 0,25	24,44 ± 0,24	25,00 ± 0,30
	Окружность плеча, см	27,75 ± 0,46	27,55 ± 0,47	27,71 ± 0,35
Окружность предплечья, см	26,08 ± 0,80	25,22 ± 0,57	25,71 ± 0,35	

	Параметры	Русские	Мари	Татары
	Окружность запястья, см	16,83 ± 0,20	16,77 ± 0,22	17,00 ± 0,21
Девушки	Численность обследованных	19	18	15
	Длина тела, см	165,66 ± 0,98	161,55 ± 0,91 ¹	162,42 ± 0,99
	Масса тела, кг	52,96 ± 1,00	49,15 ± 1,11 ²	54,28 ± 1,39
	Окружность шеи, см	31,77 ± 0,33	31,25 ± 0,33	31,57 ± 0,67
	Окружность груди, см	85,81 ± 0,99	82,20 ± 0,78 ²	86,57 ± 0,78
	Окружность талии, см	67,81 ± 1,15	63,00 ± 1,21 ²	64,28 ± 1,30
	Окружность бедер, см	93,77 ± 1,09 ²	90,00 ± 0,80	90,28 ± 0,83
	Окружность бедра, см	49,48 ± 0,72	47,65 ± 0,65	48,14 ± 0,37
	Окружность голени, см	32,33 ± 0,76	32,00 ± 0,77	33,42 ± 0,50
	Окружность по щиколотке, см	22,66 ± 0,30	21,45 ± 0,36	21,45 ± 0,75
	Окружность плеча, см	24,92 ± 0,53	23,85 ± 0,50	22,85 ± 0,88
	Окружность предплечья, см	22,40 ± 0,50	21,15 ± 0,43	20,14 ± 0,82
	Окружность запястья, см	15,11 ± 0,21	14,55 ± 0,19	14,85 ± 0,26

Примечание: 1 – различия показателя между девушками мари и русскими статистически значимы ($P < 0,03$); 2 – различия показателя между девушками мари и русскими и татарками статистически значимы ($P < 0,02$); 3 – различия показателя между русскими юношами и татарами статистически значимы ($P < 0,05$).

Девушки-мари оказались ниже, чем русские и татарки ($P < 0,05$). Длина их тела составила в среднем 161 см. Так же у них меньше масса тела, окружность грудной клетки, талии, чем у девушек из других групп. В.В. Бунак в своих исследованиях так же указывал на то, что девушки-мари характеризуются небольшим ростом и малыми массой и периметрами тела (Бунак, 1925).

В табл. 2 нами представлены данные об основных физиологических показателях у обследованных студентов МарГУ. Все показатели находятся в пределах физиологических норм, кроме ЧСС у юношей всех групп. Она составляет в среднем 90 уд/мин (при норме 60-80 уд/мин). По мнению некоторых авторов (Гурова, 1978, с. 144; Хрипкова, 1978, с. 67) частота сердечных сокращений может быть несколько завышена в связи с тем, что у лиц данного возраста она еще не достигла величин взрослости, то есть является нестабильной. Следует отметить, что существенных отличий во всех изученных физиологических показателях между исследуемыми этническими группами не выявлено ($P > 0,05$).

Таблица 2

Основные физиологические показатели студентов различных этнических групп ($M \pm m$)

Пол	Параметры	Русские	Мари	Татары
Юноши	<i>Численность обследованных</i>	18	17	15
	Жизненная емкость легких, л	4,40 ± 0,18	4,61 ± 0,19	4,74 ± 0,18
	ЧСС до физической нагрузки, уд/мин	90,66 ± 4,18	90,66 ± 4,89	89,71 ± 5,44
	ЧСС после физической нагрузки, уд/мин	144,00 ± 5,80	142,22 ± 5,96	144,00 ± 4,09
	Систолическое давление, мл.рт.ст.	112,96 ± 1,04	111,42 ± 1,42	110,50 ± 1,84
	Диастолическое давление, мл.рт.ст.	76,66 ± 1,88	75,55 ± 2,42	75,71 ± 2,02
	Сила кисти (правая рука), кг	47,83 ± 2,37	46,20 ± 3,17	47,42 ± 1,88
	Сила кисти (левая рука), кг	43,50 ± 2,03	44,44 ± 1,36	43,42 ± 3,45
Девушки	<i>Численность обследованных</i>	19	18	15
	Жизненная емкость легких, л	3,14 ± 0,97	3,16 ± 0,11	3,20 ± 0,17
	ЧСС до физической нагрузки, уд/мин	76,88 ± 3,04	73,00 ± 3,82	76,00 ± 6,11
	ЧСС после физической нагрузки, уд/мин	114,66 ± 5,17	112,20 ± 6,69	110,85 ± 5,13
	Систолическое давление, мл.рт.ст.	115,00 ± 1,23	116,11 ± 1,11	115,85 ± 1,84
	Диастолическое давление, мл.рт.ст.	69,44 ± 1,14	70,50 ± 1,14	70,00 ± 2,18
	Сила кисти (правая рука), кг	31,88 ± 1,08	30,75 ± 0,83	30,71 ± 1,55
	Сила кисти (левая рука), кг	29,37 ± 1,01	29,35 ± 0,89	28,75 ± 2,04

Физическое развитие – комплекс морфофункциональных показателей, которые тесно связаны с физической работоспособностью и уровнем биологического состояния индивидуума в данный конкретный момент времени. В основу характеристики физического развития кладут признаки, определяющие «структурно-механические» свойства организма. Для оценки их используют метод индексов. В нашем исследовании были подсчитаны доли лиц с разным уровнем физического развития в разных этнических группах обследованных студентов.

Таблица 3

Оценка физического развития студентов различных этнических групп по методу индексов ($M \pm m$).

Пол	Индекс	Русские	Мари	Татары
Юноши	<i>Численность обследованных</i>	18	17	15
	Индекс массы тела кг/м ²	21,70 ± 0,86	21,34 ± 0,53	22,89 ± 0,57
	Индекс Кетле, г/см	381,02 ± 16,29	370,23 ± 7,84	389,90 ± 10,43
	Индекс Пинье	21,41 ± 3,73	23,33 ± 1,72	19,28 ± 1,86
	Индекс Эрисмана,	1,41 ± 1,72	-0,77 ± 0,53 ³	1,14 ± 0,87
	Отношение окружности талии и окружности бедер	0,927 ± 0,010	0,994 ± 0,016	0,920 ± 0,015
	Силовой индекс, %	75,38 ± 3,20	75,87 ± 2,60	54,96 ± 1,12 ³
	Жизненный индекс, мл/кг	66,50 ± 2,31	72,04 ± 3,85	71,98 ± 4,16
	Относительное содержание жировой ткани, мм/кг	8,12 ± 0,62	8,04 ± 0,45	8,36 ± 0,71
Девушки	<i>Численность обследованных</i>	19	18	15
	Индекс массы тела кг/м ²	19,30 ± 0,34	18,80 ± 0,39	20,74 ± 1,09 ⁴
	Индекс Кетле, г/см	319,62 ± 5,56	303,95 ± 6,44	335,30 ± 12,98 ¹
	Индекс Пинье	29,44 ± 1,62	32,40 ± 1,49	23,42 ± 4,99 ²
	Индекс Эрисмана,	3,35 ± 1,11	1,42 ± 0,87	5,35 ± 2,69
	Отношение окружности талии и окружности бедер	0,723 ± 0,010	0,700 ± 0,006	0,708 ± 0,11
	Силовой индекс, %	42,67 ± 2,11	42,61 ± 2,44	43,65 ± 3,58
	Жизненный индекс, мл/кг	41,22 ± 1,79	44,26 ± 2,48	40,71 ± 3,50
	Относительное содержание жировой ткани, мм/кг	13,04 ± 0,71	9,90 ± 0,45 ²	13,05 ± 1,18

Примечание: 1 – различия показателя между девушками татарками и русскими и мари статистически значимы ($P < 0,02$); 2 – различия показателя между девушками-мари, русскими и татарками статистически значимы ($P < 0,02$); 3 – различия показателя

между юношами татарами и русскими и мари статистически значимы ($P < 0,002$); 4 – различия показателя между мари и татарками статистически значимы ($P < 0,02$).

Согласно *индексу массы тела* (соотношение массы тела – m (кг) и квадрата длины тела – L^2 (м), $D=m/L^2$) все три группы юношей имели нормальные показатели. В среднем данные составили 22 кг/м^2 . У девушек так же масса тела находится в пределах физиологической нормы. LSD – тест выявил различия между девушками-мари и татарками. Установлено, что значения данного индекса у девушек-мари достоверно ниже, чем у девушек татарок ($P < 0,02$). И составляют в среднем у мари – $18,80$, у русских и татарок – 20 кг/м^2 .

На рис. 1 показано соотношение уровней физического развития по индексу массы тела. Установлено, что во всех этнических группах преобладают лица с нормальным физическим развитием ($P < 0,005$). Девушек, имеющих ожирение, выявлено не было.

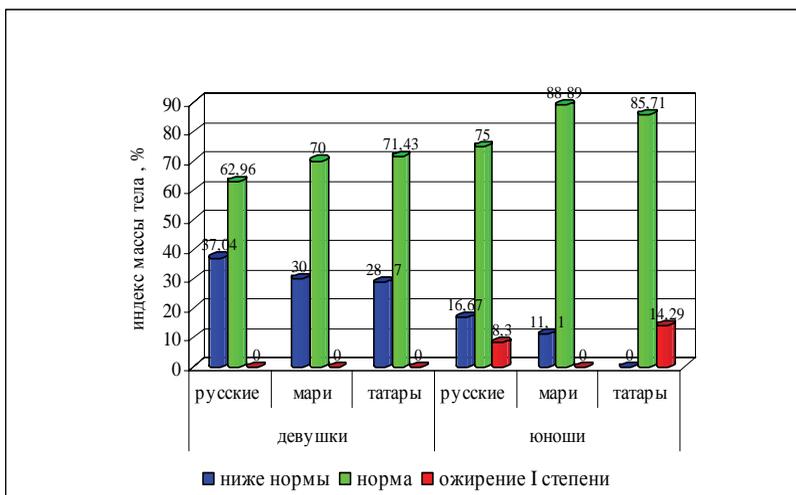

Рис. 1. Соотношение уровней физического развития студентов различных этнических групп по индексу массы тела (кг/м^2)

У юношей русских (8%) и татар (14%) отмечается небольшое количество лиц с ожирением I степени; у юношей татар отсутствуют лица с низкой массой тела. В.Е. Дерябин и А.Л. Пурунджан также свидетельствуют о таком факте.

Индекс Кетле – массо-ростовой показатель (соотношение общей массы тела – m (г) и длины тела – L (см), $I=m/L$), выявил, что масса

тела у всех юношей находилась в пределах физиологической нормы. В среднем индекс составил у русских – 381,02 кг/см, у мари – 370,23 кг/см, у татар – 389,90 кг/см. В результате проведенных множественных сравнений LSD – тест выявил, различия между девушками-мари и татарками. У татарок средние значения индекса Кетле значимо выше, чем у мари ($P<0,02$). А у русских девушек незначительно ниже, чем у татарок. И составляют 319 и 335 кг/см соответственно.

На рис. 2 показано соотношение уровней физического развития по *индексу Кетле*. У русских девушек и девушек-мари значимо выше доля лиц с низкой массой тела ($P<0,002$). А у татарок незначительно преобладает доля лиц с нормальной массой тела (52,14%), что достоверно выше, чем у русских (33,33%) и татарок (15%) ($P<0,05$).

Среди юношей мари и татар преобладают лица с нормальной массой тела – 77,78% и 71,43% соответственно. У русских студентов доля лиц с нормальной массой тела и ожирением одинаковы. Но у русских юношей доля лиц с ожирением значимо выше (41,66%), чем у мари (22,22%) и татар (28,57%) ($P<0,01$). У мари и татар отсутствуют студенты с низкой массой тела, в отличие от русских (16,67%).

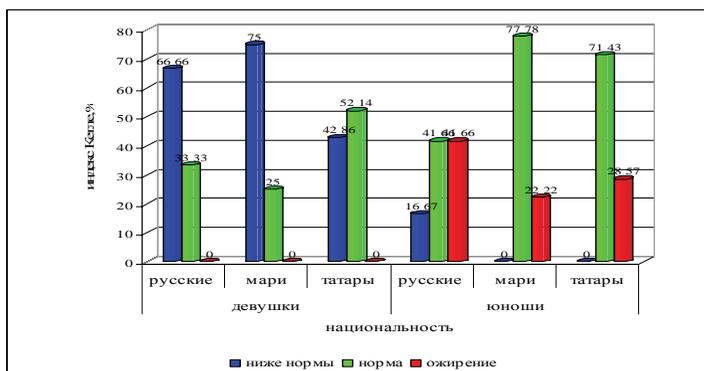

Рис. 2. Соотношение уровней физического развития у студентов различных этнических групп по индексу Кетле (г/см)

При оценке физического развития по *индексу Пинье* – показателя крепости телосложения (разность длины тела – L (см) и суммы массы тела – m (кг) и окружности грудной клетки на выдохе – T (см), $I = L - (m + T)$), было установлено, что юноши всех этнических групп имеют среднее телосложение. Существенных различий между группами выявлено не было ($P>0,05$).

По данному индексу девушки русские и мари характеризуются как лица со слабым телосложением. Значения составляют у русских девушек – 29,44, у мари – 32,40. LSD – тест выявил различия между девушками-татарками и девушками других групп. Значения показателя крепости телосложения у девушек-татарок достоверно ниже, чем у русских и мари ($P < 0,02$), и составляют 23,42, что соответствует среднему телосложению.

Индекс Пинье как показатель крепости телосложения характеризует девушек русских и мари как лиц со слабым и очень слабым телосложением, так как доля таких студенток значительно выше (40,74%, 25,93% и 50,00%, 35,00% соответственно) ($P < 0,001$). Среди татарок преобладают девушки со средним телосложением – 42,86% ($P < 0,001$).

Как показано в табл. 4 у русских и татарок доля лиц с хорошим телосложением достоверно выше, чем у мари (18,52%, 14,29% и 5,00% соответственно) ($P < 0,05$). Девушек, имеющих крепкое телосложение, выявлено не было. Индекс Пинье был предложен для оценки телосложения французских рекрутов, поэтому у большинства лиц женского пола и младших школьников, он характеризует развитие как слабое и очень слабое (Изаак и др., 2005).

Таблица 4

Соотношение уровней физического развития по индексу крепости телосложения Пинье у студентов различных этнических групп.

Телосложение	Девушки			Юноши		
	русские	мари	татары	Русские	мари	татары
<i>N</i>	19	18	15	18	17	15
Крепкое	0,0	0,0	0,0	25,0	0,0	0,0
Хорошее	18,52°	5,0°	14,29°	16,67°	33,33°	51,14°
Среднее	14,82°	10,0°	42,86*°	33,33*	44,45*	28,57*
Слабое	40,74*°	50,0*°	14,29°	16,67°	22,22°	14,29°
Очень слабое	25,93*	35,0*	0,0	8,33	0,0	0,0

Примечание: * – различия между долями лиц в одной группе статистически значимы у юношей и у девушек; ° – различия между группами статистически значимы.

Данный индекс характеризует юношей русских и мари как лиц со средним телосложением ($P < 0,05$). У юношей татар и мари доля лиц с хорошим телосложением статистически значимо выше, чем у русских (51,14%, 33,33% и 16,67% соответственно) ($P < 0,02$). Но татар со средним телосложением значительно меньше (28,57%) ($P < 0,05$). У студентов мари доля со

слабым телосложением значимо выше, чем у русских и татар (она составляет 22,22% и 16,67%, 14,29% соответственно) ($P < 0,05$). Только среди русских юношей были выявлены лица с крепким и очень слабым телосложением (25% и 8% соответственно).

Оценка *индекса Эрисмана* – пропорциональности развития грудной клетки (разность обхвата грудной клетки – Т в паузе между вдохом и выдохом (см)) и $\frac{1}{2}$ длины тела – 0,5L (см), $I = T - 0,5L$; физическое развитие считается хорошим, если значения индекса положительны) показала, что у всех юношей грудная клетка узкая. В результате проведенных множественных сравнений Scheffe – тест выявил, что у юношей-мари значения данного индекса статистически значимо ниже, чем у русских и татар ($P < 0,002$). У девушек русских и татарок хорошее развитие грудной клетки. Но у девушек-мари Scheffe – тест выявил, что значения данного индекса достоверно ниже, чем у русских и татарок ($P < 0,002$). Оно находится ниже физиологической нормы и характеризует их как лиц с узкой грудной клеткой. Значения составляют у русских девушек – 3,35, у мари – 1,42 и у татарок – 5,35. Причем у русских девушек показатель незначительно ниже, чем у татарок.

Проведенный однофакторный дисперсионный анализ показал, что в различиях по индексу Эрисмана у исследуемых групп студентов существенное значение имеет их национальность ($P = 0,002$). У юношей всех этнических групп (рис. 3) преобладают лица с узкой грудной клеткой. У русских юношей выявлена доля лиц с хорошим развитием грудной клетки, которая составляет (16,67%) ($P < 0,005$), что не было отмечено у мари и татар.

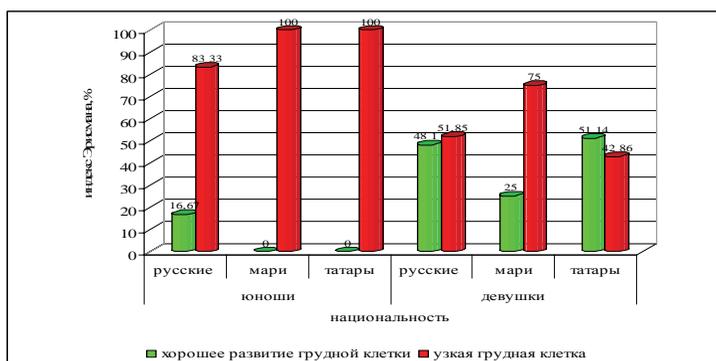

Рис. 3. Соотношение уровней физического развития по индексу развития грудной клетки Эрисмана у студентов различных этнических групп.

У девушек узкогрудие характерно для мариек ($P < 0,002$). У русских и татарок доля лиц с хорошим развитием грудной клетки и узкой грудной клеткой примерно одинакова. По литературным данным преобладание лиц с узкой грудной клеткой связано с тем, что окружность груди продолжает увеличиваться до 25-40 лет, а обследованные студенты были в возрасте 17-18 лет, т.е. их рост еще продолжается (Миронова, 1983, с. 23–29).

Относительное содержание жировой ткани (по формулам Matiegka, 1921), у юношей соответствует физиологической норме и составляет в среднем 8,12 мм/кг. Существенных различий между группами не установлено ($P > 0,05$). Scheffe – тест выявил, что у девушек-мари содержание жировой ткани в организме достоверно ниже, чем у русских и татарок ($P < 0,001$). Значения составляют у мари – 9,90, а у русских и татарок 13,05, что характеризует их как группы с низким и нормальным содержанием жировой ткани соответственно.

Рис. 4 показывает, что у юношей татар доля лиц с нормальным содержанием жировой ткани (42,86%) значимо выше статистически, чем у русских и мари (16,66% и 22,22%) ($P < 0,05$).

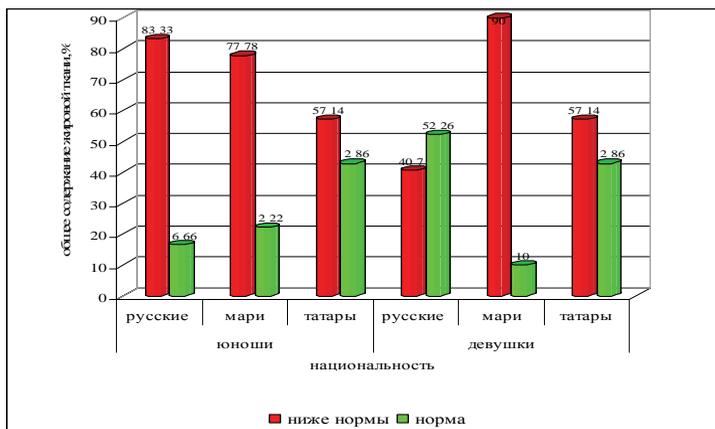

Рис. 4. Соотношение уровней физического развития по индексу массы жировой ткани (мм/кг) у студентов различных этнических групп.

Подсчет индекса содержания жировой ткани выявил, что среди девушек мари и татарок преобладают студентки с низким содержанием жира (90,00% и 57,14%), а у большинства русских девушек достоверно выше доля лиц с нормальной жировой массой (52,26%) ($P < 0,05$).

Показатель соотношения окружности талии и бедер выявляет образование жировой прослойки на животе (абдоминальное ожирение) (Койносов, 1993, с. 18) ($I = T_7/T_6$, где T_7 – окружность талии, T_6 – окружность бедер). Величины показателя свидетельствуют, что у юношей не наблюдается абдоминального ожирения. Значения данного индекса у юношей всех этнических групп находятся в пределах физиологической нормы и в среднем составляют 0,920. У всех девушек при оценке данного индекса было выявлено абдоминальное ожирение. Существенных различий между группами не установлено ($P > 0,05$). По мнению Е.Н. Хрисанфовой (1990), проявление абдоминального ожирения при нормальном содержании жировой ткани в организме может быть связано с тем, что происходит перераспределение жира и образование жировой прослойки на животе. Эта жировая прослойка служит защитой для органов малого таза у девушек.

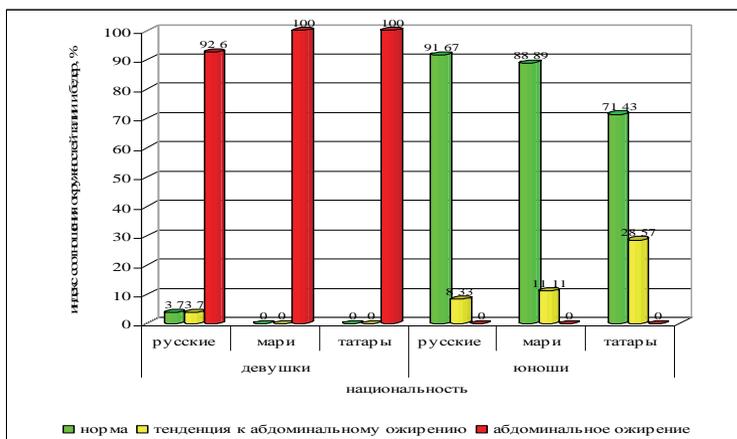

Рис. 5. Соотношение уровней физического развития по индексу соотношения окружности талии и бедер студентов различных этнических групп.

На рис. 5 представлены значения индекса соотношения окружности талии и бедер, который выявил, что почти у всех девушек отмечается абдоминальное ожирение, то есть имеется наличие жировой складки. У русских девушек присутствуют доли лиц с нормальным соотношением и тенденцией к абдоминальному ожирению (по 3,70%).

Значения соотношений окружности талии и бедер показали, что у юношей в каждой группе статистически значимо выше доля лиц с нормальным физическим развитием (91,67%) ($P < 0,005$). Но выявлено не-

большое число студентов, имеющих тенденцию к абдоминальному ожирению. Так у татар оно составляет 28,57%, что достоверно выше, чем у русских и мари (8,33% и 11,11% соответственно) ($P < 0,05$). У юношей лиц с ожирением выявлено не было.

При оценке физического развития по *силовому индексу* (силовой индекс – это процентное отношение мышечной силы кисти S к массе тела m , $I = S/m$) определили, что у юношей русских и мари оно характеризуется как среднее. Scheffe – тест выявил, что разница между юношами-татарами и мари, и русскими статистически значима ($P < 0,002$ и $P < 0,003$). У юношей татар значения данного индекса значимо ниже, чем у юношей других групп и оценивает их физическое развитие как ниже среднего. У девушек всех этнических групп при оценке данного индекса характеризует физическое развитие как ниже среднего и составляет в среднем 42,6%. Существенных различий между группами выявлено не было ($P > 0,05$).

Показатели *силового индекса* у большинства девушек оказались ниже среднего ($P < 0,01$), и составили у русских – 74,07%, у мари – 70,0%, у татарок – 71,43%. Среди русских и мари были выявлены лица со значением показателя выше среднего, причем их число оказалось статистически значимо выше, чем у татарок ($P < 0,05$).

Все юноши татары характеризуются низкими значениями *силового индекса* ($P < 0,005$). Среди этой группы отсутствуют лица со средним и высоким показателями. У мари доля лиц со средним значением достоверно выше, чем у русских ($P < 0,05$) и отсутствуют студенты с низким показателем силового индекса. У русских юношей доли лиц с о средним и высоким показателями одинаковы (по 41,67%).

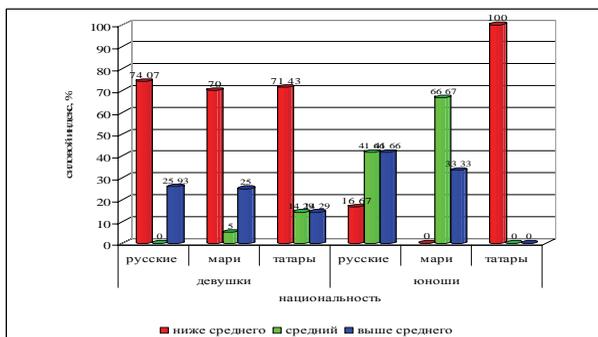

Рис. 6. Соотношение уровней физического развития по силовому индексу (%) у студентов различных этнических групп.

Жизненный индекс (отношение жизненной ёмкости лёгких ЖЕЛ (мл) к общей массе тела m (кг), $I=ЖЕЛ/m$) используется для оценки способности длительно выполнять работу средней мощности и противостоять утомлению. Установлено, что у русских юношей этот показатель имеет средние значения, а у мари и татар – выше среднего. Существенных различий между группами выявлено не было ($P>0,05$). У девушек при анализе данного индекса физическое развитие оценивается как ниже среднего. У девушек-мари значение индекса составляет 44,26 мл/кг, что незначительно выше, чем у русских и татарок – 41,22 мл/кг и 40,71 мл/кг соответственно.

На рис. 7 показано, что у большинства девушек данный показатель ниже физиологической нормы ($P<0,05$). Причем у девушек татарок отсутствуют лица с нормальным и высоким физическим развитием, а у русских и мари нет девушек, имеющих высокие показатели.

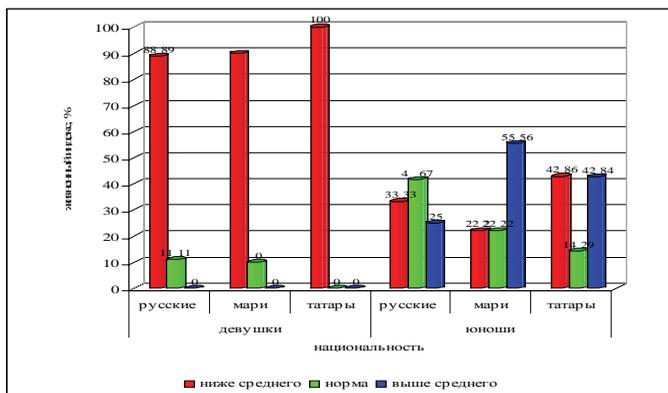

Рис. 7. Соотношение уровней физического развития по жизненному индексу (мл / кг) у студентов различных этнических групп

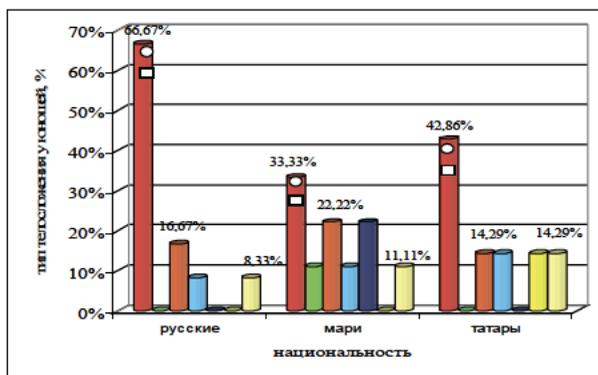
У юношей мари статистически значимо выше доля лиц с высоким показателем *жизненного индекса*, чем у русских и татар ($P<0,05$). У татар доли лиц с показателями ниже среднего и выше среднего равны (по 42,86%). Среди русских число студентов с нормальным показателем индекса достоверно выше, чем у мари и татар ($P<0,05$).

Одной из наиболее интегративных антропологических характеристик человеческого организма является его *конституциональный тип*. Тип телосложения, как внешнее морфологическое отражение конституции человека – неоченимый прогностический комплекс признаков, позволяю-

щий предугадать заранее многие особенности онтогенеза и реакции организма на внешние воздействия. В определении типов конституции использовали схему предложенную Б.А. Никитюком и В.П. Чтецовым (1990, с. 96–109). В основе ее положена терминология, разработанная В.В. Бунаком (1941).

Для мужчин было использовано 16 основных и 6 дополнительных признаков с учетом длины, массы тела, толщины жировых складок, содержания жира по Матейке, обхватов предплечья, голени, запястья, мышечной массы по Матейке, обхватов груди и ягодиц. Выделяют следующие типы конституций у мужчин: грудной, грудо-мышечный, мышечно-грудной, мышечный, мышечно-брюшной, брюшно-мышечный, брюшной, грудно-брюшной, брюшно-грудной, неопределенный.

У всех юношей (рисунок 8) преобладает доля лиц с мышечным типом телосложения ($P < 0,05$). Она составляет у русских – 66,67%, у мари – 33,33% и у татар – 42,86%. Доля лиц с мышечно-грудной, мышечно-брюшной и неопределенный типами телосложения встречаются во всех группах одинаково. У юношей мари присутствуют студенты с грудно-мышечным и грудным соматотипами, в отличие от русских и татар. А так же у русских юношей и мари отсутствуют лица с брюшным типом телосложения, в отличие от татар.

■ – мышечный, ■ – грудо-мышечный, ■ – мышечно-грудной, ■ – мышечно-брюшной, ■ – грудной, ■ – брюшной, ■ – неопределенный.

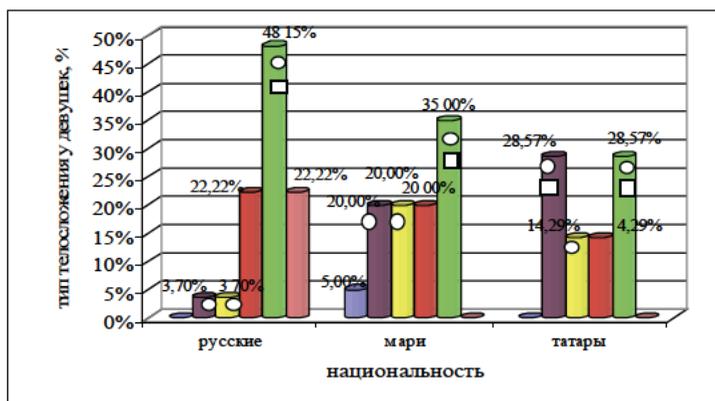
Рис. 8. Соотношение типов телосложения у юношей разных этнических групп.

Примечание: ¹ – различия между долями лиц в одной группе статистически значимы у юношей; – различия между группами статистически значимы.

При изучении конституционных типов женщин согласно методике использовано 10 измерительных признаков, среди которых длина тела, диаметры запястья и лодыжек, обхваты запястья и лодыжек, жировые складки спины, плеча, живота, бедра, и содержание жира по Матейке. Выделяют следующие типы конституции у женщин: астенический, стенопластический, пикнический, мезопластический, субатлетический, атлетический, эурипластический, эурипластический низкорослый.

Соотношение основных типов телосложения у девушек представлены на рис. 9.

У девушек всех этнических групп преобладает доля лиц с субатлетическим телосложением (у русских 48,15%, у мари – 35,00%, у татар – 28,57%) ($P < 0,05$). У мари по сравнению с другими группами присутствуют студентки с астеническим узкокостным типом телосложения (5,00%). У мари и татарок по сравнению с русскими, достоверно выше доля лиц со стенопластическим и мезопластическим соматотипами. Татарок с атлетическим типом телосложения статистически значимо меньше, чем мари и русских (14,29%, 20,00% и 22,22% соответственно) ($P < 0,05$). У русских и татарок отсутствуют лица с астеническим узкокостным типом телосложения, а у мари и татарок с эурипластическим соматотипом.

■ – астенический узкокостный, ■ – стенопластический, ■ – мезопластический, ■ – атлетический, ■ - субатлетический, ■ – эурипластический

Рис. 9. Соотношение типов телосложения у девушек разных этнических групп.

Примечание: ¹ – различия между долями лиц в одной группе статистически значимы; ² – различия между группами статистически значимы.

Таким образом, при оценке уровней физического развития студентов нами установлены этнические различия. Выборка характеризуется в основном средним уровнем физического развития, как по морфологическим, так и по функциональным признакам. При этом встречается значительное число студентов с низким уровнем развития. Из морфологических признаков у девушек более переменны длина и масса тела, окружность грудной клетки; в мужской выборке – длина тела. Физиометрические параметры одинаковы у юношей и девушек всех этнических групп.

Проведенное исследование позволяет прийти к следующим выводам. Изучение антропометрических параметров студентов Марийского государственного университета показало, что русские юноши отличаются более высоким ростом, чем мари и татары, а девушки-мари имеют меньшую длину и массу тела, окружность грудной клетки и талии, чем студентки других этнических групп.

Содержание жировой ткани в организме юношей всех исследованных этнических групп соответствует физиологической норме. У девушек-мари данный параметр имеет более низкие значения, чем у русских и татарок.

Все физиометрические параметры у обследованных студентов МарГУ находятся в пределах физиологических норм. Различий в показателях между этническими группами, как у юношей, так и у девушек не выявлено.

Исследуемая группа студентов характеризуется средним уровнем физического развития как по морфологическим, так и по физиологическим признакам. Среди юношей первого курса МарГУ всех этнических групп преобладают лица с мускульным соматотипом, а среди девушек – с субатлетическим.

Следует отметить, что полученные нами результаты и выводы, конечно, носят предварительный характер, так как предполагают продолжение обследований и расширения выборки и параметров измерений.

Литература

Алексеева Н.Е. Физиологическая антропология // Морфология человека и животных. М., 1994.

Алексеева Т.И. Географическая среда и биология человека. М., 1977.

Бунак В.В., Неструх М.Ф., Рогинский Я.Я. Антропология. Краткий курс. М., 1941.

Бунак В.В. Антропологический тип черемис // РАЖ. 1925. Т. 13. Вып. 3–4.

Бунак В.В. Антропометрия. М, 1941.

Дерябин В.Е., Пурунджан А.Л. Географические особенности строения тела населения СССР. М., 1990.

Гурова Н.М. Возрастная физиология. М., 1978.

Изаак С.И., Панасюк Т.В., Тамбовцева Р.В. Физическое развитие и биоэнергетика мышечной деятельности школьников. Москва–Орел, 2005.

Казначеев В.П., Спирин Е.А. Космопланетарный феномен человека. Проблемы комплексного изучения. Новосибирск: Наука, 1991. 304 с.

Казначеев В.П. Здоровье нации. Просвещение. Образование. М.: Кострома: Исследоват. центр, 1996. 247 с.

Койносов П.Г. Возрастные морфофункциональные особенности организма жителей Тюменского Севера. Новосибирск, 1993.

Миронова Г.Г., Грибак В.Г. Некоторые показатели внешнего дыхания и гемодинамики юношеского возраста // Морфофизиологические особенности юношеского возраста. Горький, 1983. С. 23–29.

Никитюк Б.А., Чтецов В.П. Морфология человека. М., 1990. 344 с.

Плохинский Н.А. Математические методы в биологии. М., 1978.

Хомутов А.Е. Антропология. Ростов н/Д., 2002.

Хрипкова А.Г. Возрастная физиология. М., 1978.

Хрисанфова Е.Н. Конституция и биохимическая индивидуальность человека. М., 1990.

Тематика современных эколого-антропологических исследований за рубежом.

Размышления над книгой "Human Ecology: Contemporary Research and Practice" (N.Y., 2010)

Недавняя публикация очередной хрестоматии по экологической антропологии (Human Ecology ..., 2010) даёт хороший повод к тому чтобы, не ограничиваясь собственно рецензией¹, сказать несколько слов о современном состоянии и тематике исследований в этой области зарубежной (прежде всего англоязычной) науки, которая по сути является аналогом отечественной этноэкологии.

Начнём с общей ситуации, сложившейся ныне в этой сфере. Десять лет назад профессор Юджин Андерсон опубликовал рецензию на четыре вышедших в 1998–2000 гг. учебных пособия по эколого-антропологической тематике под красноречивым названием «Новые учебники показывают, что экологическая антропология процветает». Начиналась его рецензия с констатации того, что «экологическая антропология вступила в важный период синтеза, роста и развития» (Anderson, 2002, p. 231). Как показало время, он был абсолютно прав. За последующие годы данная область исследований обогатилась новым учебником, подготовленным с участием самого Ю. Андерсона и успевшим выдержать за это время два переиздания (Sutton, Anderson, 2010), двумя расширенными и переработанными изданиями ранее хорошо себя зарекомендовавших учебников (Moran, 2008; Townsend, 2009), а также как минимум четырьмя очень важными по значению тематическими сборниками. Так, вышли в свет три хрестоматии (Environmental anthropology ..., 2008; Human Ecology ..., 2010; The Environment ..., 2006) и материалы симпозиума, имевшего преимущественно теоретико-методологический характер и посвящённого юбилею Эндрю Вайды, одного из основоположников экологической антропологии (Against the Grain ..., 2008).

Именно публикация сразу нескольких хрестоматий, в которых для оптимизации обучения студентов и аспирантов и в помощь преподавателям университетов повторно напечатаны наиболее удачные и типичные для

¹ В основе данной работы лежит краткая рецензия, заказанная автору редакцией журнала «Этнографическое обозрение» и переданная туда для возможной публикации в течение 2012 г.

данной области науки исследования, является, пожалуй, самым ярким и убедительным доказательством её растущей востребованности. Появление в 1997 г. нового журнала "Journal of Ecological Anthropology", ставшего дополнением к ведущему в этой сфере журналу "Human Ecology", основанному в 1972 г. усилиями в первую очередь профессора Э. Вайды, служит ещё одним свидетельством успешного развития экологической антропологии. Кроме того, в последние два десятилетия в этой области продолжалась дальнейшая дифференциация, сопровождавшаяся формированием новых теоретико-методологических направлений (об этих процессах подробнее см.: Ямсков, 2011).

Во избежание путаницы, стоит вначале кратко остановиться на терминах. Название журнала и рассматриваемого сборника "Human Ecology" переводится как «экология человека». Однако в США существует несколько иное понимание обозначаемой этим термином области исследований, поскольку там очень большую, если не ведущую, роль играют специалисты с антропологическим образованием. Фактически речь идёт об изучении всего круга вопросов культурной и биологической адаптации отдельных местных сообществ либо человечества в целом, и потому самыми общими терминами для наименования такого рода исследований служат «экология человека» (human ecology) или «исследования адаптации человека» (human adaptation studies). Если же в работе на первый план выходят проблемы собственно культурной адаптации, то её часто относят к «культурной экологии» (cultural ecology). Комплексный подход к изучению адаптации местных сообществ, обычно небольших по численности населения, в котором учитываются не только её культурные, но и биологические, медицинские и демографические аспекты, обычно именуется «экологической антропологией» (ecological anthropology) в узком смысле слова. По задачам и методам исследований аналогом культурной экологии и экологической антропологии является отечественная этноэкология (этническая экология).

Однако термин «экологическая антропология» очень часто используется и в самом широком значении, то есть для обозначения всей рассматриваемой области исследований проблем адаптации (как, например, в упомянутой выше рецензии Ю. Андерсона или в названии одного из вышеназванных журналов). Тогда «экологическая антропология» фактически становится синонимом первых двух понятий (эколо-

гии человека или исследований адаптации человека). При таком расширенном понимании сюда включают сложившуюся к середине 1950-х гг. культурную экологию и возникшую в начале-середине 1960-х гг. собственно экологическую антропологию в узком значении этого слова (или экосистемную антропологию). К этой же области науки также относят появившиеся в последние 15-20 лет новые направления – «политическую экологию» (political ecology) и «антропологию экологических проблем» (environmental anthropology). В данном случае можно говорить и в целом о сфере «эколого-антропологических исследований» (о её истории и основных направлениях см. подробнее: Козлов, Ямсков, 1989; Ямсков, 2011).

Итак, рассматриваемый сборник представляет собой хрестоматию, включающую 21 статью. Он предназначен прежде всего для студентов, в том числе из стран, расположенных вне Западной Европы и Северной Америки, как это специально отмечают редакторы Дэниел Бэйтс и Джудит Такер (Daniel G. Bates, Judith Tucker) в самом начале Предисловия (р. v). Первоначально все тексты публиковались в течение 2000-2009 гг. в журнале "Human Ecology: An Interdisciplinary Journal". Это издание по импакт-фактору занимает 8 место из 75 журналов, проходящих по разделу «антропология», 8 место из 129 журналов по «социологии» и 17 место из 77 журналов по «экологическим исследованиям» (environmental studies) [Human Ecology ... (сайт)]. Данные рейтинги подтверждают ведущую роль социально-культурной и, отчасти, физико-антропологической проблематики на страницах этого журнала, а также отражают специфику понимания тематики «экологии человека» в США.

В состав авторского коллектива сборника, состоящий из 44 человек, не считая редакторов-составителей, попали только один классик данного направления (Э. Вайда) и всего несколько достаточно известных авторов (Дж. Ачесон, Ф. Беркес, Дж. Бойд). Но даже они представлены не обобщающими либо теоретическими, а вполне конкретными, эмпирическими исследованиями, выполненными на основе собственных полевых материалов. Впрочем, некоторые из опубликованных в этом сборнике статей посвящены проверке, на основе новых полевых исследований в других регионах, гипотез и выводов таких выдающихся учёных, как Р. Раппапорт, Р. Неттинг и Э. Босеруп, чьи идеи таким вот косвенным образом тоже присутствуют на страницах рассматриваемой хрестоматии.

Подобный подбор авторов уникален для хрестоматии, так как при этом теряется возможность познакомить читателей с обобщающими работами основоположников данного направления и с историей развития идей и исследовательских методов в области экологической антропологии на примере статей или отрывков из монографий тех самых учёных, которые эти идеи или методы впервые сформулировали. Например, в других хрестоматиях, наряду с наиболее удачными эмпирическими исследованиями давних или недавних лет, можно также увидеть и ставшие классическими для данной области знаний тексты Дж. Стюарда, Р. Рапппорта, Р. Неттинга, Г. Конклина, К. Гирца, Ф. Барта (*Environmental anthropology ...*, 2008), или же Дж. Стюарда, Р. Неттинга, Э. Морана, Э. Босеруп, Л. Уайта (*The Environment ...*, 2006).

Однако данный сборник преследует совсем иную задачу – дать образцы конкретных, выполненных в последние годы исследований, в большинстве случаев основанных на полевых материалах и к тому же имеющих очевидную практическую направленность. Отсюда и название этого сборника, которое лучше всего перевести следующим образом: «Экология человека: Современные исследования и их практическое значение»². Во Введении редакторы отмечают то, что объединяет все эти статьи – они «... имеют значение для оценки политики по охране окружающей среды и усилий по социально-экономическому развитию, так как каждый из авторов обращается к важным проблемам: как люди используют ресурсы и управляют ими, и как они справляются с угрозами для их продовольственной безопасности или благосостояния» (р. 1). Перед нами – весьма удачная формулировка того, что именно составляет прикладной потенциал современной экологической антропологии.

Редакторы сборника Д. Бэйтс и Дж. Такер написали Введение (р. 1–9), посвящённое очень краткому изложению основ общей экологии (ecology) и теории эволюции, а также экологии человека (в их понимании) как составной части общей экологии, и концепции экосистемы применительно к экологии человека. Они также подготовили обобщающие

²Буквальный перевод названия – «Экология человека: Современные исследования и практика». Но последнее слово в заголовке имеет двойной смысл, отражая как «практическое значение» исследований в этой области, так и саму «практику исследований», т.е. особенности организации и методы, результаты работы экологов, в том числе в поле.

обзоры или предисловия (объёмом по 5-6 страниц) к каждому из четырёх разделов этого сборника. Эти вводные обзоры представляют собой очень важную в научном отношении часть сборника. Любой из них содержит не только резюме последующих статей, но также оригинальный историко-библиографический анализ публикаций по соответствующей теме и собственные авторские выводы, оценки и гипотезы Д. Бэйтса и Дж. Такера.

Во Введении Дэниел Бэйтс и Джудит Такер в частности высказывают своё понимание экологии человека как «теоретической ориентации, акцентирующей важность человеческой культуры и поведения в решении различных проблем», отличительной чертой которой является «фокусирование внимания на сложных способах, которыми люди воздействуют на окружающую среду (environment) и благодаря которым окружающая среда воздействует на них самих» (р. 1). В последней цитате, правда, мною предложен литературный перевод в традициях отечественной науки, тогда как сами авторы говорят буквально о том, что люди «придают форму» компонентам окружающей среды, а сама среда «формирует» людей. Далее, переходя к проблематике собственно экологии человека, Д. Бэйтс и Дж. Такер отмечают, что в её рамках «соединяются предметные области антропологии, биологии, географии, демографии, экономики и других дисциплин в попытке понять взаимоотношения между людьми и окружающей их средой» (р. 4). Эта точка зрения на то, что из себя представляет экология человека, свойственная многим американским учёным, вызывает особый интерес. Отечественные специалисты в большинстве своём тоже согласятся с тем, что экология человека – область междисциплинарных исследований, вот только вряд ли кто-нибудь из них, к сожалению, назовёт в числе важнейших дисциплин, вносящих свой вклад в такого рода исследования, антропологию (т.е. этнологию и физическую антропологию).

К сожалению, просто невозможно сколько-нибудь подробно охарактеризовать каждую из 21 статей, ведь редакторы-составители выбрали для этой хрестоматии именно самые содержательные примеры исследований, которые просто не поддаются короткому пересказу. Попробуем, однако, вкратце обозначить те темы, которым посвящены эти работы, и назвать хотя бы некоторые из полученных результатов.

Отдельные статьи в рассматриваемом сборнике сгруппированы в четыре тематических части или раздела: 1. теория, метод и объяснение

в экологии человека; 2. динамика локальных систем обеспечения пищи; 3. интенсификация сельского хозяйства и динамика численности населения на региональном уровне; 4. использование общественных ресурсов, охрана природы и социально-экономическое развитие (мною дан практически дословный перевод названий этих частей).

В первой части Э. Вайда (Andrew P. Vayda) анализирует причины лесных пожаров в Индонезии по материалам с восточной части острова Калимантан. Он предлагает, в частности, дифференцировать такие события, как лесной пожар (неконтролируемое распространение огня) и часто практикуемое местными жителями контролируемое выжигание участка джунглей, а также тщательнее учитывать, что именно способствует возникновению лесных пожаров. Так, в самый тяжёлый из-за обилия пожаров и сильного задымления 1998 год от 50% до 75% возгораний пришлось на участки вдали (5 км и более) от поселений местных жителей, но при этом большинство пожаров началось в районах лесозаготовок или лесовозных дорог. Д. Джелински (Dennis E. Jelinski) описывает мифологичность, историю распространения и различные значения в современной западной культуре понятий «Мать Природа» (в русском языке также «Мать Земля») и «природный баланс» (включая выносимые из средней школы идеи о якобы строгой линейности сукцессий растительного покрова и единственно возможном состоянии гомеостаза у природных экосистем). Он также характеризует ту противоречивую роль, которую эти бытовые по сути представления играют в деле охране природы и до какой степени они распространены среди самих экологов. К. Браун, Л. Лейбович и Р. Глендон (Clifford T. Brown, Larry S. Liebovitch, Rachel Glendon) обосновывают свой вывод о том, что система перемещений по освоенной территории одной из групп собирателей-бушменов (*сан*) в районе Доуб (пограничье Намибии и Ботсваны) адекватно описывается только статистической моделью Поля Леви. В ней каждый из циклов состоит из серии передвижений на небольшие расстояния, сменяемых перемещением-«перелётом» на дальнейшее расстояние, и эта же самая модель соответствует пространственным перемещениям многих млекопитающих (например, шакалов, северных оленей, паукообразных обезьян и т.д.).

Также входящая в первую часть сборника статья М. Кокс (Michelle Cocks) посвящена понятию «биокультурного разнообразия» (biocultural diversity), а точнее – тому, как видится ныне связь между биологическим разнообразием и разнообразием культурным, что именно вкла-

дывается в понятия «коренного» (indigenous) или «местного» (local) населения и как сохранение его культурного своеобразия соотносится с охраной биоразнообразия. Ф. Лу (Flora Lu) рассматривает, как в группе индейцев *хуаорани* (эквадорская Амазония) параллельно развивались процессы аккультурации и осознания ими важности охраны природы и регулирования природопользования на общинных землях. Последнего не было в их культуре как в доконтактный период (т.е. до 1958 г.), так и вплоть до начала добычи нефти и лесозаготовок в этом регионе в 1970-е – 1980-е гг. Завершает первую часть сборника статья К. Палмера и Р. Уэдли (Craig T. Palmer, Reed L. Wadley), подготовленная по материалам из рыболовецких посёлков и малых прибрежных городов Ньюфаундленда (Канада). Они подробно описывают, насколько значительными могут быть различия между «локальными экологическими знаниями» (ЛЕК) местного населения и их «экологическими разговорами», в которые жители привносят всё то, что, по их мнению, хотят от них услышать приехавшие специалисты или журналисты.

Вторая часть сборника открывается исследованием М. Стайнер и С. Куна (Mary C. Stiner, Steven L. Kuhn), посвящённым эволюции охоты и собирательства в северной и восточной частях Средиземноморья в период среднего и верхнего палеолита. Авторами прослежены изменения в животном мире вследствие перехода неандертальцев и человека современного вида к специализированной охоте на крупных млекопитающих, а потом вынужденного отхода от данной стратегии жизнеобеспечения, а также сопутствующие изменения в демографической ёмкости этих территорий, рационах питания, плотности и численности населения в период от 250 до 10 тыс. лет назад. Так, авторы отмечают и анализируют последствия уникальной как для неандертальцев, так и для человека современного вида специализации на добыче здоровых взрослых животных репродуктивного возраста при охоте на крупных млекопитающих, начавшей формироваться около 400 тыс. лет назад и ставшей общераспространённой примерно 100 тыс. лет назад. Для сравнения, псовые и гиены в основном охотились на молодняк или старых либо больных животных, а кошачьи – на любых случайно попадавшихся им особей.

В этой же части сборника Д. Бёрд, Р. Бёрд и К. Паркер (Douglas W. Bird, Rebecca Bliege Bird, Christopher H. Parker) рассматривают использование аборигенами Западной Австралии огня при разных видах охоты и последствия регулярных выжиганий растительности опустынен-

ных тропических саванн и полупустынь для видового состава и численности животных, динамики площади различных ассоциаций травянистых растений. В частности, авторы связывают резкое сокращение численности многих видов мелких и средних по размерам сумчатых с тем, что уход аборигенов в посёлки привёл к прекращению регулярных палов, что вызвало изменения в видовом составе растительности, т.е. в кормовой базе этих животных. Далее, в статье Х. Ясуока (Hirokazu Yasuoka) детально характеризуется система собирательства (в основном дикорастущего ямса) и охоты, дополняющих земледелие у группы *бака* в джунглях бассейна Конго (Камерун). *Бака* меняют используемые промысловые участки с периодом в 2-3 года. В сезон женщины могут собирать до 30 кг ямса в день каждая, и в этот период на клубни различных видов ямса приходится до 68% энергии, получаемых *бака* с пищей. Д. Бойд (David J. Boyd) в статье, название которой отчасти парафразирует заглавие классического исследования Р. Рапппорта о принципиально важной роли свиней в жизнеобеспечении и ритуалах папуасов горных районов Новой Гвинеи, рассматривает случай отказа в конце 1980-х гг. группы горных папуасов *иракия* от разведения свиней и другие радикальные изменения в их хозяйстве. Он также анализирует различные причины этих трансформаций, начавшихся с того, что часть молодёжи во время отхода на заработки приняла христианство церкви Адвентистов седьмого дня, запрещающей потребление свинины. Дж. Педерсен и Т. Бенджаминсен (Jon Pedersen, Tor A. Benjaminsen) анализируют системы хозяйства и стабильность производства продуктов питания в кочевой и оседлой группах (*кастах туарегов* в районе Гурма в северной части Сахеля (Мали). В частности, оказалось, что уровень питания и физического развития лучше всего у детей кочевников, несколько хуже – у исторически оседлых групп, и самый плохой – у недавно осевших бывших кочевников.

В третьей части сборника некоторые работы выполнены на основе анализа литературных материалов. Так, Р. Хант (Robert C. Hunt) на примерах поливного и подсечно-огневого рисоводства в Юго-Восточной Азии проверяет и опровергает гипотезу Э. Босеруп о том, что по мере развития традиционного сельского хозяйства снижалась энергетическая эффективность труда земледельца и, следовательно, росли его общие трудозатраты (но, впрочем, и стабильность урожая тоже). Согласно автору, доиндустриальное поливное рисоводство даёт больше продукции на единицу

обработанной земли и на единицу времени труда человека. Далее С. Крэйт (Susan Crate) в статье, написанной по материалам о вилюйских якутах, применяет положения Р. Неттинга о функциях сельских домохозяйств как производителей и потребителей продуктов питания. Она анализирует результаты перехода от социалистической к рыночной экономике в сельской местности, то есть появление массовой безработицы и как следствие восстановление самообеспечивающего хозяйства. Это вызвало существенный рост поголовья дойных коров и налаживание системы экономической кооперации и социальной поддержки на основе родственных связей. Л. Клигетт, Э. Колсон, Р. Хэй, Т. Скаддер и Дж. Унру (Lisa Cliggett, Elizabeth Colson, Rod Hay, Thayer Scudder, Jon Unruh) описывают процессы расселения группы народа *тонга*, выселенной в конце 1950-ых гг. из речной долины в районе Гвемба после строительства в этом месте на реке Замбези плотины и водохранилища Кариба (южная Замбия). Лонгитюдное исследование, начало которому часть авторов положила ещё в 1958 г., прослеживает процессы освоения переселенцами-фермерами лесных территорий как на горных склонах этой же долины, так и на отдалённом плато, прилегающем к национальному парку Кафуэ. Авторы выявили, как именно под воздействием многолетних засух, колебаний уровня водохранилища (и, соответственно, возможностей использования оросительных систем), изменений политико-экономической ситуации, менялся набор сельскохозяйственных культур, которые переселенцы-*тонга* выращивают в различных новых местах своего расселения (включая нелегальное производство ими марихуаны).

Также в третьей части помещена статья У. Локера (William M. Loker), в которой рассматривается бурный рост и последовавший упадок производства табака безземельными арендаторами и связанные с этим процессы обезлесивания во второй половине XX в. в долине реки Капан в Гондурасе. Долина стала центром международного туризма благодаря находящимся тут развалинам города цивилизации майя. Хотя табак возделывался здесь как минимум с колониальных времён, расцвет этой отрасли начался лишь в середине XX в. Потребности в дровах для сушки табака и стремление землевладельцев превращать вырубки в пастбища для скота снизили в 1955–1978 гг. долю лесов в земельном фонде с 23% до 11%. В связи со свертыванием табаководства, к 1999 г. доля лесов вновь возросла до 15%. Автор анализирует самые разные факторы, обусловившие эти два отчасти взаимосвязанных процесса, протекавших на

фоне рождения и активизации этнополитического движения *майя-чорти*, добившихся в итоге передачи им части земель в долине Капана под крестьянские хозяйства. Завершает эту часть сборника историко-экологическое исследование, авторы которого – Д. Жанг, Дж. Жанг, Г. Ли и Ю.-К. Хе (David D. Zhang, Jane Zhang, Harry F. Lee, Yuan-qing He) – прослеживают взаимосвязь периодов обострения социально-политической ситуации в Китае, а также вариаций в темпах роста населения на Севере и Юге, с изменениями климата, прежде всего с похолоданиями, снижавшими урожаи и демографическую ёмкость региона на протяжении последнего тысячелетия. В горных районах Юга в такие периоды к тому же уменьшались обрабатываемые площади и во многих долинах становилось невозможным выращивание двух урожаев риса в год. Речь идёт о расположенных соответственно в умеренном и субтропическом поясах средних и нижних частях бассейнов рек Хуанхэ и Янцзы. Как оказалось, количество войн либо восстаний резко увеличивалось здесь через 10-30 лет после начала очередной фазы похолодания, которых было всего шесть в течение XI – начала XX вв. (в сумме 459 из 1000 лет).

В заключительной четвёртой части хрестоматии в ещё большей мере акцентируются прикладные аспекты экологической антропологии, относящиеся к вопросам экономики, включая управление общественными («общинными») ресурсами, состоянию окружающей среды и социальным проблемам. К. Пелокин и Ф. Беркес (Claude Peloquin, Fikret Berkes) на примере промысла канадского гуся группой индейцев *кри* на побережье залива Джеймса в местности Веминджи прослеживают, как именно экологические знания коренных народов влияют на их хозяйственную деятельность и каким образом в последней происходят существенные изменения. Авторы представили подробнейший анализ правил традиционной организации охоты, произошедших в ней частичных изменений, и того, как эти изменения вкрупне с климатическими трансформациями негативно повлияли на поведение перелётных гусей. Последнее резко понизило эффективность промысла на побережье в 1990-е–2000-е гг., и это привело к развитию у индейцев охоты на гусей на реках и озёрах вдали от залива, чего ранее ими не практиковалось. В статье А. Уитич (Amber Wutich) рассмотрена организация водопользования жителями одного из кварталов города Кочабамба в Андах, населённого индейцами *кечуа* и *аймара* и испаноязычными боливийцами, среди которых много недавних мигрантов из сельской местности. В 2000 г. они добились отмены проведённой тогда приватизации вод-

ных источников и водопроводов в этой местности серией самых активных протестов, получивших известность как «война за воду». Водные ресурсы вновь стали коллективным достоянием, и была создана довольно эффективная система распределения воды под общественным контролем в условиях её почти постоянной острой нехватки.

В этой же последней части сборника Дж. Эдер (James F. Eder) анализирует роль гендерных, социально-классовых и этнических различий, влияющих на организацию использования ресурсов морского побережья в 10 рыболовецко-земледельческих сообществах муниципалитета Сан Висенте на острове Палаван (Филиппины). Автор рассматривает, в частности, браконьерский высокотехнологизированный лов рыбы судами из других городов и селений и местную, ныне официально запрещённую, практику использования ядов для добычи живой рыбы на продажу в числе факторов, особенно негативно воздействующих на водные биоресурсы. Дж. Ачесон и Дж. Макклоски (James M. Acheson, Jon McCloskey) представили обзор причин обезлесивания, менявшихся в период 1970-х – 2000-х гг., в центральной части штата Мэн (США), в котором леса покрывают около 90% территории и на 88% находятся в частной собственности. Их исследование основано на анализе космических снимков лесного покрова и полевых работах в регионе, что позволило им выявить мотивы, по которым частные и корпоративные владельцы сводят леса на своих землях. Эти материалы послужили авторам также иллюстрацией для обсуждения известной «дилеммы коллективных действий» (когда действие, рациональное с точки зрения отдельного члена сообщества, оказывается нерациональным для сообщества в целом). Завершает эту часть и весь сборник статья, насыщенная новейшими статистическими данными и посвященная реальному экономическому и экологическому издержкам планируемому переходу к использованию биотоплива (в первую очередь этанола и биодизельного топлива), которую подготовили Д. Пиментель, А. Марклеин, М. Тот, М. Карпофф, Дж. Пауль, Р. Маккормак, Дж. Кирьязис и Т. Крюгер (David Pimentel, Alison Marklein, Megan A. Toth, Marissa N. Karpoff, Gillian S. Paul, Robert McCormack, Joanna Kyriazis, Tim Krueger). В частности, авторы отмечают очевидный факт, что производители биотоплива и продовольствия конкурируют за земельные и водные ресурсы и ресурсы ископаемого топлива (горючее для сельскохозяйственной техники), а ведь около 60% населения мира уже сейчас голодают или питаются неадекватно. Менее известно, что в наши дни в странах Третьего мира для про-

изводства дров и другого топлива, необходимого для приготовления пищи, используется больше земель, воды и биомассы растений, чем для производства продовольствия. В США только начавшееся использование биотоплива уже повысило цены на продовольствие на 10%-20%. Однако цель «Акта об энергетической независимости и безопасности» от 2007 г. не может быть достигнута в принципе, ибо для требуемого им обеспечения потребления в США «не менее 36 млрд. галлонов биотоплива в 2022 г.» нужно было бы пустить в переработку 80% всей биомассы дико-растущих и сельскохозяйственных растений на территории страны.

Итак, рассматриваемая хрестоматия представляет собой отличную подборку конкретных, выполненных совсем недавно, имеющих явное прикладное значение и высоко оценённых научной общественностью исследований в области экологической антропологии. Именно по ним лучше всего судить о том, какими были в последние годы тематика и методы работы специалистов, разрабатывающих различные направления эколого-антропологических исследований. Но если читателю потребуется разобраться в истории развития исследовательских приоритетов и методов в этой области науки, либо в теоретико-методологической специфике отдельных направлений экологической антропологии, то лучше всё же обратиться к другим хрестоматиям (*Environmental anthropology ...*, 2008; *The Environment ...*, 2006) или же к университетским учебникам последних лет (Moran, 2008, pp. 42–61; Sutton, Anderson, 2010, pp. 13–31; Townsend, 2009, p. 9–28).

К сожалению, несмотря на наличие уже довольно большого массива публикаций отечественных специалистов в области этноэкологии, также выполненных преимущественно на основе полевых исследований, в нашей науке пока ещё не было не только попыток подготовки хрестоматий по данной тематике, но даже обзорных историографических работ. Однако растущее число университетских курсов по этнической экологии и близкой проблематике говорит о том, что и в России уже настало время подумать о подготовке издания, сопоставимого по своему тематическому охвату и целям как с рассмотренным сборником, так и с другими упомянутыми выше хрестоматиями.

Литература

Козлов В.И., Ямсков А.Н. Этническая экология // Этнология в США и Канаде. Отв. ред.: Е.А. Веселкин, В.А. Тишков. М.: Наука, 1989, с. 86–107.

Ямсков А.Н. Основные направления американской экологической антропологии // Экология древних и традиционных обществ: Сборник докладов конференции. Вып. 4. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2011, с. 354–356.

Against the Grain: The Vayda Tradition in Human Ecology and Ecological Anthropology. Eds.: B. Walters, B. McCay, P. West, S. Lees. Lanham (MD): AltaMira Press, 2008. ix + 382 p.

Anderson E.N. New Textbooks Show Ecological Anthropology Is Flourishing // Reviews in Anthropology, 2002, Vol. 31, № 3. P. 231–242.

Environmental Anthropology: A Historical Reader. Eds.: M. Dove, C. Carpenter. Malden (MA): Blackwell Publishers, 2008. xxi + 480 p.

Human Ecology: Contemporary Research and Practice. Eds.: D.G. Bates, J. Tucker. New York (NY): Springer, 2010, xxiv + 377 p.

Human Ecology: An Interdisciplinary Journal // Интернет-сайт: "The Department of Anthropology at Hunter College of the City University of New York": <http://www.hunter.cuny.edu/humaneco> (обращение 23.08.2011 г.).

Moran E.F. Human Adaptability: An Introduction to Ecological Anthropology. 3rd ed. Boulder (CO): Westview Press, 2008, 473 p.

Sutton M.Q., Anderson E.N. Introduction to Cultural Ecology. 2nd ed. Lanham (MD): AltaMira Press, 2010, 399 p.

The Environment in Anthropology. A Reader in Ecology, Culture, and Sustainable Living. Eds.: N. Haenn, R. Wilk. New York (NY): New York University Press, 2006. ix + 222 p.

Townsend P. Environmental Anthropology: From Pigs to Policies. 2nd ed. Prospect Heights (IL): Waveland Press, 2009, 119 p.

Ландшафтно-картографический подход к анализу этнокультурной дифференциации региона (на примере Индии)

Постановка проблемы. Природная среда издавна оказывала существенное влияние на заселение и освоение территории, формирование традиционного хозяйственного уклада этносов, особенности их материальной и духовной культуры. Особенно сильное влияние природного потенциала ландшафтов на характер освоения и заселения территории отмечается на ранних исторических этапах развития социума, в традиционных обществах, в значительной мере – в обществах с аграрным укладом экономики, наиболее тесно «привязанных» к экологическому и производственно-ресурсному потенциалу ландшафтов. Значение физико-географических условий было чрезвычайно велико и в обществах Востока: здесь влияние природного фактора в территориальной дифференциации моделей общественной эволюции было выше, чем в Европе, в силу слабого динамизма и интегрирующего потенциала традиционного способа производства (Кришюнас, 1988).

Цель данной работы – проанализировать в пространственном аспекте связь природно-ландшафтных условий с территориальными проявлениями культуры (этническими, конфессиональными и социокультурными системами) на основе использования разнообразных картографических материалов. В задачи работы входит отражение этих связей в виде серии карт регионального масштаба, объяснение воздействия тех или иных природных факторов на формирование этнических и прочих рубежей. Важной методической задачей является выявление сетки и ранга операционных единиц природно-ландшафтной дифференциации, пригодных для сопоставления с этно- и социокультурным каркасом территории.

Материалы и методы. В географической научной литературе существует подход, в соответствии с которым изучение разнообразных природно-общественных связей целесообразно строить на ландшафтно-географической основе, объективно отражающей существующую пространственную дифференциацию условий среды обитания человека. Действительно, «каждый этнос складывается и обычно живет на определенной территории, т.е. в определенных (хотя и не всегда однородных) природных условиях, к которым входящие в этнос люди так или иначе адаптируются и часть которых они могут в той или иной сте-

пени изменять в ходе развития производительных сил и хозяйственной деятельности» (Козлов, 1983, с. 4).

Принимая во внимание несовместимость пространственных границ природных и общественных систем, их развитие по разным законам, различную степень изменчивости, такой подход, безусловно, сопряжен с преодолением некоторых сложностей методологического, методического и информационного плана. Об этом, в частности, пишет А.Г. Исаченко: «Природные и общественные территориальные системы сосуществуют, перекрываясь и взаимодействуя в пространстве. Они теснейшим образом взаимосвязаны, сохраняют автономность и имеют собственные пространственные границы» (Исаченко, 2004, с. 8). Добавим, что движущие силы и временная шкала развития каждой из подсистем, так же как и методы их оценки, принципиально различны, что значительно затрудняет такой анализ. Сопряженный пространственный анализ природных и общественных территориальных систем требует привлечения методов и данных многих наук, в том числе исторической географии и палеогеографии, археологии, этнологии, демографии и географии населения, культурологии, экономической географии, исторической статистики и др. (Алексеева, 2009).

В качестве операционной единицы для поиска связей между природными и общественными территориальными системами целесообразно использовать понятие природно-территориального комплекса (ПТК). В зависимости от поставленных задач и масштаба исследования можно оперировать разными иерархическими уровнями ПТК. Такой подход, как указывает А.Г. Исаченко (2008), соответствует логике и природе самого взаимодействия двух систем, в котором природная среда с ее природно-ресурсным и экологическим потенциалом служит источником существования общества. В этом случае ландшафтная структура региона, образующая относительно стабильный «природный каркас» территории, может быть взята за территориальную основу при анализе взаимодействий в системе «природа – общество». При региональных (мелкомасштабных) исследованиях для анализа подобных связей площадь ландшафтных выделов, как и их таксономический ранг, должны быть достаточно существенными и сопоставимыми с площадью и рангом этно- и социокультурных территориальных образований. Для выявления связей между природным каркасом региона и территориальными общественными системами можно использовать метод оверлея (наложения) оцифрованных карт физико-

географических областей и карт, отражающих этническое, конфессиональное и социокультурное устройство региона.

Объект исследования. В качестве территориального объекта исследования целесообразно выбрать географически детерминированный регион, отличающийся достаточной изученностью ландшафтной структуры, дифференцированным этническим составом и социальной структурой. Важно также наличие первичной статистической информации, позволяющей анализировать важные этнические и социально-демографические показатели и соотносить их с природными характеристиками. В качестве объекта исследования была выбрана территория Индии – весьма сложного и контрастного как в природном, так и в этнокультурном плане региона земного шара. Как известно, этническая карта страны складывается из более 500 больших и малых этносов со своей спецификой исторического развития, здесь четко прослеживается территориальная дифференциация конфессиональной и социальной структуры, последняя выражена в характере кастовой системы и межобщинных отношений.

Для Индии характерно достаточно четкое обособление крупных природно-ландшафтных регионов, позволяющих проводить сопоставление их границ с рубежами общественных территориальных систем. В российской географической традиции в пределах Индии принято выделять три физико-географические страны: Гималаи, Индо-Гангские равнины, полуостров Индостан, обладающие жесткими естественными рубежами. В природно-зональном отношении территория Индии также чрезвычайно разнообразна. Господство на большей части территории субэкваториального муссонного климата при почти повсеместной высокой теплообеспеченности обуславливает значительную пестроту условий увлажнения – от крайне засушливых на северо-западе в пустыне Тар до рекордно влажных на северо-востоке страны на плато Шиллонг. В этих условиях сформировался широкий диапазон зональных типов природных ландшафтов: от тропических пустынь и опустыненных саванн до вечнозеленых тропических лесов, обладающих принципиально разным экологическим и производственно-ресурсным потенциалами.

В качестве основы данного исследования использовалась классическая схема физико-географического районирования территории Индии, разработанная индийскими географами в исходном масштабе 1:6 млн (Physiographic Map // National Atlas of India, 1964). Нами было проведено

уточнение границ физико-географических областей Индии по современным данным: проведена привязка данной схемы к Цифровой модели рельефа и картам (геологической, четвертичных отложений) из электронного Атласа «Our Earth» в программе ARCGis 3.3. В частности, по новым материалам были существенно уточнены границы трапповой области Декана (плато Махараштра), границы аллювиальной Бенгальской равнины, рубежи горных областей Западных и Восточных Гат и др.

В соответствии с этой схемой физико-географического районирования на территории Индии выделяется 7 физико-географических (*ландшафтных*) стран, которые обособляются под воздействием, главным образом, азональных факторов. Внутри них выделены физико-географические области, объединяющие ландшафты, родственные по возрасту и происхождению и обладающие большим сходством в рельефе, поверхностных отложениях, гидрографической сети. Своеобразие географического положения и орографии определяет единство климатических условий ландшафтов каждой области. Внутри физико-географических областей выделяется 58 провинций, их дифференциация основана на учете литологических особенностей территории и морфологического строения (рис. 1). Например, область Западных равнин делится на две провинции: возвышенную песчаную золовую равнину пустыни Тар со скудной травяно-кустарниковой растительностью и возвышенную денудационно-аккумулятивную подгорную равнину хребта Аравалли (Раджастхан Багар), перекрытую каменисто-щебнистыми отложениями с редколесьями из колючих деревьев и кустарников. Ранг ландшафтных провинций, соответствующий уровню мелкомасштабного регионального ландшафтного картографирования, был выбран нами в качестве основной операционной единицы для последующего сопоставления с рубежами общественных территориальных систем. Для подобного анализа преимущество имеют единицы не типологического, а регионального районирования, в процессе которого выделяются индивидуальные, объективно существующие природные районы со своим экологическим и природно-ресурсным потенциалом. Кроме того, региональные природно-ландшафтные единицы сопоставимы по площади с этническими и другими социокультурными территориальными системами.

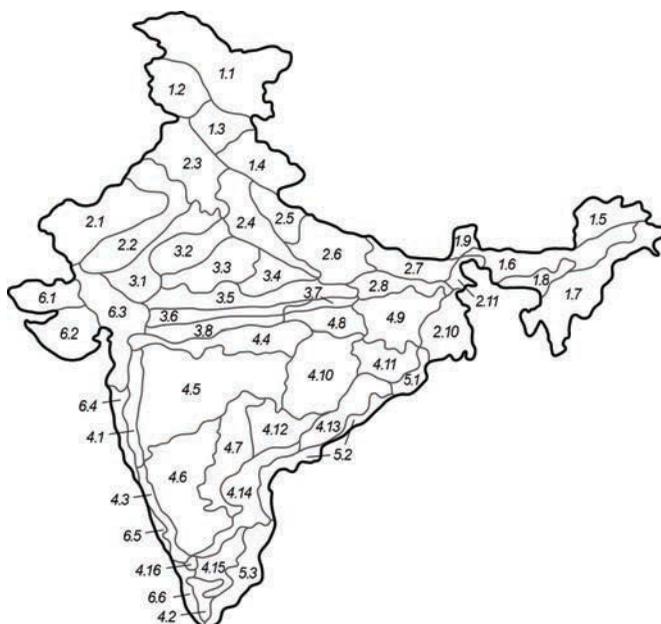

Рис. 1. Физико-географические страны и подобласти Индии

Гималаи

1.1. Гималаи Северного Кашмира; 1.2. Гималаи Южного Кашмира; 1.3. Пенджабские Гималаи; 1.4. Кумаонские Гималаи; 1.5. Восточные Гималаи; 1.6. Ассамская долина; 1.7. Восточное нагорье (Пурвачал); 1.8. Плато Шиллонг и горы Микир, 1.9. Сиккимские Гималаи

Индо-Гангские равнины

2.1. Пустыня Тар (Марустхали); 2.2. Возвышенности Раджастхана (Раджастхан Багар); 2.3. Равнины Пенджаба; 2.4. Междуречье Ганга и Джамны (Доаб); 2.5. Равнины Рохилкханда; 2.6. Равнины Авадха; 2.7. Северо-Бихарские равнины; 2.8. Южно-Бихарские равнины; 2.10. Бенгальские равнины, 2.11. Северная Бенгалия

Центральные возвышенности Индостана

3.1. Горы Аравалли; 3.2. Возвышенности Восточного Раджастхана; 3.3. Возвышенности Центральной Индии (Мадхья Бхарат); 3.4. Плато Бунделкханд; 3.5. Плато Малва; 3.6. Горы Виндхья; 3.7. Уступ Виндхья; 3.8. Долина Нарбады

Собственно п-ов Индостан

4.1. Северные Западные Гаты (трапповые); 4.2. Южные Западные Гаты; 4.3. Центральные Западные Гаты; 4.4. Горы Сатпура; 4.5. Плато Махараштры; 4.6. Карнатакское плато; 4.7. Плато Теленганы; 4.8. Плато Багхелкханд; 4.9. Плато Чхота-Нагпур; 4.10. Бассейн Маханади; 4.11. Горы Гарджат; 4.12. Плато Дандакаранья; 4.13. Северные хребты Восточных Гатов; 4.14. Южные хребты Восточных Гатов; 4.15. Возвышенности Тамилнада; 4.16. Горы Нилгири

Восточное побережье

5.1. Уткальская равнина; 5.2. Прибрежные и дельтовые равнины Андхры; 5.3. Коромандельский берег

Западное побережье

6.1. Полуостров Кач; 6.2. Полуостров Катхиявар; 6.3. Гуджаратские равнины; 6.4. Низменность Конкана; 6.5. Карнатакское побережье; 6.6. Малабарский берег.

Островные территории не показаны на карте

В качестве последних анализировались три основных блока этно- и социокультурного каркаса региона: этнические, конфессиональные и кастовые территориальные системы. По Индии имеется богатейший массив статистической и картографической информации, базирующейся на результатах регулярных (начиная с 1872 г.) переписей населения, который может быть положен в основу картографирования и выделения разнообразных территориальных общественных систем.

Результаты. Связь природного каркаса с этнической структурой.

Для анализа оцифрованная карта физико-географических провинций была наложена на карту языковых семей, языков и диалектов Индии, выделенных на основании материалов Исторического Атласа Индии (Historical Atlas of India: Language families and branches, languages and dialects, 1978). Необходимо отметить, что применение понятия этноса к Индии носит достаточно условный характер. В качестве «народов», «наций», «племен» выступают внутренне очень неоднородные категории (Арутюнов, 1994). Это связано с их высокой религиозной и кастовой раздробленностью, заметными различиями в обычаях, бытовой культуре и т.д. Тем не менее, индологи признают, что доминирующими признаками при выделении тех или иных этнокультурных групп выступают общность *территории и языка* (Куценков, 2002). Поэтому мы используем допущение, что в мелко-масштабных исследованиях картографическое отражение лингвистиче-

ских ареалов можно принять за пространственную модель этнической структуры территории Индии.

При сопоставлении природно-ландшафтных границ и этнических рубежей выявлены ключевые природные факторы, которые на протяжении истории могли играть заметную роль в этнической дифференциации Индии и которые определяют расселение крупных этносов в настоящее время. К ним относятся рельеф территории: в первую очередь – морфоструктурная дифференциация, определяющая наличие крупных равнин и горных хребтов, морфометрические показатели (степень пересеченности территории), ярусность рельефа. В ряде случаев границы расселения этносов определяются влиянием литологического фактора, особенностями гидрографической сети, более опосредованно – влиянием климатических факторов (рис. 2).

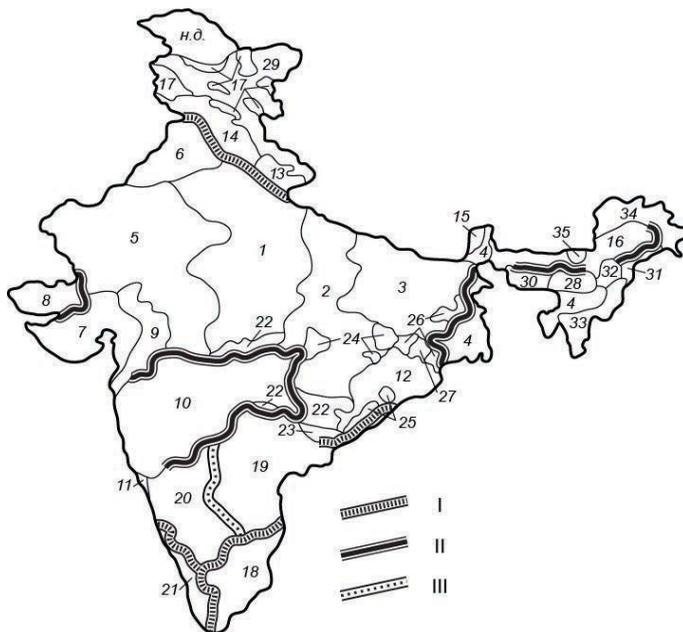

Рис. 2. Соответствие природно-ландшафтных границ и этнических рубежей

I – Границы, обусловленные морфоструктурным строением

II – Границы, обусловленные литологическим строением

III – Границы, обусловленные влиянием климатических факторов

Цифрами обозначены: Народы *индоевропейской семьи, индоарийской группы*: 1. Хиндиязычные общности (западный хинди); 2. Хиндиязычные общности (восточный хинди); 3. Бихарцы; 4. Бенгальцы; 5. Раджастанцы; 6. Пенджабцы; 7. Гуджаратцы; 8. Синдхи; 9. Бхилы, кхандеши; 10. Маратхи; 11. Гоанцы; 12. Ория; 13. Центральные пахари; 14. Западные пахари; 15. Непальцы; 16. Ассамцы, 17. Кашмирцы. Народы *дравидийской семьи*: 18. Тамилы; 19. Телугу; 20. Каннара; 21. Малаяли; 22. Гонды; 23. Куи; 24. Ораоны (курукхи); 25. Кхонды. Народы *австроазиатской семьи, группы мунда*: 26. Санталы, махали и др.; 27. Мунда, хо, корва и др.; *группы кхаси*: 28. Кхаси. Народы *сино-тибетской семьи, тибето-бирманской группы*: 29. Западные бхотия; 30. Гаро; 31. Нага; 32. Боро; 33. Манипури, типура, лушеи, тхадо; 34. Мири, абор, мишми, дафла; 35. Дзонха, бхутам и др.

Рассмотрим некоторые причинно-следственные связи, определяющие воздействие природных факторов на рубежи расселения ряда этносов Индии. На севере страны проживают народы индоевропейской семьи, преимущественно индоарийской группы. Большая часть крупнейших этносов, говорящих на хинди (258 млн чел., данные переписи 2001 г.¹) и бенгали (30 млн), населяет территорию Гангских аллювиальных равнин, для которых характерна в целом моноэтническая ситуация, обусловленная мощной объединяющей ролью равнины Ганга и его притоков в процессе расселения арийских народов, отсутствием значимых физико-географических барьеров и постепенными градиентами изменением климатических условий в сторону нарастания увлажнения с запада на восток. В результате на обширной равнине от Харьяны до Бихара на протяжении более 1000 км, а также на прилегающих с юга невысоких плато центральной Индии сложилась четкая монолингвистическая ситуация: более 90% населения говорят на хинди и его основных диалектах. Границы ареалов размещения хиндустанцев, говорящих на различных диалектах хинди (западный хинди, восточный хинди, бихари), пересекают Гангскую равнину в направлении, близком к меридиональному, проходя перпендикулярно направлению течения Ганга. В данном случае определяющая роль в формировании этнических районов принадлежала политическим ареалам, вероятнее всего воспроизводящим границы между государствами, существо-

¹ Результаты переписи населения Индии 2001 г. доступны на сайте: www.censusindia.gov.in

вавших ранее в бассейне Ганга (Ефремова, 1993). Эти земли, как известно, еще в конце II–I тыс. до н.э. были заселены индоарийскими племенами, двигавшимися с северо-запада, от горных перевалов Афганистана, на восток через Пенджаб. Уже тогда земли Северной Индии стали рассматриваться как нечто единое, получившее название «Арьяварта» или «Страна ариев», в отличие от остальных областей Индостана, населенных иными этническими группами и автохтонными племенами.

Южную границу хиндиязычного пояса образует пояс относительно невысоких (от 500-600 до 1300 м), но расчлененных плато и горных массивов – южная, самая возвышенная часть хребта Аравалли, горы Сатпура, хребет Майкала и плато Чхота-Нагпур. Плато и хребты не могут считаться физической преградой для миграции групп людей, но в силу своего ограниченного агроприродного потенциала указанные области были изначально непригодны для распространения пашенного земледелия, сложившегося в ареале расселения хиндустанцев. Поэтому в поясе низогорий и плато до сих пор сохраняется ведущая роль автохтонного племенного населения.

С севера Гангские равнины окаймлены Гималаями, которые являются не только крупным орографическим, климатическим и ландшафтным разделом, но и важным этническим рубежом. Из-за труднодоступности и сильной расчлененности горных ландшафтов, неоднородности физико-географических условий и сложной истории заселения Гималаев здесь сформировался, в отличие от Гангских равнин, весьма пестрый этнический состав. Так, граница между подобластями Пенджабских и Кумаонских Гималаев и Гангских равнин четко совпадает с рубежом расселения западных и центральных пахари, с одной стороны, и хиндиязычных народов, с другой. Традиционно западные пахари занимаются скотоводством и горно-террасным земледелием, а хиндиязычные народы – выращиванием риса и пшеницы на плоских аллювиальных равнинах. Большая часть населения низогорий Гималаев, приграничных с Гангскими равнинами, сконцентрирована в продольных межгорных долинах, так называемых дунах. Деревни, населенные пахари, обычно располагаются вдоль невысоких отрогов, поднимающихся над дунами. В языковой и культурной однородности, наблюдающейся в цепи деревень, расположенных вдоль одного отрога, прослеживаются следы первоначально племенного расселения (Спейт, 1957).

Граница между Южным Кашмиром и Пенджабскими Гималаями, проходящая на высоте 1600-1700 м, совпадает с границами расселения западных пахари и кашмирцев. Ареалы этих народов практически не пересекаются, так как кашмирцы как этнос сформировались в ландшафтных условиях Кашмирской котловины с прилегающими горными террасами. Многочисленные горные реки и обилие водных источников давали им возможность заниматься поливным земледелием даже на склонах высокогорных плато. Кашмирцы выращивают рис, кукурузу, пшеницу, овощи, нижние части склонов используются под садоводство. Системы природопользования, расселение автохтонных племен и дифференциация различных этнических групп определяются здесь высотной ярусностью и структурой горных ландшафтов.

В качестве еще одного примера четкого совпадения природных и этнических рубежей можно привести стык ландшафтных областей – аллювиальных Гангских равнин и денудационного плато Чхота-Нагпур, сложенного докембрийскими кристаллическими породами (граниты, гнейсы). Этот рубеж маркирует границу между ареалом расселения земледельческого народа – бенгальцев на равнинах Ганга и племенного населения на плато Чхота-Нагпур (санталы). Помимо различий в морфолитоструктурном строении территории, здесь также наблюдается разница в агроклиматических условиях: в пределах Бенгальской низменности господствует гумидный климат с осадками 1000-2000 мм в год, продолжительностью вегетационного периода более 210 дней. В то же время субгумидный климат плато Чхота-Нагпур (среднегодовое количество осадков от 800-1000 мм, продолжительность вегетационного периода – 150-180 дней), наряду с другими ограничениями, не способствовал развитию здесь интенсивных форм земледелия, а наоборот, вел к консервации отсталого хозяйства. Это отражается в малочисленности коренного населения плато. В то же время на Бенгальских равнинах, сложились чрезвычайно благоприятные условия для выращивания риса, сахарного тростника, джута. Это способствовало еще в средние века резкому приросту численности населения в этой ландшафтной провинции. Неслучайно и сейчас бенгальцы являются одним из самых многочисленных этносов Индии с максимально высокой плотностью населения (в штате Западная Бенгалия зафиксирована плотность 903 чел./кв.км, данные 2001 г.).

В центральной части полуострова Индостан, где в районе распространения деканских траппов развиты ландшафты столово-ступенчатых гор и плато, проживает крупный этнос маратхов (72 млн. чел.). Историческая область их расселения практически совпадает с ландшафтной областью плато Махараштра, где на коре выветривания базальтовых покровов сформировались черные слитые почвы (регуры), отличающиеся высоким естественным плодородием. Продуктивное земледелие (на основе выращивания просяных культур и хлопчатника), в свою очередь, способствовало экономическому росту этой области и консолидации маратхов в отдельный крупный этнос.

Горные рубежи служат границами распространения ряда этносов на юге Индостана: Западные Гаты являются восточной границей расселения этноса малаяли; отроги Восточных Гат ограничивают ареал расселения этноса тамиллов.

Таким образом, некоторые этнические рубежи Индии совпадают с природными границами разного уровня, маркирующими, прежде всего, морфоструктурное устройство территории, специфику литологического строения, климатические особенности. Еще в глубокой древности эти факторы могли влиять на дифференциацию систем природопользования и расселение людей. Особенно четко прослеживается совпадение этнических рубежей с природными границами макроуровня (физико-географическими странами), например, между Гималаями и Индо-Гангскими равнинами, или между Индо-Гангскими равнинами и полуостровом Индостан.

Связь природного каркаса с конфессиональной структурой региона не столь очевидна, чаще границы конфессиональных систем лишь опосредованно «диктуются» природными рубежами, которые могли играть роль определенных барьеров в распространении тех или иных религиозных течений.

Многообразное и сложное религиозно-культурное пространство Индии определяется, как известно, доминированием главной национальной религии – индуизма, который исповедуют абсолютное большинство индийцев – 80,5% или свыше 827 млн. чел. (данные переписи 2001 г.). Вторая по численности и влиянию религиозная община страны – мусульмане, на долю которых приходится 13,4% населения, или 138 млн. чел. Остальные являются приверженцами христианства (2,3%), сикхизма (1,9%),

буддизма (0,8%), джайнизма (0,4%). Другие религии – иудаизм, зороастризм, архаичные племенные культы исповедуют 0,6 % индийцев.

Индусы (приверженцы индуизма) составляют большинство населения в подавляющем числе округов Индии. Свыше 90% жителей исповедуют индуизм на севере Индии, прежде всего в горных штатах Уттаранчал и Химачал-Прадеш, в пределах «Раджпутского пояса», охватывающего юг Раджастхана и восток Мадхья-Прадеша. Индусы составляют большинство и на юге страны – в штатах Тамилнад, на юге Карнатаки и Андхра-Прадеша. Штаты Орисса и Чхаттисгарх также большей частью индуистские.

Мусульмане составляют большинство только в штате Джамму и Кашмир (около 66% жителей) и союзной территории Лаккадивские и Миникойские острова (свыше 94%). Почти половина всех индийских мусульман проживает на равнинах Ганга, в штатах Уттар-Прадеш, Бихар и Западная Бенгалия, хотя здесь их доля (около 15%) меньше, чем представителей других религий. Много мусульман в штате Керала (около 20%) и на северо-востоке, в Ассаме.

Основная масса индийских христиан сосредоточена на северо-востоке и юге страны. Христианское большинство имеется в четырех северо-восточных штатах – Манипуре, Мегхалае, Нагаленде и Мизорамае. Больше, чем в среднем по Индии, христиан в штатах Гоа (около 30%) и Керала (около 20%).

Сикхи компактно проживают на северо-западе Индии в штате Пенджаб (63% населения) и прилегающих округах соседних штатов. Это объясняется тем, что именно здесь в XVI в. зародился и получил распространение сикхизм. Сикхи являются наименее урбанизированной религиозной общиной страны, вследствие того, что большинство сикхов Пенджаба (пшеничной житницы Индии) – сельские жители.

Буддизм распространен в трех районах Индии: 1) в Махараштре и прилегающих округах Карнатаки и Мадхья-Прадеш, 2) на северо-востоке, в штате Сикким и двух северных округах Западной Бенгалии, 3) в западном гималайском и предгималайском районах, охватывающих части штатов Джамму и Кашмир (Ладакх), Химачал-Прадеш и Уттарначал. Размещение буддистов на севере и северо-востоке Индии объясняется социокультурной близостью проживающих здесь народов и народностей тибетцам и бирманцам, историческими, экономическими и культурными связями с Мьянмой и Тибетом.

Джайны (4,2 млн. чел.) проживают в основном на западе Индии в штатах Гуджарат, Раджастан и Махараштра. Но и здесь их доля не превышает 1% от числа жителей (Алексеева, 2008).

Для мелкомасштабного анализа была использована карта «Религиозный состав населения Индии» (Historical Atlas of India: Religious composition, 1978) в масштабе 1:15 млн., составленная на уровне административных округов по данным переписи 1961 г. Анализировалась доля последователей 6 основных конфессий: индуизма, ислама, сикхизма, христианства, буддизма и племенных религий. Всего для анализа было выделено 19 типов конфессиональных районов по различному соотношению последователей основных религий: район с преобладанием индуизма (более 90%), различные варианты смешанных районов, в которых могут быть представлено до пяти конфессиональных групп в градациях от 10 до 50%. В некоторых случаях, в основном в пограничных районах, выделялись ареалы с преобладанием прочих религий.

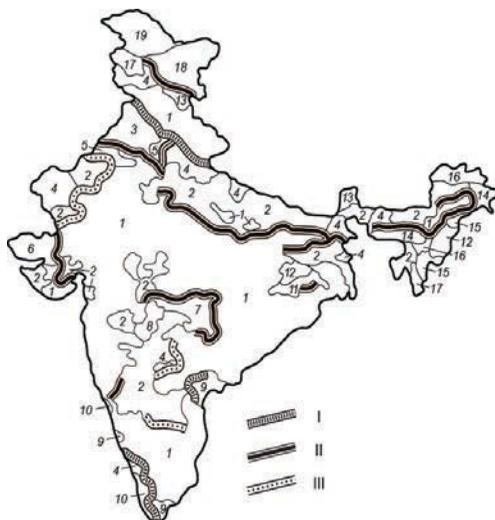

Рис. 3. Соответствие природно-ландшафтных границ и конфессиональных рубежей

- I – Границы, обусловленные морфоструктурным строением
- II – Границы, обусловленные литологическим строением
- III – Границы, обусловленные влиянием климатических факторов

Цифрами обозначено: *Соотношение последователей основных религий (по округам)*: 1. индусы 90-100%; 2. индусы 75-90%, мусульмане 10-25%; 3. сикхи 50-75%, индусы 25-50%; 4. индусы 50%, мусульмане 50%; 5. сикхи 10-25%, индусы 75-90%; 6. индусы 75-90%, мусульмане 10-25%, прочие 10%; 7. индусы 75-90%, буддисты 20-25%; 8. индусы 50-75%, буддисты 10-25%, мусульмане 10-25%; 9. индусы 75-90%, христиане 10-25%; 10. индусы 25-50%, христиане 25-50%, мусульмане 10-25%; 11. индусы 50-75%, племенные религии 10-25%, прочие 10-25%; 12. индусы 50-75%, племенные религии 10-25%, христиане 10-25%; 13. индусы 25-50%, буддисты 25-50%; 14. индусы 10-25%, племенные религии 25-50%, христиане 25-50%; 15. христиане 50-75%, прочие 10-25%; 16. племенные религии 90-100%, индусы 0-10%; 17. мусульмане 100%; 18. мусульмане 25-50%, буддисты 25-50%; 19. нет данных.

Рассмотрим наиболее яркие примеры совпадения границ конфессиональных районов и природно-ландшафтных рубежей (рис. 3). Четкие различия в конфессиональной структуре наблюдаются между физико-географическими провинциями Пенджабских и Кумаонских Гималаев, с одной стороны, и Гангских равнин, с другой. Среди большей части населения низко- и среднегорного пояса Гималаев преобладающей религией является индуизм (более 90%), так как здесь в XII–XIII вв. в труднодоступных районах нашли убежище бежавшие от мусульман индусы. В то же время в пределах Гангских равнин отмечается повышенная доля последователей ислама (10-15% населения). На протяжении столетий равнины представляли собой «открытое» монотонное пространство с однородной ландшафтной структурой, по которому относительно легко могли продвигаться иноземные завоеватели: с запада, из Афганистана и Средней Азии – мусульмане и с востока, из Бенгалии – французы и вытеснившие их позднее англичане. Аллювиальные Гангские равнины стали областью смешения индуизма и ислама, синтеза индуистских и исламских культурных традиций. Заметим, что к северу и к югу от них конфессиональная структура заметно меняется, в том числе и в связи с изменением природно-ландшафтных условий и истории заселения территории. На полуостровах Кач и Катхиявар до 10% населения также составляют мусульмане, что отражает направление вторжения мусульман с запада и близость компактного мусульманского ареала в бассейне Инда.

Роль горных хребтов как барьеров в распространении ряда религий четко видна на примерах прибрежной зоны полуострова Индостан, ограниченной горными цепями Западных и Восточных Гатов. На Ма-

лабарском побережье, где христианство распространилось еще в VII в. с сирийскими купцами-мореходами, его продвижение вглубь полуострова было приостановлено естественным барьером Западных Гат. Горы разграничивают христианский и мусульманский ареал на равнинах Кералы от внутренних областей юга Индии, где доминирует индуизм (>90%). Близкая ситуация характерна для дельты р. Кришна, где в настоящее время христианство исповедуют около 10% населения. Оно не распространилось вглубь Декана из-за барьерной роли горных хребтов Восточных Гат и значительной удаленности от побережья, что не благоприятствовало основанию торговых факторий европейцами.

Таким образом, совпадение некоторых природно-ландшафтных и конфессиональных рубежей свидетельствует о сложном, опосредованном влиянии на них природных условий. Существенными природными факторами, сдерживавшими расселение определенных конфессиональных групп и усиливавшими историческую обособленность отдельных районов, являются горные барьеры (Гималаи, Западные и Восточные Гаты). Однородность рельефа, а также наличие крупных речных долин, например, Ганга, наоборот, облегчали проникновение новых религиозных течений и способствовали процессам культурной диффузии.

Связь природного каркаса с социальной (кастовой) структурой. В индологии касты являются основным объектом исследования социокультурных различий. Как известно, для каждой касты характерны строго предписанная специализация и, следовательно, ограничения в использовании тех или иных видов природных ресурсов. Отсюда можно заключить, что между кастовой структурой и природно-ландшафтной дифференциацией территории должна существовать достаточно тесная связь.

Основополагающее деление индийского общества на варны (4 сословия) – брахманов, кшатриев (воинов, знати), вайшьев (торговцев, земледельцев и скотоводов) и шудр (слуг и рабов) – сложилось в конце ведического периода, ещё в период родоплеменного строя. Несмотря на то, что варновая модель организации общества была распространена ариями, пришедшими в Индию, на всю территорию субконтинента, она была «наложена» сверху на уже существовавшую кастовую сеть, организовав ее при этом согласно концепции ритуальной чистоты (Индия. Страна и ее регионы, 2000). Принадлежность к той или иной варне связана с облада-

нием определенным ритуальным статусом и следованием традиционному кастовому занятию.

В формировании региональных особенностей кастовых систем играли роль многие факторы. Главной предпосылкой образования региональных типов кастовых систем была история заселения субконтинента. Кроме того, велика роль таких факторов как географический, культурный (особенности эволюции религиозных представлений), экономический (степень сельскохозяйственной освоенности территории, тип землевладения и землепользования) и т.д. Например, на западе Раджастана в пустыне Тар, где большую роль в хозяйстве играет скотоводство, традиционно сильны воинские (раджпуты) и торговые (марвари) касты (Алаев, Загородникова, 1993). При мелкомасштабном анализе в распространении каст прослеживается влияние ряда природных факторов: литологического строения территории и характера поверхностных отложений, которые влияют на формирование почвенного покрова и уровня естественного плодородия почв, что определяет степень пригодности территорий для земледелия в традиционных системах хозяйства и связанные с этим типы сельского хозяйства. Прослеживается также влияние морфоструктурного строения территории, прежде всего наличие гор, нагорий и плато, где коренным образом меняются системы природопользования и, следовательно, кастовая структура общества.

Для анализа природных факторов, влияющих на дифференциацию каст, использовалась карта «Наиболее многочисленные кастовые, племенные и этнические группы, классифицированные по функциональным категориям», составленная в масштабе 1:15 млн. по данным переписи 1931 года² (Most numerous caste, tribe and other ethnic group classified by functional categories // Historical Atlas of India: Religious composition, 1978). Рассматривались следующие преобладающие группы: брахманы, раджпуты, вайшья, земледельческие и скотоводческие касты, низкие и низкостатусные касты, отдельно выделялись мусульманские группы, сирийские христиане и племена, также вовлеченные в кастовую систему.

²Перепись 1931 г. была последней, в которой фиксировалась кастовая принадлежность респондентов. Поскольку Конституция 1950 г. отменила кастовую дискриминацию, во всех последующих переписях населения учет кастовой принадлежности жителей был исключен из опросных листов.

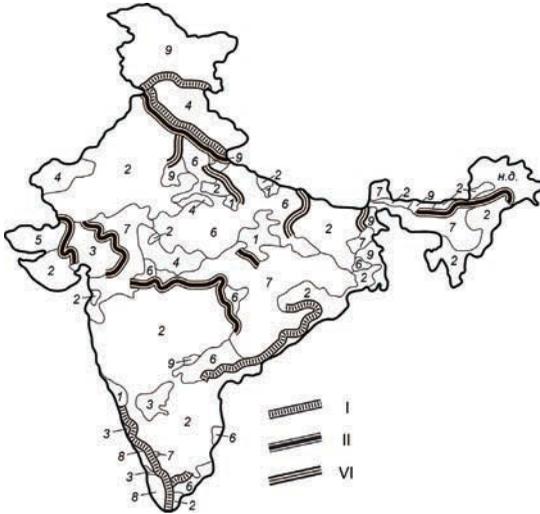

Рис. 4. Соответствие природно-ландшафтных границ и кастовых рубежей

I – Границы, обусловленные морфоструктурным строением

II – Границы, обусловленные литологическим строением

IV – Границы, обусловленные историческими причинами

Цифрами обозначены: Преобладающие касты в кастовом профиле: 1. Брахманы; 2. Земледельцы и скотоводы; 3. Низшие земледельческие касты; 4. Раджпуты; 5. Вайшья; 6. Низкостатусные; 7. Племена; 8. Сирийские христиане; 9. Мусульманские группы, 10. Нет данных.

На рис. 4 видно соответствие многих выявленных социокультурных границ и физико-географических рубежей. Важную роль в формировании этих границ сыграл рельеф. При переходе от равнинных территорий к горным наблюдается резкая смена типов кастового профиля и измельчение контуров по сравнению с равнинными областями, где отмечаются крупные и более-менее однородные по кастовой структуре хозяйственные и историко-культурные ареалы. В качестве примеров резкой смены кастовой структуры можно привести районы равнинных округов береговой Андхры и граничащих с ними округов всхолмленных плато (Ефремова, 1993). Горные хребты Восточных Гатов отделяют область нагорий от побережья. Здесь происходит смена кастовой структуры от низших каст, занимающихся выращиванием риса на прибрежных равнинах, к средним

земледельческим кастам, занимающимся богарным земледелием во внутренних районах штата.

В предгималайской зоне в условиях изоляции долин сформировались особые социокультурные группы, сильно отличающиеся от равнинных районов. Например, рассмотренная выше граница между Пенджабскими и Кумаонскими Гималаями и Гангскими равнинами прослеживается и в дифференциации кастовой структуры. Так, в Гималаях формирование структуры каст происходило во время массового переселения индусской элиты под угрозой воздействия со стороны инокультурного (мусульманского) элемента. Поэтому до 90% населения составляют высшие касты, преимущественно раджпуты. На Гангских равнинах кастовый состав представлен преимущественно земледельческими кастами.

На северной и восточной окраине плато Махараштра отмечается совпадение природных и кастовых рубежей, обусловленных границей распространения деканских траппов и физико-географического рубежа гор Сатпура. Этот рубеж маркирует переход от земледельческих каст (маратха-кунби), господствующих на плато Махараштра, к племенам, заселяющим труднодоступные горные районы. В целом, для горных и пересеченных труднодоступных областей характерно более обособленное, а порой и изолированное в силу чрезвычайной затрудненности культурных контактов, существование социокультурных групп.

Достаточно близкое совпадение физико-географических границ и границ кастовых ареалов отмечается на аллювиальной Гуджаратской равнине (материковая часть) и Саураштре (полуостров). Особенности литологического строения территории и климатические условия (нарастание увлажнения с запада на восток) повлияли на формирование различных по степени плодородия типов почв, что отразилось в характере природопользования. Так, на полуострове Кач, где большая часть ландшафтов представлена аридными солончаковыми равнинами, распространены преимущественно скотоводческие и торговые касты, на полуострове Катхиявар (в области распространения базальтов) с экстенсивным неорошаемым земледелием – в основном средние земледельческие касты. На плодородной аллювиальной Гуджаратской равнине большая часть населения относится к низшим кастам, традиционно занимающимся земледелием. Преобладание низших каст в областях с достаточным увлажнением и высоким естественным плодородием почв объясняется особенностями эволюции «азиатского» формационного типа общества (Кришнюнас, 1988).

Здесь трудоинтенсивное ведение хозяйства при крайне низкой производительности труда делало экономически оправданным применение труда лично несвободных работников и развитие институтов внеэкономического принуждения. Поэтому в таких районах сложилась кастовая система с резко поляризованной структурой. Большинство населения, представленное низшими кастами, еще в древности было лишено земельной собственности, став безземельными наемными работниками.

Дифференциация кастовой структуры однородных в физико-географическом отношении территорий, как например, равнин Ганга, определяется в большей степени не природными, а историческими причинами. Так, в Рохилкханде широко представлены мусульманские касты: патаны, шейхи и др., а в Дообе (междуречье Ганга и Джамны) преобладают преимущественно индуистские средние земледельческие касты при высокой доле низших каст (включая неприкасаемых), а также брахманы. Ландшафтная область равнин Ауда (заселенная преимущественно низшими кастами) граничит с равнинами Северного и Южного Бихара (преобладают средние земледельческие касты), рубеж между ними маркирует границы средневековых государств.

Выводы. На основе привлечения массива данных из области истории, этнологии, социальной географии, культурологии, географии населения, а также физической географии и ландшафтоведения удалось представить целостную картину, отражающую связь компонентов культуры с природной (ландшафтной) структурой огромного цивилизационного региона Евразии, каким является Индия. Вследствие аграрного характера индийского общества (до сих пор более 70% населения живет в сельской местности) все социокультурные институты имеют здесь жесткую «территориальную привязку». С этим индологи связывают повышенную значимость для социальных процессов даже незначительных, по европейским меркам, физико-географических рубежей, их повышенную социальную и культурную барьерность.

Таким образом, выдвинутая в начале работы гипотеза о возможном совпадении границ сетки физико-географического районирования с этнокультурным каркасом территории Индии в целом оправдалась. При сопоставлении карты физико-географического районирования Индии и карт этнического, кастового и конфессионального состава населения в ряде случаев выявлено чрезвычайно сильное совпадение природных и этнокультурных границ. Безусловно, влияние природно-ландшафтных факто-

ров на этнокультурную дифференциацию прослеживается не повсеместно, что может быть объяснено опосредованной ролью природных рубежей и ведущей ролью исторических, политических, социально-экономических процессов, а также миграций населения.

Сопряженный анализ природных и этно- и социокультурных границ, изучение ландшафтных особенностей и истории заселения субконтинента, формирования его этнокультурной мозаики позволили выявить основные природные факторы, оказывающие определенное влияние на этнокультурную дифференциацию. К ним относятся:

- 1) наличие значимых морфоструктурных рубежей;
- 2) литологическое строение территории, определяющее характер поверхностных отложений и плодородие почв;
- 3) климатические условия (этот фактор на равнинах проявляется опосредованно, через агроклиматический потенциал территории);
- 4) наличие крупных речных бассейнов.

На основании полученных результатов можно сделать вывод о том, что в аграрных обществах ландшафтная дифференциация территории может рассматриваться как важное материальное основание этнокультурных различий. Таким образом, ландшафтно-географические закономерности оказывают существенное влияние на территориальную дифференциацию общественных процессов и явлений, в том числе расселение этносов, территориальные формы социальной (кастовой) структуры и более опосредованно – на конфессиональную структуру общества.

Литература

Алаев Л.Б., Загородникова Т.Н. Кастовый состав населения Индии // Восток, 1993, № 1. С. 121–130.

Алексеева Н.Н. Историко-культурные аспекты региональных геоэкологических исследований // Географическое образование и наука в России: история и современное состояние. Материалы межд. научно-практ. конф., посвященной 90-летию создания Географического ин-та в Петрограде и 90-летию отечественного высшего геогр. образования. СПб., 2010. С. 613–620.

Алексеева Н.Н. Индия узнаваемая и непостижимая. М., 2008.

Арутюнов С.А. Введение // Этногенез и этническая история народов Южной Азии. Отв. ред. С.А. Арутюнов. М., 1994.

Ефремова И.А. Каста и территория: рубежи социокультурных районов // Восток, 1993, № 1. С. 130–137.

Индия. Страна и ее регионы. Под ред. Е.Ю. Ваниной. М., 2000.

Исаченко А.Г. Проблемы взаимоотношения природных и общественных территориальных систем // Изв. РГО. 2004, т. 136, вып. 1. С. 3–15.

Исаченко А.Г. Ландшафтная структура Земли, расселение, природопользование. СПб., 2008.

Кришюнас В.-Л.Р. Географические аспекты развития капитализма в Индии. Автореф. на соиск. уч. ст. кандидата геогр. наук. М., 1988

Козлов В.И. Основные проблемы этнической экологии // Советская этнография, 1983, № 1, с. 3–16.

Куценков А.А. Индия: Традиционный и социально-культурный комплекс и политика // Восток, 2002, № 2.

Снейт О.Х.К. Индия и Пакистан. М., 1957.

Historical Atlas of India. Chicago and London, 1978.

Physiographic Map // National Atlas of India. Calcutta, 1964.

ArcAtlas Our Earth. Доступно: http://gcmd.nasa.gov/records/GCMD_ESRI_Arc_Atlas.html

Запретные территории и природные культовые объекты кочевников Центральной Азии в свете современной экологии

В ряде мест земного шара среди коренного населения до сих пор сохраняются традиции одухотворения среды обитания. Где-то они составляют неотъемлемую часть духовной культуры народа, а где-то пребывают в латентном состоянии и, не будучи востребованными в современных социально-экономических условиях, быстро угасают по мере ухода из жизни их носителей. Желание специалистов по охране природного и культурного наследия поставить себе на службу эти древние традиции вполне закономерно. Однако прежде чем выдвигать конкретные предложения и программы, крайне необходимо ясно представлять себе, насколько тот или иной природо- или культуро-сберегающий обычай сохраняет свою жизнеспособность и, вообще, адекватен ли он тем задачам, которые мы перед собой ставим, так как не всё, что кажется в традиционных культурах «экологичным», является таковым на самом деле.

В настоящей статье пойдет речь о сопоставимости сакральных и запретных ландшафтных объектов различного ранга, известных в кочевом мире Центральной Азии, с современными категориями особо охраняемых природных территорий. Соблазн такого уподобления велик, поскольку оно дает, казалось бы, мощный инструмент в руки практика, занимающегося сбережением и возрождением природно-культурной среды обитания коренных этносов центрально-азиатского региона. Вместе с тем, односторонний анализ (чисто гуманитарный или чисто естественнонаучный) может привести к ошибочным заключениям. Именно здесь особенно важен комплексный подход, позволяющий рассмотреть изучаемый объект или явление с разных сторон и в структурно-функциональной связи с другими объектами и явлениями.

Примером удачного сочетания методов может служить труд С.-Х.Д. Сыртыповой (2007), посвященный культовым объектам Забайкалья. Автор неоднократно подчеркивает, что здесь трудно проследить грань между памятником природы и памятником культуры, и предлагает выделять особый вид памятников истории и культуры кочевников Центральной Азии – антропогеографические объекты по следующим критериям: а) высокое социальное значение, б) неразрывная связь с природой, в) сочетание свойств мемориала и реликвария. При этом

трудно не согласиться с С.-Х.Д. Сыртыповой в том, что «объект, обладающий культурной ценностью, может быть полноценно сохранен только при условии сохранения среды, в которой он функционирует» (Сыртыпова, 2007, с. 25). Действительно, будучи вырванным из веками складывавшегося природного, а в равной мере и культурного контекста, такой объект превращается, по существу, в музейный экспонат под открытым небом, и это еще далеко не самая худшая участь, которая может его ожидать в наш век стремительных перемен.

1. Священные скалы, деревья (шаманские, «матери-деревья»), озера, реки, урочища и прочее – памятники природы.

Отличающиеся живописностью скалы, отдельно стоящие вершины и одинокие старые деревья, огромные валуны, пещеры и т.д. издревле привлекали внимание людей и нередко обожествлялись. В XX в. многие объекты такого рода брались под охрану государства в качестве памятников природы как в азиатской части России, так и в Монголии. Некоторые вертикальные природные объекты ассоциировались с «Мировой осью», а пещеры считались прообразом материнского лона. Традиция приписывает пещерам способность наделять людей потомством, поэтому их посещают бездетные женщины в надежде родить ребенка. Считается, что некоторые пещеры могут магическим образом «обновлять» побывавшего в них человека, и их посещение приравнивается к новому рождению. Автору довелось близко соприкоснуться с этой традицией в сакральном ансамбле монастыря Тувхэн-хийд на границе Архангайского и Увурхангайского аймаков (областей) Монголии, основанного знаменитым монгольским религиозным деятелем Занабазаром (Ундур-гэгэном), жившим в XVII в. Пещера носит характерное название «Материнское чрево» и представляет собой довольно узкий каменный лаз длиной около трех метров, идущий под наклоном и заканчивающийся крохотной камерой. Полагается снять верхнюю одежду и обувь, влезть в этот лаз головой вперед, развернуться в камере (мужчинам – по часовой стрелке, женщинам – против) и выбраться оттуда опять же вперед головой. Сделать это не очень просто. При появлении из «чрева» обычай предписывает кричать подобно новорожденному, а затем еще постоять минутку в расщелине скалы, после чего можно обуваться. Наконец, человек должен спуститься к другой, существенно более просторной сквозной пещере, расположенной непо-

средственно под первой, и совершить ритуальный обход находящегося там небольшого обо¹.

Дерево в традиционной картине мира выполняло роль оси, связывающей три мира – Верхний, населенный божествами, Средний – мир людей и Нижний, где обитают духи, по преимуществу враждебные человеку. Во время камланий шаман пользовался им как лестницей для перехода из одного мира в другой. Иррациональные воззрения дополнялись наблюдениями в природе, накапливались эмпирические знания о роли деревьев в окружающем реальном пространстве. Засушливые территории Центральной Азии в целом мало подходят для жизни древесных растений. Причем во многих случаях лес, утратив однажды свои позиции из-за вырубki, пожара или по другим причинам, может уже не восстановиться на этом месте никогда. Поэтому бережное, подчас мистическое, отношение к деревьям, бытовавшее в Монголии, Бурятии, Туве, Тибете, на Алтае, представляется далеко не случайным. Оно оформилось в виде ряда этических установок и запретов; у разных народов сложился культ священных деревьев. Так, у тувинцев священные деревья «... встречались среди лиственниц и кедров, реже – среди елей и сосен. В основном они считались шаманскими. Каждое священное дерево имело своего духа-хозяина, который давал человеку дар шаманства или был одним из духов-помощников шамана. ... У тувинцев не разрешалось трогать священное дерево: это могло вызвать недовольство его хозяина. Не разрешалось с дерева обламывать ветки, верили, что человек, тронувший или сломавший с него ветку, должен обязательно заболеть, в худшем случае – умереть. Если шаманское дерево погибало, это означало, что его покинул хозяин» (Хомушку, 1998, с. 18–19). Тувинцы поклонялись деревьям «с одним корнем» (*тел ыяш дагыыры*), чтобы корень рода был таким же крепким, как у этих деревьев (Кыныраа, 1997, с. 281).

По мнению известного монголоведа Т.Д. Скрынниковой, «способность дерева быть вместилищем сакральности определяет его функции: из него делают священные предметы – древко знамени, сэргэ (коновязь), онгоны², причем чаще из деревьев определенных пород и из определенных мест» (Скрынникова, 1997, с. 176). Этим же особым свойством деревьев может объясняться их упоминание в «Сокровенном

¹ Обо – сложенная куча камней, у которой чествуют духов.

² Онгоны – антропоморфные фигуры, олицетворяющие духов предков.

сказании монголов» (Козин, 1941) в связи с важными событиями, такими как ритуальные пляски под «развесистым деревом» по случаю возведения на хаганский престол Хутулы (§ 57) или побратимства Тэмучжина и Чжамухи (§ 117), *тайлгана* (собрания) тайчжиутов в лесу на берегу Онона (§ 81), возведение Чжамухи в Гур-ханы на покрытой лесом горе (§ 141). Деревья спасают Тэмучжина от меркитов на горе Бурхан-Халдун и от тайчжиутов на горе Тэргунэ. Согласно Т.Д. Скрынниковой, эти горы, а также Хорхонах-джубур у истоков реки Онон организовывали пространство, где обитали племена, из которых сформировался монгольский этнос (Скрынникова, 1997, с. 90).

Отмеченная исследователем связь этих вершин с деревьями и лесом, однако, неудивительна: в Монголии распространение леса почти исключительно сопряжено с горными системами, в том числе с Хэнтээм, где происходили упомянутые события. В более низких местах господствует степь. С экологических позиций интереснее другое: главным объектом возвышенности Хорхонах-джубур в «Сокровенном сказании» является «развесистое дерево», растущее на **южном склоне** (§ 117). Как правило, в Центральной Азии деревья заселяют более влажные и затененные северные, реже восточные и западные склоны гор, тогда как южные безлесны и заняты степью. Если одиночному дереву удастся выжить на южном склоне и дожить до значительного возраста, оно, возможно, будет считаться священным и послужит объектом поклонения и центром при совершении обрядов, что и произошло, по-видимому, в Хорхонах-джубуре. Кроме того, данное дерево только потому и могло стать развесистым, что не имело затеняющих его соседей, как это обычно бывает в лесу, и потому росло больше «в сучья», чем в высоту.

И в наши дни, как прежде, в Монголии почитаются одиноко стоящие, очень старые деревья, а также растущие у перевалов. На них повязывают ритуальные шарфы – *хадаки*, иногда в очень большом количестве, всовывают в трещины коры спички, купюры, отпечатанные на листочках бумаги молитвы и сооружают под ними *обо*. Даже гибель дерева не препятствует его почитанию. Например, священное дерево близ сомонного (районного) центра Шамар Селенгинского аймака, которое автор обследовал в 2000 г., представляло собой достаточно давно засохшую сосну, с которой уже осыпалась вся кора. Ее возраст был не менее 200 лет, высота 18,5 м, обхват ствола на высоте груди – 270 см. Корни выступали из песчаного грунта более чем на полметра,

каждый из них был обвит толстым слоем хадаков. На нижних сучьях висели автомобильные баранки в качестве подношений, а перед стволом для подношений был устроен столик. Среди даров обычны конфеты, деньги, просо, стояли также рюмки с водкой. Сосна была окружена низкорослыми вязами, тоже увешанными хадаками. Под одним из вязов люди оставляли костыли, вероятно, в благодарность за исцеление. Со стороны дороги находятся ворота с распространенной буддийской символикой: Колесом Закона над перекладной и обращенной к нему парой ланей (считается, что первыми слушателями проповеди Будды после обретения им просветления были две лани). Это лишний раз подтверждает практику ламаизации древних культов, дошедшую до наших дней. Своеобразно отразилась на этом святилище современность – близ него установлен щит с монгольской надписью «Бросать мусор запрещено». Сосна называется «мать-дерево» и почитается не только местными монголами, но и бурятами из России. К 2005 г. она уже рухнула, но место не утратило своей сакральности и, более того, было значительно благоустроено для удобства паломников.

В Архангайском аймаке Монголии возле реки Чулуут растет необычная лиственница, получившая название «Дерево-шаманка», или лиственница «с сотней стволов». Это дерево, действительно, столь многоствольно, что больше напоминает огромный куст. Часть стволов уже засохла, другие еще зеленеют. Как и прочие удивительные природные объекты, оно пользуется у монголов почитанием и поэтому не только застраховано от рубки, но и сакрализует окружающее пространство – сильно разреженный старовозрастный лиственничный лес, который, возможно, в противном случае пострадал бы от топора, ибо он очень легко доступен. Вокруг дерева сделана деревянная ограда; имеется табличка, призывающая сохранить природу девственной и передать ее будущим поколениям. Но с экологической точки зрения самое интересное не это. Поблизости сложно обо, и прямо в нем среди камней живут суслики, почти не боящиеся людей. Они питаются тем, что люди кладут на обо, в том числе даже конфетами, забавно удерживая их передними лапами. Едва ли кто-нибудь из монголов додумался бы причинить им какой-либо вред. Так народная традиция способствует сохранению живой природы.

Экологическое значение священных деревьев двоякое. Во-первых, оно раскрывается исходя из особенностей их физиологии, позволяющей им выживать в крайне неблагоприятных условиях среды. Такие деревья,

веками растущие при хроническом недостатке влаги и элементов минерального питания, на сильных ветрах, жестоких морозах и т.д., очевидно, должны отличаться генетически от своих сородичей и, следовательно, передавать потомству эти важные приспособительные качества. К сожалению, нам неизвестны какие-либо исследования священных деревьев биологическими методами, хотя такие работы представляются весьма многообещающими и важными для перспектив лесоразведения в Центральной Азии.

Во-вторых, они представляют собой «заповедники в миниатюре»: сохраняясь благодаря своей сакральности сами, такие деревья дают убежище сотням и тысячам живых существ: млекопитающим, птицам, насекомым, грибам, лишайникам и т.д. Говоря на языке экологии, дерево представляет собой ядро так называемой консорции – структурной единицы биоценоза, состоящей из центрального члена и различных функционально связанных с ним организмов. Даже погибнув, дерево продолжает давать убежище разнообразной флоре и фауне. Не случайно в лесоводстве развитых стран оставляют на корню некоторое количество корявых и засохших деревьев – согласно научным изысканиям, они способствуют поддержанию в лесах биологического разнообразия и тем самым повышают устойчивость лесных экосистем к неблагоприятным воздействиям. Поэтому есть основания думать, что и сакральные деревья Центральной Азии могут выполнять аналогичную роль. Следовательно, мы можем смело провести параллель между ними и современными памятниками природы как одной из форм заповедования. Согласно методическим рекомендациям по выявлению и организации охраны памятников природы, в категорию ботанических памятников могут быть включены «растения-долгожители, растения причудливых форм, экзоты, единичные экземпляры реликтов; деревья историко-мемориального значения» (Выявление, учет памятников природы ..., 1985, с. 10). Представляется, что священные шаманские деревья вполне удовлетворяют требованиям инструкции, в том числе и в смысле историко-мемориального значения.

2. Организовывавшиеся кочевой знатью заповедники-куруки для проведения охот – охотничьи заказники.

Одними из первых в нашей стране обычай монголов и тюрков создавать *куруки* исследовали В.В. Бартольд и Б.Я. Владимирцов. Рассматривая вопрос традиционного монгольского землевладения, Б.Я. Владимирцов кратко затронул тему запретных земель: «Затем

монгольский кочевой сеньор мог по своему желанию объявлять “заповедными” определенные участки своего нутука³, создавать так наз. “запретные места” (хогиг), которые отводились под кладбища лиц ханского рода или предназначались для господской охоты. На подобные “запретные места”, как это явствует из наименования, конечно, никто из посторонних не допускался совершенно. Нужно отметить, что древнемонгольские вожди, хааны, имели уже иногда подобные “заповедники» (Владимирцов, 1934, с. 112). В цитате указаны две важнейшие функции куруков, однако этим их значение далеко не исчерпывается (подробнее об этом см.: Drobyshev, 2004; Дробышев, 2005).

Самым известным на сегодняшний день предназначением заповедников было резервирование земель для царских охот. Охота всегда служила любимым развлечением правителей древности и средневековья. Для степного нобилитета она имела еще одно принципиально важное значение – тренировку воинов, так как правила облавных охот применялись также и в военных походах. Характерные черты заповедных охотничьих территорий правителей Центральной и Средней Азии суммированы П.К. Симаковым: право охотиться в них хана и его окружения наряду с запретом нахождения там посторонних лиц; наличие охраны и иногда маркировка границ канавами, посадками камыша и др.; право пересекать эти земли лишь гонцам с важными государственными сообщениями; приравнивание охотничьих куруков по их значению к таким хозяйственно или ритуально важным территориям, как лучшие пастбищные угодья и места захоронения лиц ханского происхождения (Симаков, 1998, с. 143–144).

Организация заповедников отличалась у кочевых и оседлых народов. Кочевники не прилагали особых сил к обустройству запретных территорий. По-видимому, максимум из того, что они делали, это обносили их земляной стеной или деревянной изгородью. Народы, изначально ведущие оседлый образ жизни, вкладывали в заповедники больше труда.

В охотничьих заповедниках, по-видимому, осуществлялась достаточно хорошая регуляция обилия дичи. Во-первых, охота в них была ограничена определенным кругом лиц. Если зверя там добывал посторонний человек, его наказывали. Например, согласно монгольскому «Великому уложению» 1640 г., «Если кто убьет антилопу в княжеском заповеднике, то взять с него девяток с верблюдом. Но если он не знал, [что это княжеский запо-

³ Нутук – территория кочевья.

ведник], то вины нет» (Их цааз ..., 1981, с. 17). Один девяток состоял из четырех голов крупного скота и пяти мелкого и служил в старой Монголии единицей штрафа. Во-вторых, соблюдались перерывы, в течение которых животные могли размножиться, не тревожимые людьми. В-третьих, кажется очень вероятным, что охота там не превращалась в бойню – владец *курука* вряд ли был в этом заинтересован. На этом основании напрашивается аналогия с современными охотничьими заказниками, где, в отличие от настоящих заповедников, животные охраняются не как эталон дикой природы, а как резерв охотресурсов.

По понятным причинам, к настоящему времени не сохранилось ни одного охотничье-промыслового *курука*, и экологический эффект этого феномена культуры Центральной Азии можно оценивать лишь косвенно.

3. Священные горы, долины и т.д., связанные с легендами о возникновении рода и маркирующие родовые территории; земли, на которых происходили реальные или мифические события в истории рода, этноса – заповедники либо национальные парки.

Как известно, между национальными парками и заповедниками разница в том, могли ли люди входить на их территорию в любое время и свободно там перемещаться, или нет. Однако эти две категории земель целесообразнее рассматривать вместе.

В Центральной Азии много священных гор. Некоторые из них могли когда-то считаться родовыми, другие приобретали сакральный статус благодаря своему величественному или необычному облику. Этот статус избавлял природу священных гор от вмешательства человека: там запрещалась охота, рубка леса, добыча полезных ископаемых, а порой даже простое нахождение там людей. Родовые горы посещались только по определенным дням, когда совершался специальный поминальный ритуал, причем поведение людей на родовой горе подчинялось строгому регламенту, от которого не допускались никакие отступления или нарушения не только по отношению к духу-«хозяину» горы, но и к флоре и фауне этих мест (Потапов, 1991, с. 96).

Для Монголии самым прославленным в истории является Бурхан-Халдун – горный хребет в верховьях рек Онон, Керулен, Тола и Тунгелик в Северо-восточном Хэнтэе. Бурхан-Халдун тесно связан с именем Чингис-хана. В первом памятнике средневековой монгольской историографии «Сокровенное сказание монголов» говорится, что туда прикочевали предки Чингис-хана Бортэ-Чино и Гоа-Марал. Эти места сла-

вились хорошими звероловлями и прекрасными землями. Здесь происходило много событий в жизни этого тогда еще юного великого монгола, и здесь же, по-видимому, он нашел последний приют. Теперь Бурхан-Халдун включен в состав обширной заповедной территории «Хан-Хэнтэй». Однако ниже мы поговорим о другой горе, менее знаменитой, но гораздо более доступной и изученной, а именно о Богдо-уле.

Богдо-ула – относительно небольшой изолированный горный массив, представляющий собой южный отрог Бага-Хэнтэя протяженностью с запада на восток 90 км, а с севера на юг – 54 км. Наивысшая точка – г. Цэцэ-гун – поднимается на 2268 м над уровнем моря и примерно на 1000 м над монгольской столицей. Ее вершина безлесна. Горно-лесной пояс занимает высоты 1500-2000 м и слагается, главным образом, лиственницей и кедром. Всего в растительном покрове Богдо-улы насчитывается 579 видов высших растений, а ее животное население представлено 169 видами (Гунин, Востокова, Матюшкин, 1998, с. 87). По богатству и разнообразию флоры и фауны Богдо-ула резко выделяется на окружающем фоне, а сам факт сохранения этого богатейшего природного наследия в непосредственной близости от столицы говорит об особой роли, которую она в течение многих лет играла в жизни монгольского общества.

Исследователи считают, что впервые гора была объявлена запретной правителем племени керейтов Ван-ханом Тоорилом в XII в. Сначала она носила имя Хан-уул, т.е. «Хан-гора». Эпитет «Богд» («Святая») был ей присвоен в 1691 г. из-за того, что ей как святыне поклонялся I Джебцзун-дамба-хутухта Ундур-гэгэн. Все последующие Джебцзун-дамба-хутухты, считающиеся перерожденцами знаменитого тибетского историка и религиозного деятеля Таранатхи и игравшие роль духовных патриархов Монголии, также поклонялись Богдо-уле (М нхжаргал, 1992, с. 13). Как известно, в период распространения в Монголии буддизма прежние места поклонений и освященные традицией природные объекты активно включались им в свою культовую практику. Богдо-ула также не могла избежать ламаизации, и всем стало известно «подлинное» имя ее божества-хранителя – Хан-Гаруди, т.е. заимствованного из индийской мифологии царя птиц (Жуковская, 1978, с. 32).

Ургинский сановник Юндэндорж подал прошение маньчжурскому императору Цянь Луну санкционировать заповедный режим Богдо-улы, и на 43-м году своего правления (1778 г.) последний удовлетворил эту

просьбу: гора официально обрела статус заповедника, и всякое природопользование на ней было запрещено. Запрет, по свидетельству русских путешественников XIX – начала XX вв., строго соблюдался. Проезжая в 1808 г. через Ургу, глава русской духовной миссии Софроний Грибовский обратил внимание на богатые лесные угодья Богдо-улы, которые никак не используются благодаря строгому запрету на вырубку даже «одного прутика». Егеря появились у подножия священной горы в 1809 г. (Хаянхярваа, 1992, с. 2).

Очевидно, светское заповедывание дополняло издревле окружающий Богдо-улу в глазах монголов ореол святости и суеверного страха, отчего мало кто покушался на ее природные богатства. Случайно или нет, эта гора, являющаяся местом настоящего «сгущения жизни» (термин В.И. Вернадского) среди монгольских степей, оказалась вовлечена в орбиту общемонгольского культа Чингис-хана. Монголы раньше, по крайней мере, еще в начале XX в., отождествляли Богдо-улу с Бурхан-Халдуном, о котором говорилось выше. Эпизод бегства Тэмучжина от врагов на Бурхан-Халдун был экстраполирован на Богдо-улу. Поэтому у населения Урги и окрестностей сложился культ последней, заключающийся в принесении ей кровавых жертв, в чем знаменитый русский путешественник, исследователь Центральной Азии П.К. Козлов видел «полную аналогию» с поклонением Бурхан-Халдуну, завещанным Чингис-ханом своим потомкам (Козлов, 1924, с. 172–173).

Таким образом, Богдо-ула, пусть ошибочно, оказалась соединена в сознании монголов с образом Чингис-хана, что должно было гарантировать ей едва ли не полную неприкосновенность. Добыча строевого леса и дров для монастырей и дворца Богдо-гэгэна у подножия горы, впрочем, производилась, но это было исключение. «Если бы не запрет, – писал П.К. Козлов, – несомненно, в кратчайший срок, в виду неблагоприятной для леса близости к городу, он был бы вырублен полностью, ибо в дальнейшем протяжении хребта на запад, не включаемом в священную область, древесной растительности нет и следа; к востоку же она сохранилась лишь по малодоступным вершинам и скалистым обрывам» (Козлов, 1924, с. 171).

Научное изучение горы началось достаточно поздно. В 1947 г. В. Сколон и Б. Ширэндэв, обследовав Богдо-улу, пришли к заключению, что за годы народной власти там произошли большие изменения. Достаточно сказать, что за 1944–1946 гг. на Богдо-уле было вырублено более

250 тыс. м³ древесины на дрова и заготовлено почти 174 тыс. бревен для строительства. Это в 3-4 раза превышало естественный прирост и, если бы рубки продолжались в таком объеме, через 20-30 лет Богдо-ула лишилась бы своего зеленого убранства. Велась в те годы и добыча кедровых орешков. По подсчетам авторов, 38% кедров имели израненные заготовителями стволы.

В 1965 г. здесь был организован биосферный заповедник площадью 41,5 тыс. га, но негативные тенденции еще давали о себе знать. Вследствие притока отдыхающих серьезные изменения претерпел растительный покров. Полагали, что для его восстановления потребуется не менее 15-20 лет. Гора покрывалась сетью тропинок и грунтовых дорог, через нее протянулась линия электропередачи, была построена обсерватория, санаторно-курортные комплексы. Богдо-ула не раз затрагивалась постановлениями Правительства. Систематически налагался запрет на рубку леса на ее склонах, но на практике не всегда выдерживался. Предписывалось восстановить исторические места на Богдо-уле, проложить туристические маршруты, убрать санатории и дачи, вести посадку деревьев, развернуть реинтродукцию диких животных, расширить научные исследования (Хаянхярваа, 1992, с. 3–6). Часть этих предписаний была выполнена, другая часть еще ждет своего осуществления.

Таким образом, заповедный режим Богдо-улы поддерживается свыше семи веков с большей или меньшей эффективностью, несмотря на политические изменения в стране. Ослабление заповедного режима в 1940-х гг., повлекшее рубку леса и ряд других негативных явлений, которые были немыслимыми в прежние годы, могло являться следствием массовых репрессий против ламства, развернувшихся в конце 1930-х гг. и окончившихся практически полной его ликвидацией как социального слоя. Ламы во главе с Джебцзун-дамба-хутухтой строго следили за неприкосновенностью Богдо-улы, ритуальная чистота которой была им необходима для совершения на ней обрядов.

Прежде Богдо-ула имела статус национального парка, теперь – заповедника. В последние годы, однако, она все шире вовлекается в природопользование, а также испытывает негативные техногенные воздействия со стороны Улан-Батора и Налайха. Проволочная ограда заповедника практически исчезла; в урочище Зайсан, являющимся главным входом на его территорию со стороны Улан-Батора, уже не видны егеря, прежде следившие за порядком. На склонах горы появляются новые кемпинги.

Наконец, в 2009 г. там был открыт горнолыжный курорт. В кедровых лесах Богдо-улы столичные жители промышляют кедровые орешки, хорошие урожаи которых вызревают раз в 3-4 года. Чтобы добыть шишки, применяют длинные шесты с петлей на конце и работают ими, забравшись высоко на дерево. Другой, менее рискованный способ – нанесение ударов по стволу кедра специальным приспособлением, известным также промысловикам Сибири, так называемым колотом, состоящим из короткого, но массивного обрезка бревна и двух прикрепленных к нему относительно длинных деревянных рукоятей. Обычно с колотом управляют двое мужчин, а женщины и дети собирают упавшие шишки. С той же целью иногда в ствол бросают тяжелые камни. Из-за ударов кора повреждается и отслаивается, образуются обширные смолоточащие раны. Кедры с неповрежденной корой на плато Зуунширээ и Баруунширээ (т.е. Восточном и Западном), где, в основном, происходит заготовка орешков, встретить почти невозможно. Часть заготовителей живет на Богдо-уле в течение нескольких дней и ночует в шалашах, сооруженных из сучьев и веток. Понятно, что изложенное несовместимо с заповедным режимом, но ситуация на Богдо-уле, тревожная сама по себе, ярко высвечивает гораздо более серьезную опасность для природы Монголии – стремительно нарастающую в рыночных условиях десакрализацию некогда священных природных объектов, в числе которых на одном из первых мест всегда стояли именно горные вершины.

С оформлением культа почитания духа (*онгона*) Чингис-хана, для обозначения сакральных объектов было введено понятие *дархан*, семантически более близкое к понятию заповедания. Появилась особая социальная прослойка – *дархаты*, служители государственных культов с наследственно передаваемой традицией, а сами объекты получили привилегированный статус *дарханов*. Сакрализованные территории стали называться *дархан цаазат газар* – заповедные земли.

Памятниками истории, связанными с Чингис-ханом и зарождением монгольской государственности, особенно богат Хэнтэйский аймак. Считается, что «Потрясатель Вселенной» родился здесь, в местечке Гурван нур на границе с Читинской областью. Там в 1961 г. был установлен монумент с памятной надписью. Неподалеку бьет источник, из которого якобы пил Чингис-хан. Пользуются известностью Хух нур – место провозглашения Тэмучжина Чингис-ханом и Ходоо Арал – широкая долина, где Чингис-хан собирал войско. Хотя эти места «освящены»

личностью великого объединителя Монголии, их трудно назвать сакральными в полном смысле слова, и они вовлечены в природопользование.

Интересно, что природные объекты Монголии порой даже награждались княжескими титулами. Такой высокой чести удостоилась река Орхон, «помогшая» в 1732 г. расправиться с ворвавшимися в Халху ойратскими войсками неподалеку от знаменитого буддийского монастыря Эрдэни-дзу. Предание гласит, что когда враги дошли до Эрдэни-дзу, статуя божества-хранителя монастыря наклонилась и двинулась вперед, а каменные львы, стоявшие у входа, залаяли. Перепуганные ойраты повернули обратно и в панике утонули в Орхоне, который протекает поблизости. По указу Цинского двора (Монголия в те годы входила в состав империи Цин) река получила княжеский титул пятой степени – *тушэ-зун* (История Эрдэни-дзу ..., 1999, с. 75, 136). В 2004 г. богатая памятниками истории и культуры долина Орхона с примыкающими к ней землями площадью около 150 тыс. гектаров была включена в Список объектов природного и культурного наследия ЮНЕСКО (Urtnasan, 2009). Здесь интенсивно развивается туризм, в том числе международный, продолжаются археологические и другие исследования.

4. Родовые территории в целом, со всеми структурно-функциональными компонентами, такими как сакральный центр (обычно священная гора или ее аналог), территориями интенсивного природопользования (пастбища, охотничьи угодья, места добычи сырья, строительного материала), постоянными или временными поселениями с жилыми и хозяйственными постройками, загонами для скота, ритуально нечистыми местами и прочее – территории традиционного природопользования или биосферные резерваты.

Данный тезис вряд ли нуждается в пространственных комментариях или конкретных примерах, поскольку практически вся хозяйственная деятельность людей в Центральной Азии в течение многих веков осуществлялась в русле традиции. Здесь лишь необходимо подчеркнуть, что традиционное природопользование характеризуется достаточно жестким, стереотипным воспроизведением унаследованных от предков приемов и способов эксплуатации природных ресурсов. Эти приемы в большинстве своем были за века хорошо адаптированы к имеющимся природно-климатическим условиям и давали возможность удовлетворять потребности людей с минимальным ущербом для окружающей

среды. Всякого рода «экспериментирование» над природой исключалось. Тесная и сбалансированная взаимосвязь людей, их скота, отчасти окультуренной и дикой природы позволяет квалифицировать родовую территорию как своеобразную экологическую систему, способную существовать в гомеостатическом состоянии, пока не вмешается какой-либо мощный внешний фактор.

5. Коллекции «диких растений» – ботанические сады и дендрарии.

Для кочевого мира увлечение людей посадкой растений далеко нехарактерно. Тем не менее, в некоторых случаях правители кочевников перенимали опыт оседлых цивилизаций, когда им самим приходилось возглавлять захваченные государства, как это имело место в XIII–XIV вв. Например, основатель династии Юань хаган Хубилай создал в своей столице Ханбалыке прообраз дендрария. Вот как его описывает Марко Поло: «От дворца на север, скажу вам, на один выстрел из лука великий хан приказал устроить холм. Холм в высоту сто шагов, а в округе тысячу; весь он покрыт деревьями; они всегда в зелени, никогда не бывают без листьев. Когда кто великому хану расскажет о каком-нибудь красивом дереве, он приказывает вырыть то дерево с корнями и с землей и на слонах привезти к тому холму; как бы велико ни было дерево, его привозят, и самые красивые в свете дерева тут» (Книга Марко Поло ..., 1997, с. 251). Удивляет грамотность отдаваемых Хубилаем приказов, чтобы деревья выкапывали вместе с землей – так они приживаются на новом месте гораздо легче. От современных дендрариев средневековые отличались прежде всего тем, что предназначались для наслаждения взоров монарших особ и не преследовали познавательные и, тем более, научные цели.

6. Источники (аршаны) и окружающая их местность, издавна используемые в оздоровительных целях – курорты и оздоровительные территории.

Кочевники пользовались силами природы для исцеления от различных недугов. Очень популярным было и по сей день остается посещение минеральных и термальных источников. Интересно отметить следующую особенность лечения на этих водах: как правило, лечебными свойствами обладает не только вода из *аршана*, но и близлежащая территория с находящимися на ней камнями, скалами, деревьями и пр., которые также используются в целях оздоровления.

Рассмотрим это на примере *аршанов* на реке Хануй-гол в Булганском аймаке. Там существует известный курорт, куда люди съезжают порой издалека. В этом месте вода просачивается из крутых склонов каньона, промытого рекой в вулканических породах. Всего здесь насчитывается около 30-ти источников, каждый из которых, по поверьям монголов, помогает при болезнях того или иного органа: сердца, желудка, печени и т.д. На близлежащих камнях краской написано, какого именно. Чаще всего, воду просто зачерпывают кружкой и пьют. В других случаях проделывают более сложные процедуры. Например, у *аршана* «ухо» лежит большой валун с маленьким отверстием, в котором скапливается вода. Люди окунают туда стебель травы и смачивают им себе ухо. Возле другого *аршана* на больших камнях, отдаленно напоминающих кресла, полулежат люди с большой спиной. Нервы лечат, стоя по щиколотку в ледяной воде, вытекающей из одного из источников. В другом месте мажут себе лицо грязью. Для исцеления глаз умывают их водой из *аршана* «глаз», а зубы укрепляют полосканием из *аршана* «зуб», причем воду потом выплевывают. Есть источник, в котором набирают воду в бутылку, ложатся животом на особый камень, а другой человек поливает из этой бутылки лежащему на голову. Пройдя по очереди все *аршаны* (это порядка километра), в последнем берут воду с собой. Подле некоторых *аршанов* на кустах ивняка висят гирлянды бараньих лопаток, иногда с надписями по-тибетски.

Вода во всех этих источниках пресная и на вкус не различается. Учитывая характер геологического строения данной местности, есть все основания предполагать абсолютно идентичный ее состав, тем более что *аршаны* располагаются иногда лишь в нескольких метрах друг от друга. Однако, по-видимому, сила самовнушения на самом деле позволяет страждущим исцелить именно тот орган, на исцеление которого они надеются, в чем и состоит глубокая мудрость такого наивного, на первый взгляд, метода лечения. Как давно используются источники на Хануй-голе, сказать сложно, но вполне можно полагать, что народная традиция уже многие десятилетия, а то и века, приписывает им целебные свойства, и уже в наше время здесь официально функционирует курорт – неподалеку от каньона реки построены деревянные дома для отдыхающих.

В Монголии и Бурятии есть много целебных источников, одни из которых холодные, другие – горячие. В Баянхонгорском аймаке есть да-

же «долина гейзеров» – Шаргал джуут. Каждый гейзер имеет форму того органа, который он, как считается, излечивает.

* * *

Подведем некоторые итоги. Ритуальное поведение людей при посещении святилищ не только не допускает какого бы то ни было использования природных ресурсов в районе сакрального объекта или в сакральной местности, но также предписывает соблюдение определенных правил: соблюдать тишину, не мусорить, не брать оттуда ничего, кроме весьма ограниченного круга разрешенных предметов (например, воду из священного источника), не перемещать и, тем более, не раскалывать камни, не рвать траву, не валить деревья, не пугать диких животных и т.д. По наблюдениям В.Л. Огудина, поддержание чистоты и целостности экосистем в местах поклонения создает оптимальные условия для сохранения и даже увеличения численности редких видов животных. Так, в Южной Фергане им зафиксированы популяции редких птиц – райских мухоловок (*Terpsiphone paradisi*) в небольшом горном оазисе Гузал-Ата, сохраняемом верующими, и лилового дрозда (*Myophonus caeruleus*) в гротах почитаемого водопада Обишир. В Туве вследствие возрождения родовых святынь и, соответственно, запрета на охоту, восстановилась популяция горных козлов (*Capra sibirica*) в окрестностях священной горы рода Кыргыз Ак-Кайыркан и колония редких серых сурков (*Marmota baibacina*) на горе Цаган Тологой, почитаемой родом Соян (Огудин, 2001, с. 36). Вместе с тем, привлекая массы паломников, эти природно-культурные памятники могут деградировать и разрушаться, и об этом не следует забывать.

Сохранение сакральных объектов природы и заповедывание территорий свидетельствует в пользу «экофильности» традиционной культуры кочевников Центральной Азии, не угасшей до сих пор. Однако это не та бескорыстная «экофильность», которую демонстрируют сегодня активисты природоохранного движения на Западе – искренние борцы за права дикой природы. Важно учитывать, что, как и сама кочевая культура, обычай сакрализации окружающего пространства является одним из адаптационных механизмов, позволяющих людям выживать в весьма сложных природно-климатических условиях и эксплуатировать легко ранимые экосистемы степей, не причиняя им большого ущерба. Сеть заповедных гор и урочищ создает «экологический каркас» родовых земель. По мнению ряда ученых, часть сакральных географических объектов занимает узловое положение в ландшафтах в геохимическом и экологическом отноше-

нии. Следовательно, их сбережение имеет принципиальное значение для поддержания экологического равновесия на значительных территориях.

Литература

Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов: Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934.

Выявление, учет памятников природы и содействие организации их охраны (методические рекомендации). Отв. составитель Ю.К. Ефремов. М., 1985.

Гунин П.Д., Востокова Е.А., Матюшкин Е.Н. Охрана экосистем Внутренней Азии. М., 1998.

Дробышев Ю.И. К типологии средневековых заповедников Центральной и Средней Азии // Тюркологический сборник 2003–2004. М., 2005. С. 30–47.

Жуковская Н.Л. Народные верования монголов и буддизм (к вопросу о специфике монгольского ламаизма) // Археология и этнография Монголии. Новосибирск, 1978.

История Эрдэни-дзу. Факсимиле рукописи. Пер., введ. и прилож. А.Д. Цендиной. М., 1999.

Их цааз («Великое уложение»). Памятник монгольского феодального права XVII в. Текст, транслит. и пер. С.Д. Дылыкова. М., 1981.

Книга Марко Поло // Путешествия в восточные страны. М., 1997.

Козин С.А. Сокровенное сказание: Монгольская хроника 1240 г. М.; Л., 1941.

Козлов П.К. Монгольский заповедник Богдо-ула // Известия Русского географического общества. Т. 56. Вып. 1. М., 1924.

Кыньраа М.М. Исследование экологической культуры кочевых народов Центральной Азии // Устойчивое развитие малых народов Центральной Азии и степные экосистемы: Труды Убсунурского симпозиума. Т. 2. Кызыл – Москва, 1997.

Огудин В.Л. Экологическая функция религии // Этнологическое обозрение. 2001. № 1.

Потапов Л.П. Алтайский шаманизм. Л., 1991.

Симаков П.К. Соколиная охота и культ хищных птиц в Средней Азии (ритуальный и практический аспекты). СПб., 1998.

Скрынникова Т.Д. Харизма и власть в эпоху Чингис-хана. М., 1997.

Сыртыпова С.-Х. Святыни кочевников Трансбайкалья (традиционные культовые объекты как памятники истории и культуры). Улан-удэ, 2007.

Хомушку О.М. Религия в истории культуры тувинцев. М., 1998.

Drobyshev Y.I. Nature reserves, kuruk as a phenomenon of the traditional culture of the peoples of Central Asia // IASCCA Information Bulletin. Issue 24. Moscow, 2004. P. 7–31.

Urtnasan N. Orkhon Valley Cultural Landscape (World Heritage). Ulaanbaatar, 2009.

Мөнхжаргал Ц. Дархан цаазат Богд хан уулын орон зайн төлөвдөлт // Дархан цаазат Богд хан уулыг хамгаалах зарим асуудалд. Улаанбаатар, 1992.

Хаянхярваа Ч. Дархан цаазат Богд хан уул // Дархан цаазат Богд хан уулыг хамгаалах зарим асуудалд. Улаанбаатар, 1992.

**О некоторых экологических проблемах,
связанных с демографической нагрузкой в Аджарии**

Состояние окружающей среды вследствие научно-технического прогресса всё более ухудшается по всему земному шару. Развитие производственных сил в большинстве случаев ведет к нерациональному использованию природных ресурсов, что, с экологической точки зрения, почти с каждым днём углубляет противоречия между природой и обществом. Так что, экологическая проблематика никогда не потеряет своей актуальности, наоборот, она всегда будет занимать наиважнейшее место среди глобальных проблем, беспокоящих всю нашу Планету.

Экологическая обстановка в последнее время особенно обострилась и у нас в Грузии, в том числе в Аджарской Автономной Республике, что проявляется в основном в виде активизировавшихся стихийных природных процессов. За последние 25 лет в Аджарии было зафиксировано около 70 разрушительных оползней и селей, принесших огромный материальный и моральный ущерб 180 населенным пунктам. Было разрушено около 1470 домов и 320 инженерно-технических и хозяйственных сооружений, полностью было уничтожено более 6700 га сельскохозяйственных угодий. Из региона в различные уголки Грузии было переселено более 35 тыс. человек. Стихия вывела из строя более 220 км дорог и мостов различных категорий, погибло 130 человек.

Как показывают исследования, развитие гравитационных процессов в Аджарии связано в основном с естественными природными факторами: геологическим строением, сложным характером рельефа и избыточными осадками. Крайне резкое же ухудшение экологической обстановки в большинстве случаев обусловлено антропогенными факторами, в частности, сильной демографической нагрузкой, вызванной нерациональной территориальной организацией населения.

Анализ географии населения в мировом масштабе показывает четкую тенденцию ухудшения экологической обстановки в регионах с высокой плотностью населения. В таких условиях степень демографической нагрузки на природу значительно усиливается, что вместе с воздействием хозяйственной деятельности населения приводит к преобразованию природных комплексов (Алисов, Хорев, 2001, с. 692–693; Комарова, 2003, с. 16–26; Степановских, 2003, с. 92–111).

С точки зрения хозяйственной деятельности и развития демографических процессов, одним из важнейших регионов Грузии является Аджария. Если за период с 1989 по 2009 г. население страны сократилось с 5444 до 4616 тыс. человек (на 15,2%), то население Аджарии сократилось с 392,4 до 382,0 тысяч (на 3,7%). Подобная демографическая обстановка в стране со всеми её региональными особенностями обусловлена в основном снижением естественного прироста населения, развитием миграционных процессов и сложившейся политической ситуацией.

Как известно, важнейшим показателем территориальной организации населения является средняя плотность населения. В Грузии к 2009 г. этот показатель был равен 66,2 чел. на 1 км², тогда как в Аджарии он достиг величины 131,7 чел. на 1 км².

Ещё выше данный показатель в сельских регионах Грузии (280 чел. на 1 км²). В зонах обрабатываемых земель он составляет 708 чел, в высокогорной Аджарии на 1 км² обрабатываемых земель он достигает 1052 человек, а в отдельных сельских посёлках превышает 1300-1400 человек. Если в масштабах страны на одного сельского жителя приходится 1300 кв. м пашни, то в Аджарии этот показатель составляет 505 кв. м. Следует также отметить, что плотность населения высокая и в холмистой зоне равниной Аджарии, хотя, несмотря на избыточные осадки, природных стихийных процессов здесь гораздо меньше, чем в горах.

Как известно, ведущей отраслью народного хозяйства в Аджарии является сельское хозяйство (в высокогорной ее части не менее 75% всей внутренней продукции приходится на продукты сельского хозяйства), характеризующееся, к сожалению, экстенсивной направленностью. В связи с этим, антропогенное воздействие на природную среду слишком сильное. Это обостряет и без того нелёгкую демографическую обстановку, связанную с нерациональным использованием природных ресурсов (Палавандишвили, 2005, с. 166–170; Путкарадзе М., 2000, с. 40–47).

С переходом на рыночную экономику сельское население, с целью увеличения земельных ресурсов стало обрабатывать крутые, подверженные эрозии склоны, полив которых производится неравномерно. Вырубаются леса, по горным склонам проводятся автомобильные и внутрихозяйственные дороги. Для обогрева домов сельское население использует только дрова, и с этой целью ежегодно заготавливается 210-220 тыс. м³ леса (в среднем одна семья использует 5-6 м³ в год).

Лесные ресурсы в Аджарии являются одним из важных компонентов устойчивости природного ландшафта. Фактически в высокогорной Аджарии лесной покров определяет существование населенных пунктов и их географию. Почти каждое село имеет защитный лесной покров, имеющий противозероэрозийное, водоудерживающее, почвозащитное и рекреационное значение (Путкардзе М., 2008, с. 265–268). Повышенные же темпы вырубки леса в ближайшем будущем, видимо, через 20-30 лет, ещё более усугубят экологическую обстановку.

В высокогорной Аджарии практически нет ни одного населённого пункта, которому в той или иной степени не грозила бы опасность стихийного бедствия. Сход оползней различной силы происходит ежегодно почти в каждом из них. Особенно резко ухудшилась экологическая обстановка в тех сельских местностях, где плотность населения слишком высока, и соответственно доля сельскохозяйственных угодий на одного жителя очень низка.

Сильная демографическая нагрузка на сельскохозяйственные угодья сохраняется и в низменной зоне Аджарии, хотя по сравнению с высокогорьем эрозийно-оползневые процессы здесь выражены гораздо меньше. И это совершенно логично: рельеф в основном представлен низменными равнинами и холмами. С другой стороны, пашни здесь занимают весьма незначительную часть сельскохозяйственных угодий и, соответственно, высокая доля сельхозпродукции приходится на многолетние культуры.

Ухудшение экологической обстановки наблюдается в первую очередь в городских поселениях. В Аджарии уровень урбанизации не так высок. К 2009 г. он составлял только 48,2%. Самый большой город здесь Батуми, где проживает 128 тыс. жителей. За последнее время промышленное производство в Аджарии сократилось до минимума. Давно уже не функционируют заводы и фабрики, в том числе несущие большую экологическую опасность (такие предприятия, например, как нефтеперерабатывающий, химический и кофеиновый заводы и др.). Однако увеличилась численность временного населения (в среднем она колеблется в дневные часы с 170 до 180 тыс. человек, а в вечерние часы – с 145 до 150 тыс.).

Немаловажным фактором значительного ухудшения экологической обстановки в городе следует считать и то, что коммунальные службы города не в состоянии обеспечить своевременный вывоз бытовых отходов из отдельных районов города, что имеет место, в частности, возле рынков и на близлежащей территории. В тоже время, следует

сказать то, что Батуми является экологически самым чистым городом Грузии и, с этой точки зрения, он удовлетворяет необходимым для рекреационной зоны экологическим нормам.

С одной стороны, на фоне средних демографических показателей Грузии, в Аджарии, особенно в высокогорной ее части, сохраняется высокий естественный прирост населения. С другой стороны, Аджария занимает весьма благоприятное экономико-географическое положение, что и способствует тому, что уровень экономического развития здесь выше по сравнению с другими регионами. С третьей стороны, это способствует тому, что здесь всегда сохранялось положительное сальдо миграции. Соответственно, в будущем ожидается ещё большее увеличение демографической нагрузки на природную среду и ухудшение экологической обстановки.

Исходя из всего вышесказанного, считаем целесообразным провести некоторые теоретико-практические мероприятия, способствующие сведению до минимума проблем, связанных с демографической нагрузкой в Аджарии:

1. В административных районах, особенно в сельских поселениях высокогорной Аджарии, необходимо осуществлять оптимальную территориальную организацию населения. Необходимо увеличить государственные субсидии для улучшения элементарных условий повседневной жизни экомигрантов. Необходимо также произвести постепенное переселение жителей из демографически перегруженных сел в другие регионы Грузии.

2. Чтобы максимально ограничить нерациональное использование земельных ресурсов, жизненно необходимо сельскохозяйственное производство перевести на рельсы интенсивного развития.

3. Следует максимально ограничить также использование лесных ресурсов для обогрева населения и постепенно создавать альтернативные источники путем гидроэнергетического использования имеющихся водных ресурсов.

4. В городе Батуми необходимо отрегулировать вопросы стихийно-механического передвижения населения и повысить уровень их коммунального обслуживания. К тому же, большое внимание нужно уделять расширению зелёных зон.

5. Необходимо систематически повышать уровень экологического образования населения в направлении рационального использования природных ресурсов.

Для успешного урегулирования экологической обстановки в Аджарии, перечисленные вопросы должны решаться на государственном уровне.

Литература

Алисов Н.В., Хореев Б.С. Экономическая и социальная география мира. М., 2001.

Комарова Н.Г. Геоэкология и природопользование. М., 2003.

Палавандишвили Ш.О. Природа и сельское хозяйство Аджарии. Батуми, 2005.

Путкарадзе М.Ш. Экологические проблемы сельскохозяйственного производства Аджарии // Труды Аджарского отделения Академии экологических наук Грузии. Т. 1. Батуми, 2000.

Путкарадзе М.Ш. Влияние демографических процессов на многообразие ландшафтов горной Аджарии // Биомногообразие Аджарии (Южно-колхидское). Материалы международной конференции. Батуми, 2008.

Степановских А.С. Прикладная экология. М., 2003.

Природная среда и этническая культура (на примере некоторых винодельческих традиций в Грузии)

Этническая культура существует в виде множества вариантов, возникновение и формирование которых обусловлено целым рядом причин. Если этнос обитает на достаточно обширной территории с различными природно-климатическими, географическими особенностями, то в значительной степени это и определяет своеобразие прежде всего той сферы традиционно-бытовой культуры, которая связана с обработкой земли, культивированием тех или иных растений и злаков, системой их переработки и хранения и т.д. Распространение новых сельскохозяйственных культур, новых сортов тех или иных растений – вследствие изменений климата и преобразований в окружающей среде, заимствований у других народов – все это оказывает порой существенное влияние на облик локальных вариантов культуры этноса.

Ярким примером подобного влияния природной среды можно считать некоторые особенности грузинских традиций в области виноделия и виноградарства.

Грузия – страна высокоразвитого виноградарства и виноделия, которые имеют многовековую историю развития. Данные палеоботаники, ампелографии, археологии, истории, лингвистики подтверждают, что территория современной Грузии входила в ареал, где была выведена культурная лоза. Об этом говорит и то обстоятельство, что в Грузии широко распространена типичная дикая лоза (*Subp. silvestris* Gmel.), которая встречается до высоты 1500 м над уровнем моря. Ее грузинские названия довольно разнообразны – *крикина, усурвази, дзгуамли, бурдзгуми, морцхула, бурехи, шхуричи* (Джавахишвили, 1934, с. 295). В прибрежной полосе у Черного моря засвидетельствованы переходные формы от дикой лозы к культурной.

По археологическим данным, в Грузии еще 5-6 тысяч лет назад плоды дикой лозы использовались в пищу, а позднее путем брожения из них стали изготавливать вино. К эпохе развитого энеолита (середина 3 тысячелетия до н.э.) относятся истоки культурного виноградарства (одомашнивание лозы, искусственный отбор сортов, обрезка побегов). Переход к культурному виноградарству произошел в тех районах, особенно в полосе речных долин, где для этого были подходящие

природные условия, высокоразвитое земледелие и густонаселенные местности.

Каждый регион Грузии, а порой отдельные районы и даже селения славились сортами винограда, которые были выведены местными виноделами. Об этом нередко говорят и сами названия винограда. Так, в Картли известны сорта винограда, своими названиями связанные с конкретными селами или районами: каспури (от селения Каспи), дигмури (от селения Дигоми), арагвиспирули (от *Арагвис пири* – берег Арагви) и др. (Кандуралов, 1897, с. 48)

В Грузии известно около 500 сортов винограда. Их выведению, несомненно, способствовали благоприятные почвенно-климатические условия, в особенности в субтропических районах, и разнообразие диких форм со всеми переходами от диких к культурным. В их числе кахетинских сортов – 80, картлийских – 72, имеретинских – 75, рачалечхумских – 50, мегрельских – 60, гурийских – 58, аджарских – 52 и т.д. Некоторые из выведенных сортов винограда были приурочены к условиям отдельных микрорайонов: в Кахети – ркацители, саперави, мцване; в Картли – горули мцване и чинури; в Имерети – цицка, цоликаури и крахуна; в Гурии – чхавери и джани; в Мегрелии – оджалеши и зердаги и др. (Народы Грузинской ССР, 1962, с. 242)

Качество вина, по свидетельству специалистов, также во многом зависело от местности, где выращивали виноград. Так, лучшими в Карталинии считались атенские вина из Горийского уезда (из Атенского ущелья), на них назначались покупателями самые высокие цены. Полагали, что причина высокого качества атенских вин – особенности местных почв (Кандуралов, 1897, с. 96).

На цвет вина, его качества могли влиять особенности ухода за виноградником (обильная поливка), особенности почв. Так, относительно вин, производимых в Артвинском округе, указывалось: «Местные вина, красного или розового цвета вследствие усиленной поливки виноградников, в большинстве случаев прозрачные легкие столовые, без постороннего запаха и вкуса, иногда слегка шипучие, особенно из местности Гверда (вероятно, влияние мергельных почв). За пределы округа они не попадают» (Тимофеев, 1896, с. 187).

В Гурии и Мегрелии с их влажным климатом лучшее вино получали из винограда, выращенного преимущественно в холмистых и гористых местностях: «лучшие вина этого района: саджавахское, чхавери, джа-

ни, оджалеши, чвитулури и др. получались в селениях, расположенных на склонах, на солнечном припеке». Вблизи от моря виноградников практически не было, здесь преобладали посевы зерновых культур (Накашидзе, 1897, с. 57–58, 60).

Климатические условия оказывали влияние и на распространение различных видов винохранилищ – *марани*, используемого там инвентаря, способов хранения винных кувшинов и т.п.

В Восточной Грузии с ее более суровым климатом марани были устроены или на первом этаже жилого помещения, или представляли собой отдельное строение (каменное или деревянное), где находились и зарытые в землю кувшины. В Западной Грузии, где климат был более мягким, известны и марани в виде отдельных построек (чаще деревянных), и в виде простого деревянного навеса. При этом иногда в марани хранился лишь инвентарь, а кувшины были зарыты поблизости от марани, в тени деревьев или виноградников. Такое место, как правило, специально огороженное, называлось *чуристави*, *олагване*.

Один из главных компонентов марани – давилня. Для богатой лесами Западной Грузии были характерны деревянные давилни, вытесанные из цельного ствола липы, каштана. Иногда оба конца их заделывались досками; в нижней части одной из боковых досок было проделано отверстие для выхода виноградного сока. Самые большие давилни вмещают до 100 пудов сусла. В Восточной Грузии наряду с деревянными издавна известны давилни, сделанные из камня на известковом растворе. В некоторых местностях использовались давилни, сделанные из цельного камня. В Джавахети, в знаменитом пещерном городе-монастыре Вардзиа и прилегающих к нему деревнях, сохранились высеченные в скалах давилни XI–XIII веков.

Особенности микроклимата в той или иной местности влияли и на то, как размещались винные кувшины в земле. Кувшины обычно зарывали так, чтобы края горлового отверстия располагались примерно наравне с поверхностью земли. В Западной Грузии, в зависимости от влажности почвы, было три варианта расположения горловины кувшина: 1) наравне с поверхностью земли – *тав-дабали*; 2) выше на 2-3 вершка – *тав-магали*; 3) на 12 вершков выше – *боркилиани*. Чем суше был грунт, тем глубже зарывали кувшин (Накашидзе, 1897, с. 93–94).

Особенности природных условий в отдельных регионах Грузии обусловили различия в формах выращивания виноградной лозы.

Маглари – культура высокоствольной лозы (когда лоза вьется по дереву) – судя по всему, древнейшая ступень, наиболее близкая к архаическим формам виноградарства. Локальные названия этой формы – *добило*, *бабило*, *добиро*. Маглари возникло в эпоху развитого энеолита, когда человек начал отбирать лучшие сорта лозы и разводить их поблизости от жилья. Особенно долго эта форма сохранялась в Западной Грузии, для прибрежных районов которой характерна повышенная влажность. Ее вытеснение началось с середины XIX в. в результате распространения грибковых заболеваний лозы. Но маглари сохранялось и в XX в. (и отчасти сохраняется до настоящего времени). Описывая хозяйство имеретинского крестьянина, Р. Эристов в 1876 г. отмечал: «Как во дворе, так и в огороде замечаются местами фруктовые и ольховые деревья, а на последних вьющийся виноград» (Эристов, 1876, с. 6).

Где климат был более сухим, распространялся *даблари* – разведение низкоствольных лоз, когда лоза пущена на низкую подпорку (*маргили*, *сари*, *чиго*, *хардани*). Эта форма возникла, когда был накоплен соответствующий агротехнический опыт, позволявший получать от лозы как можно больше плодов. При формировании низкоствольной лозы все питание и энергия, которые она получала из почвы, не расходовались на рост ненужных побегов, а направлялось на развитие плодов. Повышалось и количество урожая, и его качество. Специалисты относят возникновение формы *даблари* к эпохе поздней бронзы (рубеж II–I тысячелетий до н.э.). *Даблари* подразумевает обязательную обрезку лозы (чтобы она не превратилась в лиану), для чего необходимы соответствующие инструменты. В археологических памятниках указанной эпохи (как в Западной, так и в Восточной Грузии) находят бронзовые серпы для обрезки лозы, которые существенно отличаются от сенокосных серпов. Усовершенствованный аналогичный инструмент *савазз* (букв. «для лозы») использовался грузинскими виноградарями и в XX в., постепенно заменяемый секаторами (Бохочадзе, 1964, с. 7–9).

Изменение климата (уменьшение влажности вследствие вырубki лесов и осушения болот) в местностях Западной Грузии привело к распространению виноградников *даблари*, как более продуктивных, и в этих местностях. К тому же низкоствольные виноградники легче было лечить от активно распространявшихся грибковых болезней.

О том, какое огромное влияние могут оказать изменения природной среды на вековые традиции виноградарства и виноделия, свидетель-

ствуют события середины XIX в., которые затронули в основном регионы Западной Грузии и Абхазии. До этого периода ситуация в этой отрасли хозяйства была довольно благополучной. Вот как пишет об этом М.К. Баллас в своем обзорном труде «Виноделие в России»:

«В 50-х годах, среди винодельческих районов Кутаисской губернии, первое место по качеству и репутации своих вин, а также по размерам производства их, занимали Мингрелия и Гурия. Лозы здесь исключительно произрастали по системе так называемой маглари, т.е. в виде кустов, пущенных по деревьям; да и теперь еще в этих районах культура эта общераспространенна. В этот период вся Мингрелия представляла сплошную сеть виноградных лоз, перекинутых от одного дерева до другого. Каждый крестьянин, каждый владелец небольшого клочка земли, на котором могло поместиться несколько ольховых и хурмовых деревьев, по коим обыкновенно и пускали вьющуюся лозу, имел свое вино. Весь труд заключался в том, чтобы посадить лозу около дерева и, предоставив ей свободно разрастаться, очищать верхушки ее через 10-15 лет» (Баллас, 1896, с. 149).

В 1850-е годы в этом районе появляется грибковая болезнь винограда *Oidium Tuckeri*, которая резко изменила ситуацию в виноградарстве и виноделии ряда районов Кутаисской губернии – Гурии, Мегрелии и отчасти Имеретии, а также в сопредельной Абхазии (Сухумском округе). Остановимся подробнее на тех основных моментах традиционного виноградарства и виноделия, которые испытали в результате этих событий наибольшие трансформации: это вырождение многих местных сортов или даже их исчезновение; существенное сокращение количества сортов винограда; уменьшение урожайности виноградных лоз и сокращение количества вина; изменение сроков уборки урожая винограда; изготовление вина из лесных ягод в случае нехватки виноградных спиртных напитков; появление нового сорта винограда – изабелла (одесса, адеса) и проблемы его вхождения в культуру местного населения; увеличение объема водочной продукции в связи с появлением низкосортного винограда изабелла; кардинальное изменение направления в хозяйстве в ряде районов Западной Грузии в связи с уменьшением роли виноградарства и др.

Отметим, что появление в 1850-е годы грибковой болезни *Oidium Tuckeri*, а через несколько десятилетий болезни винограда милдью, видимо, было связано в немалой степени с интенсификацией контак-

тов Закавказского региона с другими регионами Российской империи и Европой. Так, по преданию, болезнь *Oidium Tuckeri* была занесена в Мегрелию «вместе с лозами изабеллы, выписанной Дадианом из Одессы» (этим объясняется то обстоятельство, что виноград изабелла более известен, в частности в Мегрелии, под названием *одесса* или *адеса*). Эта болезнь (*Oidium Tuckeri*) оказала «в высшей степени пагубное влияние на местное виноделие; урожайность стала заметно падать и уже в 1865 г. количество добываемого в Мингрелии вина значительно уменьшилось, а засим ...эта грибная болезнь окончательно подорвала местное виноделие и лишила его прежнего значения» (Баллас, 1896, с. 150–151).

В Гурии и Мингрелии с их влажным климатом оидиум распространялся быстрее, чем в Имеретии, где «сырости меньше и где часто дуют восточные ветры». «При теплоте и чрезмерной сырости климата» болезнь оидиум быстро распространилась, так что, по свидетельству современника, «в скором времени производство вина уменьшилось наполовину, а в настоящее время местное вино считается редкостью и в продаже его совсем невозможно найти» (Накашидзе, 1897, с. 55).

Столь же серьезный урон нанесла эта болезнь и виноградникам на сопредельных с Грузией территориях, в частности в Абхазии. Так, относительно Сухумского округа отмечалось: «Главным врагом виноградников Сухумского округа, как и всего восточного побережья Черного моря, где по преимуществу распространена культура вьющегося по деревьям винограда – является грибок *Oidium Tuckeri*. Болезнь эта, занесенная сюда, по видимому, из соседних виноградников Мингрелии, где она появилась лет 40 назад, произвела, начиная с 60-х годов, и теперь производит в Сухумском округе страшное опустошение. Болезни этой подвержены не только культурные виноградники, но, с семидесятых годов, присутствие ее констатировано на диких лозах среди лесов. Находя для своего развития благоприятные условия (сырость, тепло и тень), болезнь эта широко разлилась по всему Сухумскому округу, в особенности в низменной части его.

С постепенным развитием оидиума в Сухумском округе местные сорта виноградных лоз в Абхазии и Самурзакани, производившие очень ценные вина, стали сильно вырождаться и постепенно, почти повсеместно, здесь стали заменяться «изабеллою» – сортом очень устойчивым против грибной болезни, но дающим очень плохое вино. Ранее всего вредное влияние этой болезни на виноградники проявилось в Самурзакани и в низмен-

ной части Кодорского участка, а в 1855 г. присутствие ее было констатировано в самых обширных размерах и в Гудаутском участке, самом важном в винодельческом отношении. Вследствие сего и в этом единственном центре виноделия в округе, где уцелели местные сорта, в замене их изабеллою владельцы стали искать спасения своих виноградников от окончательной гибели» (Там же, с. 128).

В конце XX в. о Сухумском округе сообщалось: «В настоящее время в округе господствует изабелла; из местных же сортов некоторые пока уцелели, другие встречаются лишь в виде единичных жалких экземпляров, или же исчезли бесследно» (Тимофеев, 1896, с. 18).

О масштабах бедствия, постигшего Западную Грузию, свидетельствует тот факт, что в Гурии и Мегрелии до 1850-х годов культивировалось около 150 сортов винограда, но «многие из них после появления оидиума постепенно исчезли, уступив свое место устойчивой против грибных болезней изабелле» (Накашидзе, 1897, с. 63). Столь быстрому распространению заболеваний способствовали не только особенности климата – тепло и сырость, но и местный способ выращивания винограда – маглари, когда виноград пускали на высокие деревья: «Не встречая себе никакого противодействия в лечении, ибо высокие лозы маглари представлялись для сего неудобными, болезнь эта оказалась до того разрушительною, что под влиянием ее местные лозы, дававшие такие ценные вина, стали перерождаться, а засим и совсем перестали давать урожай» (Баллас, 1996, с. 152).

Значительно сократилось количество производимого вина. Так, до появления оидиума в Гурии в 1850-е годы «добывалось и употреблялось, главным образом на месте», около 513 122 ведра вина, к 1864 г., когда грибковая болезнь уже произвела в виноградниках «значительные опустошения», количество вина сократилось до 311 200 ведер, и в дальнейшем этот процесс прогрессировал. По данным Балласа, если «прежде 1 кцева (900 кв. сажень) с 30 деревьями давала до 30 сацхов (сацхов = 30 бутылок) вина», то «в последующие периоды еле 4 сацхва» (Баллас, 1896, с. 152). Все это приводило к росту цен на вино: если прежде в Гурии 30 бутылок вина стоили 60–70 коп., то затем цены выросли до 1 руб. 50 коп. и 2 руб. 50 коп. в зависимости от сорта вина, «а в начале 70-х годов за бахвские вина из местных сортов ... платили на месте, без доставки, по 2 руб. 40 коп. за ведро» (Там же, с. 152).

Случались годы, когда урожай винограда был совсем ничтожным. Например, в 1855 г. Нижняя Имеретия совсем осталась без вина (Там же, с. 155). Подобную ситуацию для данного региона можно, пожалуй, без преувеличения назвать катастрофической: ведь вино было для местного населения и повседневным продуктом питания, и обязательным атрибутом различных ритуалов.

Поскольку вино занимало очень большое место и в повседневной, и в обрядовой жизни населения, то его отсутствие пытались чем-то заменить. Так, в неурожайные годы, особенно на виноград местных сортов, в некоторых селах Гурии и Мегрелии готовили напиток *курдзнис цхали* (в Имерети он назывался *цхал-мачара*) – нечто вроде виноградного кваса: в кувшин клали не раздавленный виноград, наполняли кувшин водой и плотно закрывали, замазывая глиной. На 10–12 *сацкави* воды (18–22 ведра) достаточно было одной большой корзины (*годори*) винограда (60–70 фунтов). Через две-три недели напиток был готов. Его описывали следующим образом: «вкус кисло-щелочной, по цвету, отчасти и по вкусу напоминает вино, пьется приятно, но сохраняется недолго» (как и другие виды «второго вина» – шва-гвино, натквепи), поскольку там ничтожное количество спирта. Все эти вина и напитки употреблялись только в домашнем обиходе и выпивались всегда в течение зимы.

Приготовление курдзнис-цхали и тому подобных разновидностей «вина» было результатом нехватки винограда после появления болезней лозы, когда еще не было изабеллы. В это время жители сел, расположенных около лесов, чтобы восполнить нехватку спиртных напитков, даже начали готовить вино из лавровишни (*цкавис-гвино*) и из черники (*моцвис-гвино*) (Накашидзе, 1897, с. 101).

Появление болезней винограда отразилось и на изменении сроков его сбора: «До появления болезни оидиума, в 50-х годах произведшей здесь, как и в Мингрелии, опустошение и до замены местных сортов гнилою, как ее здесь называют, изабеллою, сбор винограда, как и во всей Кутаисской губернии, так и здесь, производился в три приема: с 1 сентября по 15 октября виноград собирали для маджара – молодого вина, выпиваемого в свежем виде в домашнем обиходе; с 15 октября по 30 ноября – для изготовления вина для домашнего потребления в продолжении всей зимы и даже до следующего сбора и, наконец, с 1 декабря до конца этого месяца – для выделки вин, назначенных для продажи и долгого хранения. Такой поздний сбор обусловлен тем, что виноград, выщипываясь по деревьям,

созревает вообще гораздо медленнее и, при благоприятных условиях сухих и теплых зим, виноград пользуется более продолжительным, благотворным действием солнца» (Баллас, 1896, с. 151).

Как уже отмечалось, местные сорта винограда повсеместно заменялись изабеллой. Но население долгое время относилось к этому новому сорту с большой настороженностью, и период «адаптации» к нему был довольно непростым, причем порой происходила даже разработка новых способов изготовления вина применительно к изабелле, поскольку ее зачастую именовали «гнилой» и считали «вредной для человека». Тем не менее, следует отметить, что при всем том критическом отношении к изабелле, которое отмечают источники, она воспринималась как единственная возможность получать в сложившихся условиях жизненно необходимый продукт – вино.

Что же представлял собой этот новый для регионов Кавказа сорт винограда? Родиной изабеллы (*Vitis labrusca*) считается американский штат Южная Каролина; встречаются также сообщения, что изабелла – это естественный гибрид (*Vitis labrusca* × *Vitis vinifera*). В странах Европы этот сорт винограда культивировался с середины XVII в. и его называли также «лисьим виноградом» из-за характерного для него специфического запаха.

В настоящее время этот сорт винограда, как и остальные гибриды дикого и культурного винограда (сорта типа "Лидия" и т.д.), запрещен к использованию в коммерческом виноделии в США и странах Евросоюза. Это объясняется тем, что в винах, получаемых из данного сорта, содержится метанол (токсичное вещество, вызывающее хронические заболевания печени, почек, ослабление зрения и т.д.), а также в связи со специфическим ароматом произведенных из него вин. Имеются сообщения, что и в России запрещено коммерческое производство вин из изабеллы, хотя пастеризованный сок из этого винограда абсолютно безопасен. В США этот виноград тоже используется для приготовления домашних вин и соков (<http://ru.wikipedia.org/wiki/>; <http://www.inmoment.ru/>; <http://dacha.wcb.ru>). На сайте виноградарей России нет сведений о подобном запрещении, здесь отмечается, что изабелла отличается устойчивостью против грибковых болезней и филлоксеры, но указывается, что виноград этот «среднего качества» (<http://vinograd.info/sorta/yniversalnye/izabella.html>).

В Мингрелии изабеллу – *Vitis labrusca* – первым выписал владетельный князь Мингрелии Давид Дадиани, а в Гурии – князь Михаил Эристов,

в конце 1850-х годов. Из садов этих лиц изабелла быстро распространилась по целому краю, вытеснив местные сорта. В Гурии в 1890-е годы до 50% всех виноградников уже приходилось на изабеллу, в Мегрелии – до 75%. О Гурии сообщалось, что здесь способ приготовления вин после распространения изабеллы, «за полным почти истреблением местных красных сортов, значительно изменился и упростился». Причем это имело иной результат: из изабеллы «получилось столь низкого качества вино, что прежняя добрая репутация гурийских вин окончательно пала, и виноделие, как промысел, стало...отодвигаться на второй план» (Баллас, 1896, с. 151–152, 153).

Но были и некоторые положительные примеры борьбы с грибковыми заболеваниями винограда. Так, в Рача-Лечхумском регионе, где оидиум также оказал «свое пагубное влияние, в особенности на белые сорта», население заметило «устойчивость некоторых красных сортов – александрели, рцхила и других, а из белых сортов мцване, путем широкого распространения их, отстояло свои виноградники» (Кавказское сельское хозяйство. 1895. № 77).

О том, с каким трудом изабелла проникала в обиход местного населения, говорит сообщение автора конца XIX в.: «Изабелла дает вино плохого качества с особенным лекарственным вкусом и специфическим запахом. По рассказам многих садохозяев, вино из этого винограда вредно действует на организм: на теле появляется сыпь, глаза подвергаются заболеванию и пр. Не удивительно поэтому, что многие из гурийцев и мингрельцев, в особенности старожилы, не пьют вина из изабеллы» (Накашидзе, 1897, с. 63). Тот же автор отмечал, что «изабелла всегда готовится отдельно» от другого винограда, а «некоторые хозяева суслу от изабеллы дают бродить на выжимках от местного сорта с целью уничтожения специфического запаха, свойственного изабелле» (Накашидзе, 1897, с. 91).

Существовал даже довольно сложный рецепт приготовления вина из изабеллы, изобретенный жителем Гурии Сио Беридзе, по имени которого этот сорт вина назывался *сиос-эвино* (т.е. вино Сио).

Вино из изабеллы по этому рецепту делали следующим образом: свежее сусло процеживали через сито, в медном котле выпаривали на медленном огне, пока не уменьшалось на 1 пядь; с сусла снимали пену; затем усиливали огонь и сусло сильно кипятили, пока жидкость не выпаривалась на одну треть. Охлажденное сусло вливали в кувшины (от 1 пяди до

1 аршина до горловины – оставляли незаполненным). Кувшины замазывали. В мае переливали в другой кувшин, и вино считалось готовым к употреблению. Выпивали его в первый год.

Если вино предназначалось для длительного хранения: сусло выпаривали наполовину, переливали в чури, а в мае – в другой кувшин. В октябре – обязательно переливали в бочки или в бутылки, которые закупоривали герметически, причем каждый год – 2 раза сливали с осадка.

Считалось, что в течение первых двух лет эти вина имеют сладковатый вкус, на третий год сладкий вкус исчезает, они темнеют, обретают аромат и крепость. Полной зрелости достигают на четвертый год: «чем дольше они сохраняются, тем становятся крепче, ароматичнее и приобретают вкус, напоминающий херес». (Накашидзе, 1897, с. 106–107, 111, 113, 114).

Все же вино из изабеллы долгое время считалось «второсортным» и «непрестижным». Так, относительно конца XIX в. отмечалось: «Очень большое количество местного вина потребляется при выдающихся событиях в местном быту – на похоронах, свадьбах, храмовых праздниках и т.д. Следует, однако, оговорить, что более зажиточные обыватели в таких исключительных случаях, как похороны и свадьба, *стесняются подавать вино из изабеллы* (курсив мой. – Л.С.), стараясь достать вино местных сортов винограда или привозное из Имеретии» (Накашидзе, 1897, с. 115). Другие авторы также отмечают, что вино из изабеллы «могло идти только на самое невзыскательное местное потребление» (Баллас, 1896, с. 155).

Распространение винограда сорта изабелла привело и к некоторым изменениям в технологических приемах. С увеличением количества вина, приготавливаемого из изабеллы, чаще стали прибегать и к такой операции, как «переливание вина» (гвинис гадагеба, гиноцурва гвиниши) в другие кувшины в период с марта по апрель, что считалось очень полезным для защиты вина от разных «болезней». По данным конца XIX в., переливке вина стали придавать столь существенное значение после появления грибковых заболеваний лозы: «По рассказам многих старожилков, хорошие, крепкие вина никогда не подвергались переливке, а оставались на гуще; вино от этого не только не портилось, а, наоборот, приобретало крепость и другие хорошие качества» (Накашидзе, 1897, с. 96–97).

Увеличение выгонки водки в Западной Грузии также было связано с появлением нового сорта винограда, поскольку из изабеллы нельзя было делать «второе» вино (из вторично залитых водой виноградных выжимок).

Поэтому из выжимок (*чача*) и гущи (гур. *тхле*, мегр. *тхоло*) изабеллы стали выкуривать водку. С увеличением насаждения изабеллы в Западной Грузии эта отрасль стала постепенно развиваться, а в «последние годы виноградно-водочное производство принимает в районе, особенно в Гурии, чисто промышленный характер», – отмечал Е.К. Накашидзе.

В некоторых районах Западной Грузии, например, в Мегрелии, виноделие вообще к концу XIX в., как отмечали современники, «потеряло прежнее значение и вместо виноделия первенствующее место в хозяйстве населения заняла здесь культура кукурузы, на которой и зиждется основа благосостояния местных жителей»; «лоз, пущенных на деревья, на каждой десяatine становилось все меньше и меньше, поляны и лесные пространства, ими занятые, постепенно расчищались под посевы кукурузы, а деревья с виноградными лозами вырубались» (Баллас, 1896, с. 155, 162). Были известны и положительные опыты по спасению местных ценных сортов винограда: так, принц Мюрат, чьи поместья находились в Мегрелии, осуществил «опыт посева американских лоз и произвел в 1891 г. опыты прививки местного сорта “сванури” на изабелле, как прямом подвое»; опыт удался, и, как писал Баллас, «если будущее оправдает возложенные на них надежды, то очень возможно, что виноградарство здесь еще и возродится вновь» (Там же, с. 162).

Современники отмечали, что к началу 80-х годов в Мегрелии и Гурии виноделие «оказалось совершенно подорванным» и население лишилось одной из доходных статей хозяйства, «как раз в то время, когда проведение железной дороги (1872–1874 гг.) давало возможность свободного и легкого сбыта продуктов местного виноделия» (Там же, с. 163). Аналогичная картина складывалась и в Гурии, где население пыталось возместить убытки от фактически исчезнувшего виноделия (т.е. виноделия, имевшего товарное, промышленное значение) попытками развивать другие отрасли хозяйства – табаководство, шелководство и др. Так, по инициативе Константина Эристова с 1864 г. в Гурии стали заниматься табаководством, и в конце XIX в. Озургетский уезд по площади табачных плантаций занимал в Кутаисской губернии третье место «после Сухумского и Артвинского округов»; здесь производилось ежегодно до 30 000 пудов табака на сумму от 100 до 150 000 рублей. Кроме того, стало более интенсивно развиваться и шелководство, бывшее до того времени лишь кустарным женским промыслом: оно, по словам современника, «стало восполнять заметно экономический недочет местного населения» (Там же, с. 163).

Представленный в данном сообщении материал свидетельствует, что особенности природной среды не только имеют очень важное значение для формирования облика традиционной культуры, но и могут, при их трансформации, довольно быстро и в ряде случаев кардинально изменить многие характеристики хозяйственной деятельности, даже если они складывались на протяжении столетий. Особенно характерным в этом плане нам представляется пример вхождения в винодельческую культуру винограда сорта изабелла, который прошел долгий, порой драматический путь от неприятия его населением до включения в теперь уже «традиционный» для этого региона круг сортов винограда.

Литература

Баллас М.К. Виноделие в России (историко-статистический очерк). СПб., 1896. Ч. II. Западное Закавказье.

Баллас М. Историко-статистический очерк виноделия в России (Кавказ и Крым). СПб., 1877.

Бохочадзе А.В. Виноградарство и виноделие в Древней Грузии по археологическим материалам (с древнейших времен до XIII в. н.э.). Автореф. дис. ... канд. истор. наук. Тбилиси, 1964.

Джавахишвили И.А. Экономическая история Грузии. Кн. 2. Тбилиси, 1934. С. 295. На груз. яз.

Кандуралов П.Г. Очерк виноградарства и виноделия в Карталинии // Сборник сведений по виноградарству и виноделию на Кавказе. Вып. VIII: Тифлисская губерния (Горийский и Душетский уезды). Тифлис, 1897.

Накашидзе Е.К. Очерк виноградарства и виноделия в Гурии и Мингрелии // Сборник сведений по виноградарству и виноделию на Кавказе. Вып. V: Кутаисская губерния (Озургетский, Сенакский и Зугдидский уезды). Тифлис, 1897.

Народы Грузинской ССР // Народы Кавказа (сер. «Народы мира: Этнографические очерки»). Т. 2. М., 1962.

Тимофеев Н.С. Очерк виноградарства и виноделия в Сухумском округе // Сборник сведений по виноградарству и виноделию на Кавказе. Вып. IV: Кутаисская губерния (Озургетский, Сенакский и Зугдидский уезды, Сухумский, Батумский и Артвинский округа). Тифлис, 1896. С. 1–44.

Эристов Р. Очерк Имерети в сельскохозяйственном отношении. Тифлис, 1876.

Т.Ш. Путкарадзе, Т.Н. Авалиани

Изолированные общины в Грузинской лингвокультурной среде

В эпоху всё более усиливающихся тенденций современной глобализации всё чаще даёт о себе знать проблема «свой», «чужой», возникающая в поликультурном социуме и нередко служащая причиной (поводом) для разжигания межэтнических конфликтов.

За последние два десятилетия в арену жесточайших конфликтов превратилась и Грузия. Одна за другой взрываются мины замедленного действия, давно заложенные модернизированной большевистской великодержавной политикой.

Исходя из создавшейся в нашей стране ситуации, нам хотелось бы поставить некоторые проблемы, анализ которых, по нашему глубокому убеждению, во многом способствовал бы прогнозированию болезненных точек в сфере межкультурных взаимоотношений. Речь идет о **феномене закрытых, изолированных общин** в контексте их интеграции в единый грузинский поликультурный социум.

С самого начала следует уточнить дефиницию терминов **«община» и «закрытая, изолированная община»**.

Традиционное понимание термина «община» «в широком смысле слова - это самые различные общности: городские коммуны, сельские общества, землячества, религиозные сообщества, профессиональные объединения и т.п. ... в специальном же значении под общиной имеется в виду первичная форма социальной организации, возникшая на основе природных, кровнородственных связей» (<http://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/115412>).

На первобытной стадии общественного развития община была всеобщим распространённым универсальным институтом, носителем всей совокупности общественных функций, определяющим всю систему отношений: это и производственный, и семейно-бытовой, и культурный коллектив.

С изменением общественной структуры в результате развития производительных сил, роста общественного разделения труда и возникновения социальных антагонизмов идёт **процесс утраты её всеобъемлющего значения**. Она становится одной из низовых ячеек сложного социального организма общества (<http://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/115412>).

Как пишут исследователи, община как форма социальной организации населения по сей день сохраняется в основном в развивающихся

ся странах. Представители теорий т. н. «афроазиатского социализма» к началу 1960-х гг. в 32 странах Азии и Африки приступили к разработке и принятию «общинных проектов». Однако «все они окончились неудачей. **Традиционная община, как и другие патриархально-племенные институты, оказалась серьёзным препятствием для развития современных производительных сил, оплотом политической и культурной косности, удобной формой для грубой эксплуатации и паразитизма**» (Философская энциклопедия).

Общеизвестна вечная проблема противоречий узкообщинных и широких общественных интересов и традиций, по сей день рассматриваемая не только в грузинской, но и во всей мировой литературе и искусстве (см. повесть Ал. Казбеги «Элгуджа», поэмы Важа Пшавела, художественный фильм Т. Абуладзе «Древо желаний» и др.).

Так, что с течением времён понятийные поля терминов «община», «общинный» всё чаще попадают понятия: «патриархальность», «узость интересов», «замкнутость в себе», «изолированность», «неприемлемость нового» и т. п.

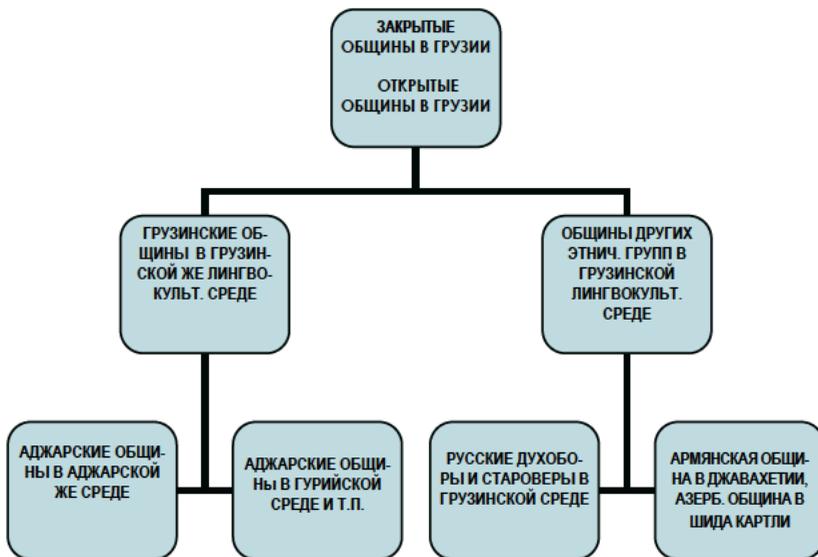
О каких видах общины следует говорить сегодня – в условиях всё более нарастающих, необратимых процессов современной глобализации? Тем более, что «Типология общин затруднена недостаточной разработанностью проблемы» (<http://dic.academic.ru/dic.nsf/sie/12442>).

В сферу наших интересов входят не общины как таковые, а выявление факторов, обуславливающих стремление к определённому рода закрытости, изолированности социумов общинного типа, компактно населяющих преимущественно сельские местности. К числу таких факторов мы относим **наличие у них хоть одного такого специфического социо- и (или) этноментального признака, который становится значительной преградой по пути их интеграции в единый поликультурный социум.**

К анализу привлекаются общины в основном соседские, территориальные, хотя небезынтересны в этом аспекте и общины патриархальные, кровнородственные, родовые (признаки подобных общин, по всей вероятности, можно обнаружить, например, в Верхней Сванетии или Хевсуретии).

С учётом того, что «понятие «инокультурный» относится не только к представителям другой лингвокультурной общности, которые говорят на разных языках и являются представителями разных культур, **оно в**

полной мере относится и к людям одной национальности, но с разным уровнем культурной компетенции или же языковой» (Арошидзе 2009: 8), в условиях нашей грузинской действительности, по нашему мнению, можно выделить немало закрытых общин, которые следует объединить в следующие группы:

Прокомментируем схему.

1) общины этнических грузин в рамках самого грузинского этноса:

а) в данной группе наиболее интересны общины по схеме «аджарцы среди аджарцев», к числу которых следует отнести *с. Горджоми Хулойского муниципалитета*. Здесь, как и во всей верхней Аджарии, живут одни этнические грузины, в частности, аджарцы. Тем самым здесь сформировался специфический социальный организм, выделяющийся из внешней (аджарской же) среды своего рода субкультурой, одной из самых броских специфических черт которой следует считать фактическое отсутствие религиозной толерантности (Барамидзе 2008). Личные интересы сельчан полностью подчинены общинным. Социальные и политические права личности, в особенности женщины, крайне ограничены: женщина полностью, безоговорочно

подчиняется воле мужа, распоряжающегося даже её конституционным правом выбора. Замужество по любви здесь практически исключено: девушка не может выйти замуж по своей воле, её выдают замуж по воле родителей (преимущественно по воле отца).

б) к указанной схеме следует отнести также сёла Хулойского же муниципалитета **Сквана, Бако, Верхняя Тхилвана и Мтисубани**. Здесь в рамках единого грузинского лингвокультурного пространства все сферы коммуникации, кроме богослужения, совершенно закономерно и логично обслуживаются грузинским языком. Функцию же средства семейной коммуникации по сей день в большей степени выполняет **турецкий язык, не связанный с мусульманским богослужением**. Это фактически единственная, но весьма интересная специфика, резко выделяющая их от соседних сёл, объяснение чему и следует искать в основном в исторических факторах (Путкардадзе Т...; 2004; Авалиани Т... 2010).

б) аналогичны сёла Чохатаурского муниципалитета **Зоти, Квабга и Чхакаура**, в частности, общины аджарцев в этих сёлах (схема: аджарцы среди гурийцев). Несмотря на более чем ста лет, прошедших с момента их компактного заселения туда, они по сей день сохраняют мусульманскую веру и связанные с ней традиции и обряды, достаточно резко выделяющие их в православном грузинском окружении;

г) думается, что аналогичной следует считать и общину пиринских македонцев в Болгарии, выделяющуюся в едином болгарском лингвокультурном пространстве религиозным фактором.

2) Следующую группу в нашей классификации занимают общины представителей других этносов в среде титульного (грузинского) этноса. Таковыми являются:

а) русская община староверов в с. Григолету Ланчхутского муниципалитета (русские среди грузин), выделяющаяся этноментальным и религиозным (они сектанты) факторами;

б) русская община духоборов в Южной Грузии, в частности, Джавахетии, находящаяся, кстати, не в грузинском, а армянском лингвокультурном окружении (русские в Грузии в армянском окружении);

в) армянские общины в Джавахетии и азербайджанские общины в самом сердце страны – в Шида Картли;

г) думается, что аналогичными следует считать также грузинские общины в Турции, в частности, грузинские сёла в историческом **Имер-**

хевском ущелье (грузины в турецкой лингвокультурной среде), а также общины **ферейданских грузин** на территории Ирана (грузины в иранской лингвокультурной среде) и грузинскую общину в Саингило (грузины в азербайджанской лингвокультурной среде).

Безусловно, каждый из перечисленных случаев требует детального, комплексного, глубокого научного анализа. Типология же выявленных факторов способствовала бы раскрытию определенных закономерностей, имеющих место в качестве преград по пути их аккультурации, взаимной адаптации и интеграции в единое поликультурное социальное пространство.

Выявление психологических, религиозных, этно-, лингво- и социоментальных основ отчуждения друг от друга этносов, субэтносов или социальных групп, составляющих единый поликультурный социум, – проблема весьма актуальная и тем самым, очень сложная. Её решение безусловно выходит за рамки одной статьи (и не только статьи) и требует системного, комплексного анализа в типологическом аспекте. С этой целью в прошлом году нами был разработан и представлен в Фонд Руставели проект, в который были включены и наши болгарские коллеги. Проект заслужил высшую оценку – 95,5 баллов, хотя не смог получить финансирования.

Думается, что не стоит оставлять данную проблематику без должного внимания, чтобы внести свою лепту в выработку реальных рекомендаций, столь необходимых в эпоху необратимых процессов современной глобализации.

Литература

Авалиани Т., Путкарадзе Т., 2010: Разные коммуникативно-интеракционные поля в едином грузинском лингвокультурном пространстве. Международная научная конференция «Тбелоба» (Программа). Университет Святого Тбела Абусерисдзе, 2010 (на груз. языке)

Арошидзе М., 2009: Лингвосемиотический механизм свёртывания текстовой информации и проблема её декодирования. Тбилиси: «Универсал». 2009

Барамидзе Р., 2008: Особенности распространения и функционирования ислама в Аджарии. Труды НИИ Н. Бердзенишвили. VII. Батуми. Изд-во БГУ. 2008. С. 40–51 (на груз. языке)

Путкарадзе Т., Шервашидзе И., Трапаидзе Д., 2004: К вопросу о классификации структуры и типов поселения села Бако // Труды Батумского гос. университета (История, этнография). VI. Изд-во БГУ. 2004. С. 254–260 (на груз. языке)

Путкарадзе Т., Авалиани Т., Цецхладзе О., 2009: Диалог культур или конфликт культур? // Материалы Международной научной конференции «Тбелоба». Университет Святого Тбела Абусерисдзе. 2009. С.160–164 (на груз. языке)

Уфимцева Н.Н., 1998: Языковое сознание: формирование и функционирование. М., 1998

<http://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/115412> – Большая советская энциклопедия

<http://dic.academic.ru/dic.nsf/sie/12442> – Советская историческая энциклопедия

http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/4618 – Философская энциклопедия

**Жизненная среда и культурная адаптация
населения Вологодчины в XIX – начале XX века ¹**

Окружающая среда, в которой обитают люди (в том виде, в котором она существовала в историческом прошлом, так и существующая в настоящее время), включает много составляющих. Важной составляющей ее является природная среда, которая в свою очередь состоит из целого ряда различных относительно-самостоятельных подсред: климатической, биотической (в т.ч. среды микроорганизмов), ландшафтной, почвенной, водной, геохимической и в целом абиотической. Условия температурного режима и влажности, обусловленные климатическими условиями территории, напрямую сказываются на здоровье и продолжительности жизни людей. Климат серьезно влияет на хозяйственную деятельность: агроклиматические условия определяют возможность (или невозможность) выращивать сельскохозяйственные культуры, их урожайность, или вероятность потери всего урожая. От них же зависит сезонность работ, интенсивность труда, затраты средств и ресурсов на производство. Биотическая среда формирует определенные ресурсы, находящие применение в быту, хозяйственной деятельности и структуре питания местного населения. Например, на Русском Севере такие ресурсы как хвойные и лиственные деревья (сосны, лиственницы, ели, березы, осины), мох, употреблялись в строительстве и в качестве материала для сооружения утвари и транспортных средств, а также как топливо. Дикорастущие травы, ягоды и грибы, а также речная и озерная рыба, употреблялись населением в пищу. Микробиотическое состояние среды (включая наличие возбудителей эндемических видов болезней) влияло на состояние здоровья населения. Ландшафтные ресурсы определяли заболоченность территории (наряду с климатическими), перепады высот, и ощутимо влияли на хозяйственную деятельность и образ жизни людей. В целом природные факторы помимо серьезного влияния на здоровье и жизнь людей оказывали корректирующее воздействие на формирование и развитие направлений хозяйственной деятельности.

Условия жизни людей, обусловленные природной средой, дополняются искусственно созданной человеком бытовой средой. Бытовая среда,

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 08-01-00371а, «Культура питания и здоровье населения Вологодской земли в конце XIX – начале XX в.»).

включающая жилища с их температурным микроклиматом, образ жизни, хозяйственные занятия, материальное окружение, домашних животных, является весьма значимой составляющей окружающей (жизненной) среды. С одной стороны бытовая среда создает особые условия обитания, компенсирующие неблагоприятные для жизни факторы природной среды. С другой – формирует целый набор факторов, влияющих на жизнь и здоровье человека. Воздействие различных видов хозяйственных занятий, особенностей конструкции (эргономики) предметов быта (мебели, утвари, орудий труда), материалов, применявшихся в строительстве и при изготовлении хозяйственных и бытовых предметов, контакт с домашними животными – все это предопределяло возникновение определенных патологий, болезней, оказывало влияние на развитие скелета и в целом на состояние здоровья людей.

Отдельной, не менее важной составляющей жизненной среды людей является социальное окружение. Под социальным окружением следует понимать не только самих конкретных людей, окружающих человека, но и принятые в данном обществе нормы взаимоотношений, общения, коммуникации. Именно ими формируется давление социальной среды на человека, и обуславливается возникновение как позитивных, так и негативных для жизни людей социальных условий. Поэтому в традиционной культуре любого этно-территориального сообщества людей, наряду со способами адаптации к условиям природной среды, возникают и специальные механизмы адаптации к особенностям социальной среды.

* * *

Природная среда Вологодской земли имеет целый ряд неблагоприятных для жизни людей факторов, которые в той или иной степени должны были нивелироваться средствами культурной адаптации. Климатические условия Вологодчины по своим параметрам довольно неблагоприятны для жизнедеятельности людей. Самыми значимыми факторами здесь являются: низкая температура воздуха зимой и избыточная влажность в остальные сезоны года. Среднемесячная температура января в западных районах Вологодской области – минус 11°, а в восточных – минус 15° (абсолютные значения температуры воздуха могут достигать минус 40°). Характерен весьма продолжительный зимний период. Устойчивый снежный покров держится – 165-170 дней. Продолжительность безморозного периода на востоке современной Вологодской области 95-100 дней, на западе и юге 115-125 дней. Соответственно, продолжительность отопи-

тельного сезона должна быть 235-245 суток. В более восточных районах, прежде входивших в состав Вологодской губернии (сейчас входящих в Коми Республику), еще меньше безморозный (а значит и вегетативный) период и больше продолжительность отопительного сезона. Осадков в среднем в год выпадает больше, чем испаряется, в полном соответствии с названием – «зона избыточного увлажнения». Среднегодовое количество осадков – 460-754 мм. Испарение составляет порядка 350 мм в год. Это, в свою очередь, создает избыточную влажность воздуха и чрезмерную насыщенность влагой почвы.

Воздействие климатического фактора на здоровье и хозяйственную деятельность людей отмечалось уже в работах земских медиков второй половины XIX в.. В работе П. Грязнова, посвященной территории Череповецкого уезда, замечания о вредном влиянии местного климата встречаются неоднократно: «Северное положение уезда, болотистость местности и большие лестные пространства обуславливают и суровый, сырой, непостоянный и неблагоприятный для здоровья климат» (Грязнов, 1880, с. 28). «Такой непостоянный климат с резкими температурными колебаниями во все времена года и со значительными колебаниями суточной температуры не может не отзываться вредно на растительности и здоровье населения. Иногда случается, что выпадает большое количество зимних снегов, а иногда их бывает мало или они стаивают, отчего гибнут обнаженные посевы» (Грязнов, 1880, с. 32). М.Н. Максимович, характеризуя климат Вологодской губернии, отмечал непостоянство температурного режима: «Наи чаще весна почти в целой губернии, за исключением разве северных уездов, начинается с половины или конца апреля и продолжается до июня; во все время это температура чрезвычайно непостоянна. Зима непостоянна; несмотря на то, климат не вредит здоровью жителей – и многие доживают до глубокой старости» (Максимович, 1848, № 43. с. 496–497).

Наибольшее значение для жизни людей имеет температура воздуха. При температуре воздуха ниже нуля человек не может существовать без целого комплекса элементов материальной культуры: теплого жилища и соответствующей одежды. Народы, живущие в условиях холодного климата, приобрели особенности материальной культуры, адаптированные и одновременно служащие адаптацией к нему. При этом возникло много оригинальных конструктивных и прикладных решений.

В условиях климата Вологодчины жилье, достаточно теплое и способное сохранять нормальную температуру внутри при значительных понижениях ее снаружи, являлось необходимым условием для выживания населения. Планировка жилища в соединении с двором выполняла сразу три функции: 1) защита от ветра, 2) сохранение тепла, 3) закрытый переход к скотному двору. Важную роль играли расположение в ландшафте и ориентация избы (хотя далеко не всегда климат и инсоляция играли решающую роль при размещении изб). Появление на Русском Севере двухэтажного крытого хозяйственного двора исследователи прямо ставят в зависимость от климатических условий и потребности в получении удобрений (Шенников, 1992).

Жилище, как русских, так и вепсов в вологодских землях представляло собой срубную постройку, сооруженную из хвойных пород деревьев. Для срубов изб предпочитали использовать сосну, а при ее отсутствии применялась ель. Сосна имеет более ровные и прямые стволы, что удобнее в строительстве. Толщина бревен, использовавшихся для сооружения избы, варьировала по диаметру от 25 до 40 см. Так как бревна округлые, толщина их соприкосновения получалась несколько меньшей. В бедных лесными запасами центральных районах сруб мог сооружаться и из бревен меньшего диаметра.

Сосновая и еловая древесина, благодаря ровности слоев и смоленности, является хорошим теплоизолятором. Теплоизолирующие свойства у нее в 2 раза выше, чем у каменных (кирпичных) стен. Места соприкосновения бревен сруба у изб проконопачивались паклей или мхом («кукушкин лен»). Традиции устройства сруба двора в разных местах вологодских земель отличались.

Внутренняя теплоизоляция помещения избы достигалась за счет слоя земли или песка, насыпанного на накаты из тонких бревен, составляющие пол и потолок. Накаты пола и потолка дополнительно проконопачивались паклей или мхом. В случае сохранения единого воздушного пространства избы и подполья с использованием одинарного пола в систему внутренней теплоизоляции также входила земляная завалина, формируемая в подполье при сооружении «ямы».

В дополнение к теплоизоляционным свойствам стен и перекрытий, применялись разнообразные меры по внешнему утеплению жилища на зиму. К системе внешнего утепления (сооружаемого только на время зимы) нужно отнести: подваливание к стенам снега, а также наружное утеп-

ление стен с помощью соломы, лапника или мха (встречавшееся преимущественно в южных районах вологодских земель) (Грязнов, 1880, с. 34, 53; АРЭМ Ф. 7. Д. 809. Л. 42 [Череповецкий у.]; ПМА 1997 г., Грязовецкий р-н). Средством, заменявшим соломенные завалины и применявшимся для утепления избы, служило «опушение» (обшивание) сруба избы тесом. Окна при отсутствии двойных рам заколачивались на $\frac{3}{4}$ досками с дополнительным утеплением их соломой, или обколачивались снаружи соломенными «подушками».

Основным источником тепла в традиционном жилище населения Вологодской области служила русская печь. Фактически она одновременно являлась и аккумулятором-накопителем тепла. Ее значительные размеры (печь занимала от четверти до трети пространства избы) были необходимы, чтобы массив глины (и камня) смог накопить большой запас тепла. Чем массивнее печь, тем больше тепла она способна запасти, и тем больше его может отдавать в воздушную среду помещения. По традиции, сохранившейся от курных изб, печи топили лишь раз в сутки – утром (в курных избах после этого с дымом уходила большая часть тепла, выделившегося при горении), но тепло в избе сохранялось на протяжении суток, благодаря постепенному остыванию массива печи. Примечательно, что до появления русских печей на Русском Севере в жилищах сооружались столь же массивные (аналогичные по размерам) печи-каменки (Раппопорт, 1975, с. 126–128, 136–138).

На Вологодчине на отдельных территориях существовала традиция «греться животным теплом». Для этого размещали овец и телят под избой в подполье. Подполье тогда делали изолированным от внешней среды, но сообщающимся с избой через щели в полу, так что потоки воздуха свободно перемещались между ними. Во время зимнего закрытого режима эксплуатации жилищ, данная традиция создавала специфическую атмосферу в избах, чем вызывала в конце XIX – начале XX вв. многочисленные нарекания со стороны земских врачей.

Установить эффективность конструктивных особенностей жилища, служащих компенсаторным приспособлением к условиям климата можно на основе сообщений современников (XIX – начала XX века), описывающих внутреннюю среду крестьянских жилищ. Однако эти свидетельства дают весьма противоречивую картину. По описаниям одних современников, жилища весьма теплые и даже излишне жаркие. Другие же дают обратные свидетельства. Например, при характеристике жилищ населения

Вожбальской волости Тотемского уезда Вологодской губернии указывалось, что «избы устроены плохо: зимой сырость, холод, угар утром» (Лукачев, 1907, с. 182–185). Во многом сходное описание дается для Калининской волости Тотемского уезда: «Зимой во время сильных морозов избы снизу обваливаются снегом, окна снаружи завешиваются соломенными коврами, двери обиваются такими же коврами. В самой теплой избе зимой (в морозы) бывает немногим выше 10 градусов, а в холодной – около 4 градусов» (АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 348. Л. 23.).

Отчасти различия в характеристиках микроклимата жилищ были вызваны традициями разных территорий. Кроме того, разнообразны были и «индивидуальные» особенности изб. Температура в избах зависела от их конструкции и возраста (усталости и износа конструкционных материалов, снижения их теплоизолирующих качеств). Наряду с этим, значительные суточные колебания температуры в избах можно объяснить широким распространением в конце XIX в. в вологодских землях маленьких печек-притопок, неспособных аккумулировать тепло: «... русские печи дают очень мало тепла, так что в каждом доме устраивают маленькую кирпичную печь с железной трубой, которая быстро нагревает помещение и быстро остывает. Во время топки маленькой печи температура доходит до 30 градусов и даже больше, то к утру она нередко опускается до 6-4 градусов» (Попов, 1909, с. 299). Дополнительным негативным фактором распространения данной традиции стало формирование в избах более угарной атмосферы: «Вентиляции никакой не делается; воздух в избе зимой очень тяжелый. Печи везде усваиваются пекарки; зимой, кроме того, делают небольшие печки из кирпичей и глины, от которых часто угарают» (Алексеев, 1907, с. 41).

Еще одной чертой вологодского климата являются постоянные осадки и избыточная влажность. Избыточная влажность воздуха приводила (и приводит) к возникновению частых простудных (респираторных) заболеваний. Насыщенность же влагой грунта негативно сказывается на постройках (приводя к скорейшему их разрушению) и на хозяйственной деятельности (затрудняя проведение земледельческих работ). Кроме того, наличие многочисленных болот, заболоченных территорий и мелких водоемов привело к значительному распространению в конце XIX – начале XX в. в Вологодской губернии малярии (болотной лихорадки) (ВСО ВГ. 1902. Вып 2. С. 8–10; 1904. Вып. 3. С. 10–15.). Район распространения этой природно-очаговой болезни

охватывал практически всю территорию губернии, уходя далеко на север и северо-восток (в границы современной Коми республики). Наибольшая заболеваемость была характерна для Кадниковского и Великоустюгского уездов. В некоторых волостях Велико-Устюгского уезда (напр., Циляковской) фиксировалось в отдельные годы более тысячи случаев заболевания малярией (Галюн, 1904, с. 37–38). В Великоустюгском уезде в 1904 г. было зарегистрировано: в марте 227 случаев заболевания, в апреле – 373, в мае – 392, в июне – 383 (ВСО ВГ. 1904. Вып. 3–5). В аналитическом обзоре за первую половину 1903 г. указывается, что при числе заболевших 3229 человек «коэффициент заболеваемости» составил – 210,0 или 2% всего населения уезда. Фактически число заболевших малярией в Великоустюгском уезде в 1903 г. было еще большим, так как в обзоре не учтено отсутствие информации по половине волостей в мае, когда интенсивность заболеваемости была максимальной. По приблизительным оценкам за год в Великоустюгском уезде малярией заболевали около 4-5% населения (то есть почти каждый двадцатый).

Условия климата заставляли соответствующим образом формировать хозяйственную деятельность. Преобладание в вологодских землях ржи и овса среди посевов злаков, а в архангельских – ячменя, прямо обусловлено климатическими факторами. Рискованность земледелия и ограниченность видового состава культурных растений привела к расширению роли собирательства (сбора дикорастущих ягод, грибов, трав) в системе хозяйственных занятий вологодских крестьян.

Влияние природного фактора отметил Е.П. Попов в своем очерке, посвященном описанию Сычевской волости Вологодского уезда: «...мы должны прийти к следующим выводам: во 1-х, климатические условия севера заставляют здешних жителей затрачивать много сил для борьбы с суровой природой, во 2-х – суглинистая почва, являясь по своим физическим свойствам и химическому составу малоудобной для произрастания хлебных злаков, недостаточно обеспечивает крестьянское население продуктами земледелия; в 3-х – связанное со всеми упомянутыми тяжелыми внешними условиями жизни напряжение хозяйственных сил населения не может не отразиться вредно на его здоровье и благосостоянии» (Попов, 1907, с. 565).

Животноводство в вологодских землях тоже во многом было адаптированным к климатическим условиям и отчасти само позволяло

адаптироваться к ним. Еще исследователи Вологодской губернии середины XIX в. отмечали, что «суровый климат делает необходимыми шерстяные ткани, потому повсеместно много овец» (Пушкарев, 1846. с. 56). Низкая удойность вологодских коров также отчасти была обусловлена местными условиями – основной продукт, для которого держали коров, был навоз, а не молоко. Высокоудойная холмогорская порода сформировалась на севере, где земледелие уже не было основным занятием.

Сильные морозы и длительность существования снежного покрова в сочетании с избыточным увлажнением и обилием болот способствовали расширению использования полозных транспортных средств (лыж, саней). В наиболее болотистых местностях сани эксплуатировались и летом, а колесные виды транспорта вообще не были в употреблении.

В отношении здоровья населения не стоит идеализировать сложившуюся культурную адаптационную систему. Она имела ряд значительных недостатков, которые постоянно подчеркивали земские врачи. Однако свою задачу – поддержание жизнедеятельности людей в непростых климатических условиях Севера – она выполняла.

Условия бытовой среды вологодских крестьян в период второй половины XIX – начала XX вв., и в особенности негативные их черты, хорошо описаны в работах местных губернских и земских медиков. Представители светской медицины в основном выступали с критикой принятых бытовых традиций и акцентировали внимание на негативных чертах. Поэтому в нашем анализе, обобщающем информацию, оставленную преимущественно медицинскими работниками XIX – начала XX вв., будет неизбежен излишний акцент в сторону «неблагоприятных» традиций крестьянского быта.

Земские медики высказывали в основном весьма критический взгляд на бытовые условия жизни населения, особо указывая на малый объем воздуха в жилищах, нестабильную температуру, нередко – сырость (повышенную влажность), наличие посторонних запахов, недостаточное соблюдение гигиенических условий и т.п. Кажущееся противоречие между хорошо известными описаниями обширных северных изб, именуемых «хоромами» и «хороминами» (подобные образные наименования северным избам приводятся в работе Ф.Н. Берга [1882], превосходивших по всем параметрам избы населения центральной и южной России, и упоминанием малого объема воздуха в помещениях и недостаточной освещен-

ности, связано с тем, что речь идет о зимнем периоде проживания. Зимой крестьяне многих мест Вологодчины жили в зимовках: «Зимовка примыкает сзади к двору (отделяется небольшими сенями) и выходит окнами в переулок между домами. Размеры зимовок очень малы, почти половину помещения занимает русская печь; содержатся они очень грязно, полы моются редко, 2-3 раза в год, во многих зимовках помещается скот. Вентилируется помещение открыванием двери в сени при входе и выходе живущих в ней. Окна очень малы, – по 2-3 в зимовке. Воздух в избах-зимовках жаркий и душный. Летние избы просторны, светлы и содержатся гораздо опрятнее. Окна в них везде большие, числом 5-8. В летних помещениях зимой не живут» (ВСО ВГ, 1906, с. 319). «Зимой семья в количестве 8-10 человек помещается в так называемой “зимовке”. Это есть пристройка с какого-нибудь бока дома, большей частью квадратная от 64 до 81 кв. арш. и высотой, редко достигающей 4 арш. Из этого объема приходится вычесть на русскую печь 10 куб. арш., и остается очень маленькое помещение. Свет дают 3-4 окна по 0,5 арш в квадрате каждое и тоже, большею частью, без зимних рам. На зиму кроме сего, забирается в зимовку мелкий скот и домашняя птица» (Ульяновский, 1907, с. 983).

В описании северных волостей Кадниковского уезда земского врача Е.П. Попова отмечалось: «В некоторых деревнях в избы на зиму помещают мелкий скот. Благодаря грязи в здешних избах, особенно в “зимовках”, никогда не выводится какая-то своеобразная, ни с чем несравнимая вонь. Почти во всех зимних помещениях есть сырость. Из 66 исследованных фельшером И.И. Пыстиным “зимовок” сырых оказалось 59 и только 7 сухих и теплых. Достаточно этих данных чтобы убедиться насколько мало пригодны для жилья здешние «хоромы», только снаружи производящие впечатление солидных построек, по своим внутренним качествам совершенно не заслуживающие такого названия» (Попов, 1909, с. 299).

Основным источником загрязнения воздуха в жилище был скот, который помещали или в подполье или в саму избу (в зависимости от местных традиций и устройства зимнего жилища). Нередко целью этого был обогрев жилища за счет «животного тепла», но он привносил и сопутствующие запахи. В своем описании д. Марково Н.П. Козловский отмечал: «... источников порчи воздуха – несть числа. Самый главный между ними, это – подполье (“подъизбица”) где помещается скотина и где происходит разложение мочи, гниение навоза и откуда вверх, в избу, через щели в полу, подымается в полном избытке сернистый водород, углекислота, амми-

ачные газы, гнилой органический пар и т.п. ...» (Козловский, 1885, с. 240). В Поважье (и в частности на Кокшеньге) до середины XIX в. скот кормили, а иногда держали в избе. Этот факт зафиксировал В. Попов в своем «Описании Кокшеньги», опубликованном в 1858 г.: «В избе этой чистоты не много наблюдается и очень жалко видеть все семейство, нередко весьма достаточное, заключенное на всю зиму в одну курную избу, из которой почти в течение всего дня не выходит скот! Впрочем, в последнее время, некоторые уже крестьяне понимают это неудобство, и для корма скота ставят в боку дома особую маленькую избу, или же кормят скот постоянно в хлевах» (Попов, 1857, с. 128).

Впрочем, запахи могли приходиться и со двора, который строился «в одной связи» с домом, составляя с ним как бы единое целое: «Во дворах навоз и экскременты скапливаются за целый год и только в начале лета или в конце весны вывозятся на поля. Дворы устраиваются или рядом с жилыми избами, или саженьх 1-2 от них. Иногда зимой скот держат в подполье жилой избы для большего согревания ее. Только одна, редко две капитальных стены отделяют хлев от теплой избы, так что запах навоза нередко проникает в последнюю» (Попов, 1907, с. 576).

Впрочем, традиции на разных территориях Вологодской земли различались, и было много мест, где скот в избах (и под избами) не держали: «По утрам в избах воздух сравнительно чист бывает, но к вечеру делается жарким, душным и особенно загрязняется, когда происходит просушка кудели» (Чтецов, 1907, с. 688).

Бытовые условия жизни населения в период господства традиционной культуры в вологодских землях во многом определялись господствующей хозяйственной деятельностью. Ведение трехпольного хозяйства вынуждало крестьян держать достаточно много крупного рогатого скота (иначе без удобрения, которым был навоз, продуктивность земли была настолько низкой, что делала всякий труд на ней нерациональным). Совмещение дома с двором и постоянный уход за скотом приводили к тому, что крестьяне часто жили в антисанитарных условиях. Это создавало опасность заболевания болезнями, передающимися от скота. Впрочем, в отчетах земской медицины в Вологодской губернии в начале XX в. заболевания людей сибирской язвой отмечаются нечасто. Гораздо чаще отмечаются простудные, желудочно-кишечные заболевания, а также высоко-заразные заболевания (такие как грипп, скарлатина и сифилис).

Некоторые болезни имели достаточно четкую сезонную периодичность, связанную с жизненно-хозяйственным циклом. Рост желудочно-кишечных заболеваний (брюшной тиф, холера, дизентерия) отмечался в весенне-летний период. Данную особенность местные медики в то время объясняли началом полевых работ, когда за повседневной изматывающей полевой работой крестьяне не успевали нормально убирать помещения для соблюдения гигиенических условий, готовить пищу и питаться. Нарекания вызвали и традиции хранения и содержания питьевой воды в доме, а также обыкновение использовать в жару для питья сырую воду и применять ее же для приготовления кваса.

Распространению инфекций, переносившихся воздушно-капельным путем (грипп, скарлатина), способствовали традиции гостевания, вечеринок и гуляний в зимнее время. Вообще в распространении инфекционных заболеваний немаловажную роль играла вызванная климатическим фактором скученность проживания в зимнее время в избах и отсутствие необходимых гигиенических навыков.

Влияние хозяйственной деятельности на здоровье населения проявлялось еще и через такой аспект материальной культуры, как питание. В Вологодской губернии еще в XIX в. отмечались цинга (гиповитаминоз-С), куриная слепота (гиповитаминоз-А) и у детей – рахит (гиповитаминоз-Д). Более подробная статистика по заболеваемости авитаминозами имеется лишь на начало XX в. Количество авитаминозов, выявленных земской статистикой у местного населения в начале XX в., было невелико. Максимальные показатели заболеваемости авитаминозом-А (куриной слепотой) по уездам достигали лишь 0,2-0,3%, а авитаминозом-С (цингой) – 0,03% (Материалы, 1905; ВСО ВГ, 1911, с. 22). Впрочем, в отдельные годы среди городского населения в Вельске и Тотьме отмечались гораздо более высокие показатели заболеваемости цингой. Так в 1909 г. в Вельске цингой заболело 0,6% от всей численности населения города (ВСО ВГ, 1910, с. 242–251).

С одной стороны, небольшие показатели заболеваемости авитаминозами свидетельствуют о сбалансированности традиционного питания и наличии почти полного комплекса необходимых веществ. С другой стороны, даже небольшое количество отмеченных авитаминозов свидетельствуют о наличии некоторых проблем в реализации адаптивной функции местной культуры питания. В частности, можно констатировать недостаточность в структуре питания продуктов, содержащих витамины А и D.

Более того, в начале XX в. в связи с вызванной экономическими причинами перестройкой в структуре питания, эта недостаточность резко увеличилась. К тому же небольшое количество зафиксированных заболеваний авитаминозами было обусловлено еще двумя причинами: 1) фиксировались в основном авитаминозы, перешедшие в стадию заболевания (а не первичные, более легкие их формы); 2) далеко не все случаи заболеваний авитаминозами учитывались, а медицинская статистика сведения о них нередко просто не собирала.

Проблемы авитаминозов были связаны с бедностью значительной части населения (когда хлеба, полученного в собственном хозяйстве, хватало лишь на полгода). Наряду с этим, можно отметить, что некоторая несбалансированность в структуре питания населения была обусловлена спецификой традиционной хозяйственной деятельностью.

Угнетенное состояние здоровья населения было вызвано, в частности, авитаминозами, и в особенности – недостатком витамина А, распространившимся в начале XX в. в связи с развитием маслоделия и сокращением потребления молочных жиров. Авитаминозы, как правило, не заканчивались смертельным исходом, но вели к общему ослаблению организма. То же самое можно сказать про имевшую широкую распространенность в вологодских землях до середины XX в. малярию. Особенности питания приводили также к тому, что большинство населения страдало желудочными болями. Работа «на износ», и сопутствующее ей стремление «отдохнуть» в праздники, максимально полно «подтачивала» здоровье местного населения.

Помимо отсутствия у крестьян представлений о санитарии, особая роль в распространении заразных заболеваний принадлежала народным методам лечения. До появления земской медицины врачебная помощь крестьянам была минимальной, и они пользовались лишь «народными средствами». «Врач выезжал из Кадникова в уезд не для врачебного пособия, а только для судебно-медицинской экспертизы, а крестьяне лечились “своими средствами” или обращались к знахарям. Средства этой самобытной народной медицины были иногда убийственны в буквальном смысле слова и обращали легкую болезнь в неизлечимую. Так, например, от экземы лечились и до сих пор лечатся мочой, нарыв смазывают керосином; напившегося до бесчувствия обваривают кипятком или льют ему в горло мочу; ослепших детей парят в печке, а потом этим же веником парят здоровых детей; белье с больного оспой надевают на здоровых,

жвачкой их кормят здоровых детей для “задабривания оспы”» (Попов, 1909, с. 307).

Влияние природно-климатических факторов сказывалось на жизни людей и опосредованно – через аспекты социальной жизни: необходимость простого выживания в малопригодных для ведения хозяйства условиях трудиться сверхинтенсивно. В отношении трудовых, хозяйственных занятий нужно сказать, что зачастую они были чрезмерными, в связи с необходимостью хоть как-то себя обеспечить необходимыми для жизни продуктами питания в малопродуктивных условиях северной природы. К таким заключениям приходят многие медики, наблюдавшие жизнь и хозяйственные занятия вологодских крестьян в XIX – начале XX в. Плотный график трудовой занятости оставлял мало времени для отдыха, культурной жизни, а в периоды летних сельскохозяйственных работ и для поддержания элементарных санитарных условий жизни. В этом отношении показательны наблюдения П. Грязнова за жизнью населения Череповецкого уезда Новгородской губернии: «Участки Уломский и Лесной ... круглый год работают усиленно, чтобы обеспечить свое существование; в Уломе мы видим, что работа эта чрезмерна и обставлена самым антигигиеническим образом... [Население Уломы] вынуждено работать через силу и прикрываться “общественной волей”, направляемой безысходной нуждой. При таких условиях трудно ожидать, чтобы у крестьянина явились какие-либо другие потребности высшего порядка, другие интересы, кроме добывания пропитания. Единственное время отдыха для него праздники, которыми он разнообразит свою жизнь. Семья для него хоть и составляет источник отрады, но и она с излишним увеличением числа детей производит гнетущее влияние. Весьма часто можно встретить, что матери благодарят Бога, за то, что Он “прибрал” ребенка». Далее он обобщает свои наблюдения: «Вообще жизнь населения крайне монотонна, бедна разнообразием впечатлений и мало дает материалу для умственного развития» (Грязнов, 1880, с. 168).

Е.П. Попов, в своем описании Сычевской волости Вологодского уезда, также отмечал специфику хозяйственно-трудовой жизни местных крестьян и делал вывод о негативных последствиях ее для здоровья населения: «связанное со всеми упомянутыми тяжелыми внешними условиями жизни напряжение хозяйственных сил населения не может не отразиться вредно на его здоровье и благосостоянии» (Попов, 1907, с. 565).

Трудовые занятия поглощали практически все время крестьян (за исключением нескольких праздничных дней, и то по большей части в зимний период). Вот как, к примеру, характеризовалась в этом отношении жизнь крестьян в Кадниковском уезде (в Георгиевском Шурбовском приходе): «Свободного времени у крестьян приходится очень мало. Летом они свободны в одни праздники, и то не всегда, так как имеют обыкновение ходить в праздники на помочи или по найму. А если и остаются дома, то тоже всегда бывают при деле» (АРЭМ. Ф. 7. Д. 251. Л. 8.).

Сочетание неблагоприятного влияния климата и с недостаточным развитием адаптивных механизмов в культуре отражалось на здоровье населения. П. Грязнов при рассмотрении влияния климата на культурное развитие и образ жизни населения дал в своей работе следующее заключение: «Скудная природа, отличающаяся также угрюмым однообразием, не способна развивать эстетические потребности и не может оказывать того живительного действия, какое она несомненно оказывает в более южных местностях; она не может дать пищу воображению и не может доставить собой тех наслаждений, которыми пользуются другие местности. Продолжительная, почти семимесячная зима производит еще более гнетущее влияние; плохие пути сообщения многих частей уезда способствуют изолированности населения. Гнетущая природа и гнетущие материальные условия порождают, так сказать, постоянное мрачное состояние духа, забитость, отсутствие энергии и предприимчивости и сознание безысходности тяжелого положения» (Грязнов, 1880, с. 168–169).

В качестве причин заболеваемости населения Е.П. Поповым было отмечено: «Хронический суставной ревматизм, являющийся следствием простуды во время тяжелой крестьянской работы, почти все время протекающей на открытом воздухе и зачастую под холодным дождем, при резком холодном ветре и т.д. Плохая обувь и недостаточная верхняя одежда, мало защищающая организм от атмосферных влияний, не могут спасти от простудных заболеваний. Также значительно число заболеваний дыхательных органов; большая часть этих заболеваний, как известно, обуславливается простудой. В 1906 г. болезни дыхательных органов составляли 6,3% всех больных и в 1907 г. – 12,5%. На каждую сотню всего населения приходилось в 1906 г. – 3 и в 1907 г. – 6 больных. Нечего и говорить, что холодный север с его резкими ветрами, с сырым влажным воздухом и быстрыми переменами погоды не может не способствовать заболеваниям дыхательных путей. В виду этого, число показанных больных,

надо полагать, далеко ниже действительных, потому что крестьяне считают излишним обращаться в амбулаторию по поводу таких пустяков, как «кашель», «насморк» и пр. Между тем катар дыхательных путей при неблагоприятных санитарных условиях может осложниться такими серьезными и тяжелыми заболеваниями, как воспаление легких, плеврит, туберкулез и т.д.» (Попов, 1907, с. 591).

* * *

Анализируя традиционную культуру вологодского населения, можно отметить одну интересную закономерность: адаптационные механизмы компенсировали в основном наиболее значимые (и опасные) условия среды, а все прочие нередко игнорировали. Жилище и одежда были сконструированы лишь в расчете на сохранение тепла, т.е. защиту от низких температур воздуха, несовместимых с жизнедеятельностью человеческого организма. При этом в жилище, для реализации этой основной функции, создавались новые дискомфортные факторы. В частности, пренебрегали чистотой воздуха, освещенностью помещения и его размерами. Другие факторы среды, не влекущие непосредственного летального исхода, но достаточно неблагоприятные для жизни, адаптивной схемой игнорировались. Например, одежда и обувь не были рассчитаны на постоянные дожди, характерные для местных климатических условий. Малое распространение (а местами и совершенно не в употреблении) имели средства, отпугивающие кусающих насекомых.

Проблема культурной адаптации к условиям окружающей среды не ограничивается только жилищными условиями и особенностями быта. Оптимальная адаптация предполагает также удовлетворение потребностей в определенном уровне физической нагрузки (или наоборот – ограничение предельной нагрузки как физической, так и психологической), солнечной инсоляции, социального общения. Весьма важная составляющая культурной адаптации – обеспечение адекватного питания. Наряду с этим, и сама пища может служить средством адаптации к условиям природной среды. Как известно в условиях холодного климата возрастает потребность организма человека в жирной пище (в связи с высокой энергоемкостью жиров), тогда как в условиях жаркого климата люди неосознанно отдают предпочтение «легкой» пище и много потребляют воды.

В вологодских землях, как и в случае с традиционной материальной культурой, питание не столько было ориентировано на компенсацию не-

благоприятных факторов природной среды, сколько на достаточное обеспечение физиологических потребностей человеческого организма в необходимых веществах. Сформировавшаяся к XIX в. структура питания населения, позволяла в должной мере обеспечить поступление в организм человека всех необходимых пищевых компонентов, чтобы поддерживать жизнедеятельность и сохранять приемлемый (допустимый) уровень здоровья. Питание населения в значительной мере было привязано к системе хозяйственного уклада (включавшей разнообразные источники поступления продуктов питания). Изменение в начале XX в. экономической ситуации, выразившееся в исчезновении ряда источников дохода или снижении их рентабельности, в сочетании с развитием промышленного производства привело к неблагоприятным изменениям в структуре питания населения Вологодской земли. Ухудшение питания отразилось на состоянии здоровья в начале XX в., что выразилось в относительно массовом развитии (для такого вида заболевания) авитаминоза по витамину А (куриной слепоты).

Литература

- Архив Российского этнографического музея (АРЭМ):
Ф. 7. Д. 251. Кадниковский уезд, Георгиевский Шурбовский приход. Корр. А. Малинин. (1898 г.).
Ф. 7. Д. 348. (Калининская вол. корр. А. Жуков, 1898 г.)
Ф. 7. Д. 809. (Череповецкий у.);
ПМА. 1997 г. (Грязовецкий р-н).
Алексеев, 1907. – Об эпидемии брюшного тифа в Лальском врачебном участке, Велико-Устюжского уезда. Санитарно-эпидемического фельдшера Алексеева // Врачебно-санитарный обзор Вологодской губернии. Май 1907 г. Вып. 5. (Сведения за апрель 1907 года). С. 409–416.
Берг Ф.Н. Нечто о древности типа деревянных построек в Важском крае // Памятники древней письменности и искусства. СПб. 1882. Т. 27.
ВСО ВГ, 1906. Краткое санитарное описание местности, наз. «Липки», Шелотской волости Вельского уезда // Врачебно-санитарный обзор Вологодской губернии. Май 1906 г. Вып. 5.
ВСО ВГ, 1910. Распределение заразных заболеваний по уездам и волостям Вологодской губернии за 1909 год // ВСО ВГ. Вып. 3. март 1910 г. С. 242–251.
ВСО ВГ, 1911. Распространение эпидемических заболеваний за 1910 г. // Врачебно-санитарный обзор Вологодской губернии. 1911. Вып. 2. С. 22.
Галюн С.Ф. Медико-топографический очерк западной части Палемской волости Велико-Устюжского уезда // Врачебно-санитарный обзор Вологодской губернии. 1904. Вып. 4. (№ 4 и 5 – за апрель и май 1904 года). С. 1–42.

Грязнов П. Опыт сравнительного изучения гигиенических условий крестьянского быта и медико-топография Череповецкого уезда (с 12 диаграммами и картой). Диссертация на степень доктора медицины Павла Грязнова. СПб., 1880.

Козловский Н.П. Селения Вологодского уезда в санитарно-статистическом отношении за 1873 по 1883 г. // Вологодский сборник. Т. IV. Вологда, 1885. С. 234–271.

Лукачев П. Отчет об эпидемии скарлатины в 5-м врачебном участке Тотемского уезда // Врачебно-санитарный обзор Вологодской губернии. 1907. Вып. 6. С. 182–185.

Максимович М.Н. Медико-топографическое описание Вологодской губернии // Вологодские губернские ведомости. 1848. № 43–47.

Материалы заболеваемости населения Вологодской губернии за 1905 год. По данным карточной регистрации. Год первый. Вологда, б.г. – 89 с.

Попов В. Описание Кокшеньги (Тотемского уезда) // Вологодские губернские ведомости (ВГВ). 1857. № 20–24.

Попов, 1907. Западная часть Сычевской волости Вологодского уезда. (Медико-санитарный очерк эпидемич. врача Е.П. Попова) // Врачебно-санитарный обзор Вологодской губернии. Июль 1907 г. Вып. 7. (Сведения за июнь 1907 года). С. 560–593

Попов, 1909. Север Кадниковского уезда, медико-топографический очерк шести волостей. Санитарно-эпидемического врача Е.П. Попова // Врачебно-санитарный обзор Вологодской губернии. Вып. 2. Февраль 1909 г. С. 276–341.

Пушкарев И. Описание Вологодской губернии, посвященное цесаревичу, вел. кн. Александру Николаевичу. Описание Российской империи в историческом, географическом и статистическом отношении. Т. 1. Кн. 4. СПб., 1846.

Раппопорт П.А. Древнерусское жилище // Древнее жилище народов Восточной Европы. М., 1975. С. 104–155.

Ульяновский, 1907. Эпидемия скарлатины в Тавренгской волости Вельского уезда. Отчет санитарно-эпидемического фельдшера А.В. Ульяновского // Врачебно-санитарный обзор Вологодской губернии. Ноябрь 1907 г. Вып. 11. С. 979–993.

Чтецов, 1907. Скарлатина во 2-м врачебном участке Никольского уезда. Эпидемического фельдшера А. Чтецова // Врачебно-санитарный обзор Вологодской губернии. Август 1907 г. Вып. 8. (Сведения за июль 1907 года). С. 687–690.

Шенников А.А. Длинный дом и крытый двор. (Из истории строительной культуры крестьян лесной зоны Европы до конца XIX – начала XX вв.). СПб., 1992.

Сокращения: ВСО ВГ. – Врачебно-санитарный обзор Вологодской губернии.

**Проблемы естественной убыли населения
Российской Федерации**

(по материалам экспедиций в 1990–2010 гг. в Тверской области)

В последние годы много говорится о демографическом кризисе в России, который некоторые исследователи уже называют катастрофой. С 1986 по 1994 гг. смертность в России выросла с 10,4%, (смертей на 1000 чел. в год) до 15%. С другой стороны с 1987 по 1993 гг. рождаемость в стране сократилась с 2 до 1,3 ребенка (с 17,2 до 9,4 родов на 1000 чел.). Знаковыми в этом отношении оказались годы развала Советского Союза (1991–1992), когда на фоне резкого снижения уровня жизни населения, различного рода стрессов, многочисленных локальных конфликтов, вынужденных миграций, смертность сравнялась с рождаемостью, а вскоре и значительно превысила ее. В 1992 г. смертность достигла 1807, 4 тыс. чел., а рождаемость упала до 1587,6 тыс. чел. Был запущен процесс депопуляции в России, который получил красноречивое название «русский крест» (Вишневский, Андреев, Трейвиш, 2003; Римащевская, 2004). Начиная с 1993 г. по 2009 г. по официальным данным Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации (в дальнейшем – Росстат), в стране ежегодно умирает более двух миллионов человек (Таблица 1), в то время как рождаемость, упав в 1999 г. до нижней отметки в 1214,7 тыс. чел., к 2009 г. смогла подняться лишь до 1761,7 тыс. чел., т.е. до уровня 1991 г.

Основной причиной депопуляции в России является высокая смертность. Уровень рождаемости в Европейском Союзе приблизительно такой же низкий. Но в ЕС 2000-х гг. низкая рождаемость компенсировалась столь же низкой смертностью, благодаря чему здесь наблюдался даже некоторый естественный прирост населения (Халтурина, Каратаев, 2005).

Таблица 1

<i>Рождаемость, смертность и естественный прирост населения в РФ (1950–2009 гг.)</i>			
Годы	Рождаемость (тыс. чел.)	Смертность (тыс. чел.)	Естественный прирост населения ¹
1950	2746	1031	1715,0
1960	2782,4	886,1	1896,3
1970	1903,7	1131,2	772,5
1975	2106,1	1309,7	796,4
1980	2202,8	1525,8	677,0
1985	2375,1	1625,2	749,9
1990	1988,9	1656	332,9
1991	1794,6	1690,7	103,9
1992	1587,6	1807,4	-219,8
1993	1379	2129,3	-850,3
1994	1408,2	2301,4	-893,2
1995	1363,8	2203,8	-840,0
1996	1304,6	2082,2	-777,6
1997	1259,9	2015,8	-755,9
1998	1283,3	1988,7	-705,4
1999	1214,7	2144,3	-929,6
2000	1266,8	2225,3	-958,5
2001	1311,6	2254,9	-943,3
2002	1397	2332,3	-935,3
2003	1477,3	2365,8	-888,5
2004	1502,5	2295,4	-792,9
2005	1457,4	2303,9	-846,5
2006	1479,6	2166,7	-687,1
2007	1610,1	2080,4	-470,3
2008	1713,9	2075,9	-362,0
2009	1761,7	2010,5	-248,8

Источник: Росстат, 2011.

¹ Знак (-) означает естественную убыль населения.

По данным Таблицы 1 нами были построены графики «Рождаемость и смертность в РФ в 1950–2009» (Рис.1). Смертность в России имела тенденцию к снижению только с 1950 по 1960 гг. (в пределах рассматриваемых временных рамок), достигнув минимального значения в 886,1 тыс. чел. в год. Начиная с 1960 г. идет плавный рост смертности, значения которой в 1993 г. преодолевают рубеж в более чем два миллиона человек в год, достигая в 2003 г. абсолютного максимума в 2 млн 365 тыс. чел. Если не считать небольшого снижения этих запредельных значений в 1996–1998 гг., кривая смертности и в 2009 г. по-прежнему показывает превышение над уровнем два миллиона умерших в год. Единственным исключением был 1998 г., когда из жизни ушло (всего!) 1988,7 тыс. человек.

Рождаемость в 1950–1960 гг. приближалась к цифре 3 млн детей в год, но уже в 1970 г. мы видим ее снижение до 1903,7 тыс. детей в год. С этого года обе кривые идут параллельным курсом (растет смертность, но вплоть до 1985 г. растет и рождаемость).

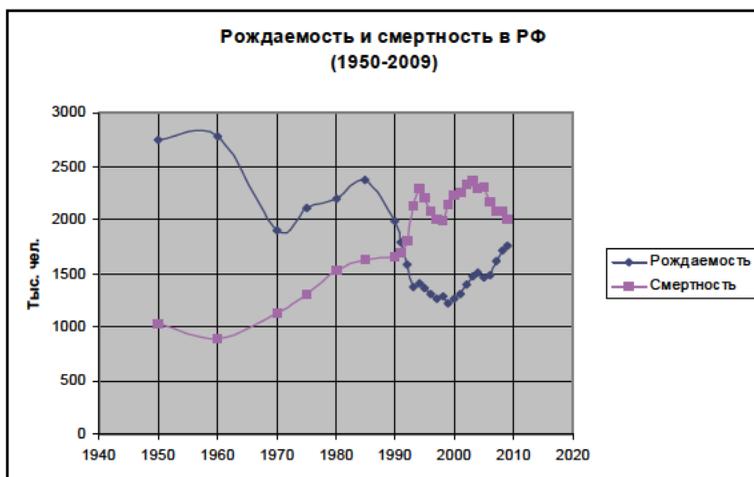

Рис. 1. График построен автором на основании данных Таблицы 1 (Рождаемость, смертность и естественный прирост населения в РФ (1950–2009 гг.).

Обе кривые пересекаются в 1992 г., когда смертность в России (1807,4 тыс. чел.) впервые превысила рождаемость (1587,6 тыс. чел.). Большинство исследователей сходится во мнении, что «русский крест» – следствие распада Советского Союза в 1991 г. Хорошо видно, что на протяжении всех последующих лет, вплоть до 2009 г., смертность превышает рож-

даемость. В конце двухтысячных годов кривые рождаемости и смертности вновь пошли навстречу друг другу, так, что теперь график напоминает не сомкнувшиеся «клещи», верхняя сторона которых (смертность) имеет два пика (1994 г. – 2301,4 тыс. чел.; 2003 г. – 2365,8 тыс. чел.). Нижняя сторона «клещей» – кривая рождаемости – имеет свою минимальную точку в 1999 г. (1214,7 тыс. родившихся детей). Затем рождаемость медленно, но верно начинает увеличиваться, а между тем показатели смертности хоть и снижаются, но отнюдь не так быстро, как хотелось бы.

Легко видеть, что кривые на Рис.1 имеют неоднородный характер – до 1990 г. более плавный, после – более резкий. Это связано с тем, что для их построения мы использовали Базу демографических данных Росстата, в которой представлены показатели естественного движения населения с 1950 по 2009 г. (Табл. 1). При этом с 1950 по 1970 гг. показатели даны с шагом в десять лет, с 1970 по 1990 гг. – раз в пять лет, а начиная с 1990 г. – уже ежегодно. Учитывая это обстоятельство, мы построили отдельные графики «Рождаемость и смертность в РФ (1990–2009)» (Рис. 2).

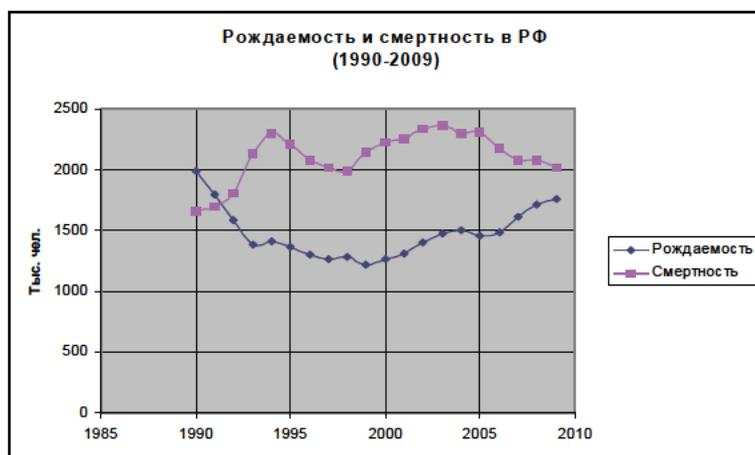

Рис. 2. График построен автором на основании данных Таблицы 1 (Рождаемость, смертность и естественный прирост населения в РФ (1950–2009 гг.).

На них хорошо видно, что после того, как две кривые пересеклись в 1992 г., они довольно резко расходятся. Кривая рождаемости идет вниз, кривая смертности – вверх, достигая пика в 1994 г. (2301,4 тыс. чел.). С этого же года кривые идут параллельно – спад рождаемости продолжается, смертность также идет на убыль. Очередной точкой, в ко-

торой характер кривых меняется, является кризисный 1998 г. Они опять начинают расходиться – рождаемость по-прежнему снижается, достигая своего минимума в после кризисный 1999 г. (1214,7 тыс. родившихся детей), а показатели смертности довольно резко идут вверх, выходя на значения, близкие к максимальным в 2002–2005 гг. (2332,3 – 2303,9 тыс. чел.). С 2000 г. рождаемость, достигнув дна в 1999 г., начинает плавный устойчивый рост, и обе кривые опять идут параллельно до 2003 г., когда рождаемость выходит на плато (с 2003 по 2006 г. рост рождаемости остановился на значениях чуть меньше 1,5 млн детей в год). Начиная с 2005 г. мы видим плавное снижение смертности в РФ, которое, впрочем, в 2009 г. так и не преодолело планку в 2010,5 тыс. чел., что соответствует показателям 1996–1998 гг.

В России естественная убыль населения резко возросла в период с 1993 по 1995 гг. Среднее ее значение за эти годы составило 861,7 тыс. чел. в год, что более чем в четыре раза превосходит убыль населения в 1992 г. В 1996–1998 гг. убыль населения несколько снижается, а с 1999 по 2005 гг. вновь резко возрастает, достигая средних значений 884,9 тыс. чел. в год. Только в 2006 г. начинается ее плавное снижение, достигнув к 2009 г. 248,5 тыс. чел. в год. Это снижение было достигнуто за счет роста рождаемости, а вот добиться снижения смертности по-прежнему не удается. Таким образом, можно констатировать, что в 2009 г. население России уменьшилось «всего» на 248,5 тыс. человек. Безусловно, это лучше, чем максимальная за последние годы убыль 958,5 тыс. человек в год (2000 г.). Но все же это не рост, о котором говорил Д.А. Медведев 30 ноября 2010 г. в ежегодном Послании Федеральному Собранию (Медведев, 2010).

Надежда на увеличение населения в России за счет трудовой миграции не оправдалась. С началом экономического кризиса осенью 2008 г. многие гастарбайтеры, особенно занятые в строительстве, попали под сокращение, и были вынуждены вернуться в места постоянного проживания. Еще меньшее значение для увеличения численности населения России играет программа по возвращению на историческую родину тех граждан бывшего СССР, которые длительное время проживали за пределами Российской Федерации, как правило, в странах СНГ, и которая в настоящее время практически исчерпала свой потенциал.

Предварительные результаты Всероссийской переписи населения, прошедшей в октябре 2010 г. (Российская газета, 2011), показали, что

с 2002 по 2010 г. население страны сократилось на 2,2 млн человек – с 145 млн 166,7 тыс. человек до 142 млн 905,2 тыс. человек, постоянно проживающих в России. Между тем, если суммировать убыль населения с 2002 по 2009 гг. по текущим данным, размещенным на сайте Росстата (Таблица 1), то получится цифра 5 млн 231,4 тыс. человек. Это несоответствие объясняется тем, что данные Росстата по текущей статистике естественной убыли населения даются по разнице рождаемости и смертности, в то время, как данные переписи учитывают миграционные потоки.

Из всех Федеральных округов РФ рост показали всего два – Центральный (1,2% до 38,4 млн человек) и вновь образованный (19 января 2010 г.) Северо-Кавказский (на 6,3%, до 9,49 млн). Все остальные округа показали убыль населения – Приволжский (-4%, 29,9 млн), Сибирский (-4%, 19,25 млн), Северо-Западный (-2,8%, 13,58 млн), Уральский (-2,4%, 12,08 млн), Дальневосточный (-6%, 6,29 млн), Южный (-0,8%, 13,85 млн) человек. Учитывая то обстоятельство, что Москва, население которой с 2002 по 2010 год выросло до 11 млн 514 тыс. человек (на 10,9%), входит в ЦФО, понятно, что рост народонаселения в округе шел почти исключительно за счет Москвы, принимающей большое число мигрантов. Таким образом, можно сделать вывод о том, что рост численности населения, за счет роста рождаемости, имеет место только в Северо-Кавказском ФО.

В последние десятилетия для развитых стран характерно снижение рождаемости, демографический переход от традиционного типа воспроизводства народонаселения к малодетным семьям. Простой и особенно суженный тип воспроизводства меняют все параметры демографической структуры популяций (Спицына, 2006, с. 159). Эта тенденция наблюдается теперь даже в тех странах, для которых раньше были характерны большие семьи. Так, было установлено, что в большинстве сел Абхазии более половины (в некоторых селах до 2/3) хозяйств не имеет детей младшего и школьного возраста. Среди причин снижения прироста, прежде всего сельского населения, в республике исследователи называют как общие для других территорий (снижение уровня рождаемости и выезд на заработки), так и характерные только для Абхазии традиции длительного (многолетнего) соблюдения траура по погибшим (умершим) родственникам (Дубова, 2008, с. 45).

По данным Росстата, продолжительность жизни мужчин в 2009 г. составляла 62,77 года, женщин – 74,67. Получается, что среднестатистическая женщина в России живет на 12 лет дольше среднестатистического мужчины. Правда, этот разрыв со временем сокращается (в 2005 г. он составлял 13,5 лет). Чем же можно объяснить этот феномен «сверхсмертности российских мужчин»? Обратимся к показателям смертности от случайных отравлений алкоголем, которые, безусловно, вносят весомый вклад в статистику мужской смертности в России. Демографы подчеркивают, что вопрос о влиянии алкогольных напитков на здоровье не такой простой и однозначный, но «можно считать установленным, что наибольший вред приносит частое употребление крепких напитков, таких, как ром, виски, водка, коньяк, арака и т.д. К вызываемым им болезням относятся алкогольные психозы, невриты, цирроз печени, сердечно-сосудистые болезни, а также общее понижение духовных и телесных способностей, отражающееся на всей жизнедеятельности и облегчающее действие других факторов заболеваемости и смертности (Козлов, 1969, с. 228). По данным Росстата, доля нелегального рынка алкогольной продукции на российском рынке превышает 30%. Производится этот алкоголь иногда на тех же предприятиях, что и легальная продукция. Часто процесс производства сводится к тому, что в бутылки наливают различные технические жидкости, содержащие некоторое количество алкоголя, наклеивают этикетки, поддельные акцизные марки и продают по демпинговым ценам. В результате употребления таких напитков у людей случаются отравления, тяжелые поражения внутренних органов, психические расстройства. Нередки и летальные исходы.

В России, при фактическом отсутствии монополии государства на производство и продажу алкоголя (формально монополия государства на водку, через год после ее отмены, была вновь введена указом Б.Н. Ельцина от 11 июня 1993 г.), качество водки резко ухудшилось. Кроме того, малообеспеченные слои населения предпочитают суррогатный алкоголь, как более дешевый. Все это, наряду с другими причинами, привело к резкому росту смертности, прежде всего, среди трудоспособного мужского населения. Так, в России смертность только от случайных отравлений алкоголем, с 1990 по 1994 г. выросла более, чем в три раза (с 16,1 тыс. чел. по 55,5 тыс. чел.) и с небольшими колебаниями продолжает сохраняться на этом же уровне. Только за 2009 г. этот показатель снизился до 21,3 тыс. чел. в год (табл. 2). В середине 1990-х, также, как в середине

2000-х гг. наблюдался существенный рост смертности от отравления алкоголем.

Таблица 2.

<i>Число умерших в Российской Федерации от случайных отравлений алкоголем за год</i>			
Годы	Все население	Городское население	Сельское население
1990	16056		
1991	16653		
1992	26209		
1993	45425		
1994	55473		
1995	43461		
1996	35233		
1997	27 924	19642	8282
1998	26065	18601	7464
1999	29872	21481	8391
2000	37214	26948	10266
2001	41091	29346	11745
2002	44698	31196	13502
2003	45049	30889	14160
2004	42715	28967	13748
2005	40877	26890	13987
2006	32982	21779	11203
2007	25202	16851	8351
2008	23947	15783	8164
2009	21337	13982	7355

Источник: Росстат, 2011.

Если рассматривать динамику этой смертности (Рис. 3), то хорошо видно, что первый, наиболее резкий рост ее значений начинается в 1990–1992 гг., когда шел процесс распада Советского Союза, достигая максимума 55 473 чел. (1994), а очередной подъем четко совпадает с дефолтом 1998 г., выходя на максимальные значения в 45 тыс. чел. в 2003 г., и постепенно снижаясь к 2009 г. Эти пьяные «русские горки» четко совпадают с кризисными моментами в жизни страны и определяют рост, прежде все-

го мужской смертности и крайне низкую у них же среднюю продолжительность жизни. Мы видим, что с 2002 по 2009 г включительно, количество смертельных случаев от отравления алкоголем в сельской местности относительно города возрастает до 50%, в то время, как по предварительным данным переписи 2010 г. в сельской местности живет всего 26,3% населения страны. Следовательно, можно сделать вывод, что в сельской местности пьют значительно больше, чем в городах.

Рис. 3. График построен автором на основании данных Таблицы 2 (Смертность от случайных отравлений алкоголем в РФ за 1990–2009 гг.).

По данным Росстата, в 2005 г. от употребления алкоголя в стране умерли 105 тыс. чел. Отравились спиртосодержащей продукцией 40,8 тыс., а у 38 тыс. любителей зелья не выдержало сердце. Но и эти данные врачи считают заниженными как минимум в несколько раз. «В стране не проводятся серьезные социологические исследования по проблемам алкоголизации населения, – считает главный врач московского наркологического диспансера № 5 профессор Игорь Рубченко – Предполагаю, что все официальные цифры статистики можно смело умножить на 20–30, а то и на сто. Тогда, возможно, узнаем точное число смертельных исходов от алкоголя. Ведь даже инфаркты и новообразования могут случиться по причине неумеренного питания. Кстати, если проанализировать больничные листы, которые выдаются по понедельникам, то увидим: обострения заболеваний сердца, почек, печени связаны с воскресными возлияниями» (Соловьева, 2006).

Ведущие исследователи обращают внимание на необходимость изучения не только биологических, но и социальных факторов в демографической структуре и естественном движении населения (Алексеева, 2003, с. 17; Козлов, 1969, с. 205). Рассмотрим подробнее отдельные социально-экономические процессы, которые характерны для сельской местности России в последние десятилетия. В некоторых селах практически не осталось старожилов, а большинство жителей приезжают из городов только на летнее время. Разрушена инфраструктура советского времени, а новая еще только создается, в основном в районных центрах. Особенно сильно эти процессы затронули сельскую местность в Центральном и Северо-Западном регионах России. Клуб путешественников «Зюд-Вест» при центре образования № 109 Юго-Западного округа г. Москвы² с 1990 г. организует ежегодные комплексные эколого-исторические экспедиции, которые проходят в сельских районах Верхней и Средней Волги. Обследования проводятся по программам, включающим историко-этнографический, социально-экономический и экологический блоки. Курсанты Клуба подробно опрашивают старожилов – людей, которые родились и продолжают жить в данном населенном пункте.

История села, коллективизация, предвоенные годы, Великая отечественная война, послевоенное время, перестройка и современное состояние дел – вот некоторые вопросы, которые интересуют курсантов Клуба путешественников. Один из блоков программы посвящен традиционным праздникам, пище и напиткам, ремеслам и традиционным занятиям сельчан. Изучается также история семьи старожила, судьба священников и сельской интеллигенции. После того, как опрос по программе завершается, подростки задают старожилам дополнительные вопросы, а иногда просят показать дом, усадьбу и приусадебное хозяйство. Нам представляется интересным рассмотреть некоторые социально-экономические и демографические процессы, которые происходят, в частности, в сельской местности Тверской области (Калязинский и Кашинский районы) в последние десять-двадцать лет, и которые в значительной степени характерны для большинства областей Центрального Федерального округа.

² Руководитель Клуба путешественников «Зюд-Вест» - Владимир Анатольевич Музалев. Директор Центра образования № 109 – Евгений Александрович Ямбург.

Тверская область – одна из тех территорий, на которой формировалось ядро русского государства. В средние века Тверское княжество было таким же сильным, как Московское. На его землях возник один из крупнейших и богатейших в Древней Руси первоклассный Троицкий Макарьев мужской монастырь, основанный на левом берегу Волги не позднее 1434 г. преподобным Макарием Калязинским, который пришел в эти места из кашинского Николаевского Клобукова монастыря. Постепенно вокруг монастыря стали возникать слободы (Троицкая и Рождественская), в которых жили служки и мастеровые люди, работавшие в обширном монастырском хозяйстве. В Писцовых книгах мы находим подробные записи о том, кому принадлежали окружающие монастырь земли. Самым крупным землевладельцем был Троицкий Макарьев монастырь. В Жабенском и Нерехотском станах Кашинского уезда он владел десятью селами и тремя приселками (Крылов, 2008, с. 11). Одни села были жалованы монастырю Иваном Грозным (село Городище с деревнями по жалованной грамоте 1544 г.), другие – боярам и думным дьякам «за Московское сидение» отказал еще его отец.

Пашины, леса и рыбные ловли в округе принадлежали не только Калязинскому Макарьеву, но и московским монастырям, в частности, кремлевским Вознесенскому и Чудову, а также Троице-Сергиеву. В Кашинской Писцовой книге читаем: «...да у монастыря ж рыбные ловли в реке в Волге плеса вверх по Романцево, а вниз до Троецкие вотчины Сергиева монастыря до села Прилук, да у монастыря ж за подем роща сосновая в длину на три версты, а поперек на две версты, да под монастырем пашины паханнью» (Крылов, 2008, с. 250).

Крестьяне на этой территории несколько веков занимались земледелием, рыбной ловлей, бортничеством. На протяжении столетий жизнь людей определялась здесь, прежде всего, близостью главной водной артерии страны – Волги и ее притоков. На заливных лугах выпасали скот, который давал высокие надои. В реках в любое время года можно было наловить рыбы, которая, вплоть до 1960–70-х гг., являлась существенным подспорьем повседневного и праздничного стола местных жителей (Григулевич, 2003, с. 333). В лесах и на болотах люди собирали грибы и ягоды. В XIX веке среди местных промыслов наиболее выделялось кузнечное производство и домашнее кружевоплетение, которым занимались до тысячи мещанок (Ерохин, 2010, с. 27). Многие крестьяне также занимались традиционными ремеслами

(для Калязина и Кашина это и по сию пору валяльный промысел, но уже не ручной, а фабричный). В 1777 г., во время губернской реформы, правобережную Никольскую и левобережные Троицкую и Рождественские слободы объединили в уездный город Калязин. В отличие от других вновь образованных городов, в которых хоть и велось каменное строительство, главным образом в их центральных частях, а в основном преобладали деревянные постройки, в Калязине же в XIX– начале XX века было сооружено большое число каменных общественных зданий и частных особняков. Если в других волжских городках число каменных зданий достигало нескольких десятков, то в Калязине их было более двухсот (Ерохин, 2010, с. 29).

Наши респонденты рассказывают, что в первые годы советской власти во времена военного коммунизма крестьяне были разорены. В 1920-е гг., с введением новой экономической политики и заменой продразверстки продналогом, ситуация довольно быстро выправилась. Но политика эта продлилась всего несколько лет. В начале 1930-х гг. началась коллективизация, которая во многом нарушила жизнь сельских общин, крестьяне лишились своего имущества и были вынуждены передать его в общее пользование.

Главное событие, повлиявшее на социально-экономическую, экологическую и духовную жизнь региона произошло в 1930-х–1940-х гг., когда было принято решение о строительстве на Волге каскада гидроэлектростанций и затоплении обширных приволжских территорий водохранилищами. Это строительство объяснялось необходимостью наращивать энергетический потенциал страны, а также сделать Волгу судоходной в верхнем ее течении. Кроме того, Москва уже давно испытывала дефицит питьевой воды. Когда трудами, в том числе и многочисленных заключенных, этот грандиозный замысел был осуществлен, экологическая и социально-экономическая ситуация на этой территории кардинально изменилась.

После перекрытия Волги в Угличе плотинной ГЭС, построенной в 1935–1941 гг., образовалось Угличское водохранилище, под воду которого ушло около ста деревень и сел, тридцать городских и сельских храмов, два древних монастыря. Только в границах Кашинского и Калязинского районов было полностью затоплено тридцать два села и восемь были затоплены частично. В зоне затопления было разрушено двенадцать церквей. В восьми километрах от Калязина ушло под воду древнее село Городищи с храмами Богоявления (1896) и Александра Невского (1865) (Ерохин, 2010, с. 34). Были затоплены также заливные луга, составлявшие основу молочного животноводства края. В зону разлива Угличского водохранилища попали многие исторические памятники и христианские святыни, в частности, Свято-Троицкий Макарьев монастырь. Существовал проект сохранения этого выдающегося ансамбля русского допетровского церковного зодчества, но в целях экономии решено было его разрушить. Затопленной оказалась также большая и лучшая часть города Калязина, а его

Рис. 4. Центральная часть г. Калязина с Никольским собором и колокольней. Фото XIX в.

визитной карточкой на долгие годы стала выступающая из воды колокольня городского Николаевского собора (Рисунок 4). Уездный город Калязин формировался в свое время вокруг Свято-Троицкого монастыря. С разрушением последнего фактически пошел процесс распада города, который когда-то возник, как монастырская слобода. В наши дни Калязин являет собой печальное зрелище – не город и не деревня. Отсутствует единая объединяющая городская доминанта – как в архитектурном, так и в духовном плане. Старинные особняки на

центральной улице, уходящей прямо в волжские воды, полуразрушены, дороги и городская больница в плачевном состоянии. А ведь когда-то это был один из красивейших и богатейших городов на Верхней Волге. Его набережную украшали каменные особняки купцов и местной знати, многие из которых погрузились в волжские воды после разлива водохранилища в 1940 г.

Разлив Волги оказал значительное влияние на экологию региона: начались процессы заиливания прибрежных территорий, что привело к резкому сокращению рыбных запасов. Многочисленные плотины являются существенным препятствием для рыб, идущих на нерест. В последние несколько лет возникла еще одна проблема: рыбаки используют дешевые мелкоячеистые сети, как правило, китайского производства, в которые попадают как взрослые рыбы, так и мальки различных пород (ПМА, 2011). Таким образом, подрывается основа для воспроизводства рыбных запасов и местное население практически лишилось привычной для себя и, что в наше время особенно важно – практически бесплатной, добавки к основному рациону.

После того, как вода в Волге поднялась, климат стал более влажным, но были и свои плюсы – река стала судоходной на большей части своего русла. Разветвленные водные маршруты облегчали местным жителям передвижение по территории области. В 1990-е гг. эта транспортная инфраструктура была разрушена, а на создание новой нет средств. Во время полевых исследований в июне 2010 г. для того, чтобы добраться от г. Кашина до села Покровского, что расположено в двух с половиной километрах, нам пришлось идти пешком под сильным дождем практически по бездорожью. Старожилы рассказали, что местные жители вынуждены ежедневно добираться до города пешком в любую погоду.

Многие уроженцы этих мест ушли на войну и не вернулись, а те, кто пережил военное лихолетье, голодали в послевоенные годы, но, несмотря на это, по словам наших респондентов, подавали хлеб проходившим через их село нищим (ПМА, 2010). Строились железнодорожные и автомобильные мосты через Волгу, от Углича к Москве во время войны тянули высоковольтную линию, единственную, по которой город снабжался электроэнергией все военные годы. При этом электричество у людей, которые ее строили, появилось только в середине 1960-х гг.. А до этого они коротали вечера при керосиновых лампах (ПМА, 1993, 2008). Эти районы не были захвачены фашистами, которые безуспешно старались разбомбить стратегический железнодорожный мост в

районе современной деревни Кочеватово (бывшее село Устье), недалеко от впадения реки Кашинки в Волгу.

В послевоенные годы в регионе было развито льноводство, а также выращивали пшеницу, рожь, овес, гречиху, другие культуры. К началу двухтысячных годов многие колхозы перестали существовать, большинство животноводческих ферм закрыты, да и работать на них некому – молодежь уехала (в основном – в Москву и Санкт-Петербург), а старики в лучшем случае возделывают свои участки. Многие земли, по словам местных жителей, заброшены и не обрабатываются. В 1990-е годы бывшим колхозникам раздали по девять гектар земли, которые предприимчивые люди скупили по низким ценам, пользуясь бедственным положением сельчан. Отсутствует медицинская помощь (раньше в селах был врач или фельдшер, медпункт и акушерская помощь). Мало магазинов и аптек. Да это и понятно – раньше деревни и села были многолюдные, а теперь – обезлюдели. Люди вынуждены за всем этим ехать в райцентры. А так как в селе остаются жить круглогодично, как правило, старики, то куда-то поехать для них проблематично: водный транспорт, когда-то основной в этих местах, перестал существовать, а на такси или автобус нет денег, а зачастую нет и самого автобусного маршрута. Особенно тяжело зимой, когда в селе остаются два-три местных жителя, практически оторванные от «большой земли».

В 1990-х гг. в тех селах, которые располагаются по берегам Волги и ее притоков, начался процесс выкупа домов городскими жителями (в основном москвичами и питерцами) под дачи. В целом это положительная тенденция, потому что хотя бы летом эти деревни становятся сравнительно многолюдными, да и местные жители могут подработать на стройках или продавать сельхозпродукцию соседям-горожанам. Но обратная сторона этого процесса в том, что на исконно русской территории, всего в 175 км от Москвы, деревни и села теряют свой традиционный облик и постепенно превращающиеся в обычные дачные поселки (Рисунок 5). Деревни же, которые расположены в отдалении от водных артерий, в зимнее время иногда полностью вымирают. Летом туда приезжают, как правило, только местные жители, использующие свои дома, как дачи. Из двухсот-трехсот домов в селе могут оставаться только пять-десять. Так, когда-то большое село Покровское в Кашинском районе, которое мы обследовали в июне 2010 (ПМА, 2010), сейчас представляет собой несколько хуторов с отдельно стоящими до-

мами местных жителей. В то же время в небольшом селе Спас как было, так и осталось пятнадцать домов, а вот немногочисленные старожилы уже давно почти все стали москвичами и приезжают в родительские дома только летом.

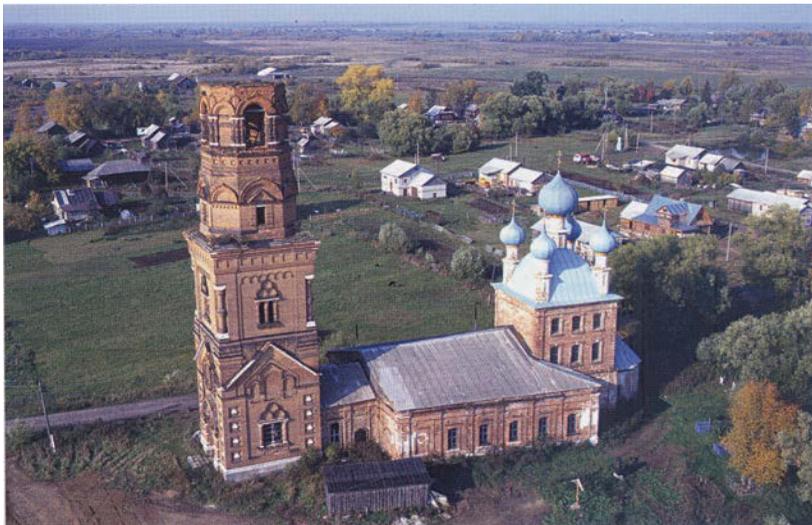

Рис. 5. Село Прилуки. Церковь Рождества Христова (1758) и колокольня (начало XX в.). Фото С.И. Метелица, Н.И. Палькин.

Не многим лучше дело обстоит и в районных центрах. В Калязине до сих пор отсутствует магистральное газоснабжение, в домах горожан нет горячей воды, и моются они в единственной в городе бане. Большие проблемы в регионе с занятостью, особенно молодежи. Если посмотреть на данные Росстата по численности безработных в Тверской области за 1996–2010 годы (Таблица 3), то видно, что цифры очень разнятся по месяцам, иногда отличаясь в два раза. Посчитав средний показатель за месяц, мы увидели, что он неуклонно уменьшался с 17,2 тыс. чел. (1996) до 5,1 тыс. (2001) и оставался приблизительно на этом уровне до 2008 года с минимальным показателем в 4,9 тыс. безработных в месяц. После кризисные 2009–2010 годы показывают более чем двукратное, по сравнению с этим, увеличение безработицы в области. Люди вынуждены либо работать не по специальности, либо уезжать в поисках заработка в крупные города, прежде всего в Москву.

Таблица 3.

Численность безработных граждан, в тысячах человек, Тверская область															
	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010
январь	14,9	20,1	10,2	11,2	6,3	5,4	6,1	6,3	5,4	8,7	7,2	6,3	5,1	9	15,3
февраль	16,2	20,4	10,2	11,2	6,2	5,6	6,4	6,7	5,3	9	7,6	6,3	5,3	11,5	16
март	17,2	19,7	10,1	10,8	6	5,6	6,3	6,5	5,2	8,7	7,3	6	5,1	12,8	15,2
апрель	18	18,6	9,7	10,1	5,6	5,4	6,1	6,2	4,9	8	6,9	5,4	4,9	14	14,5
май	17	16,7	9,1	9,1	5	5	5,6	5,6	4,6	7,2	6,3	5	4,7	13,9	13,3
июнь	16,3	15	8,7	8	4,8	4,6	5,3	5,2	4,6	6,6	6	4,8	4,4	13,4	12,2
июль	16,7	13,6	9	7,5	5	4,6	5,3	5,3	5,5	6,5	6,2	4,9	4,6	14	11,8
август	17	12,8	9,2	7,1	5,2	4,7	5,5	5,3	6,8	6,4	6,1	5	4,6	13,7	11,1
сентябрь	17	11,6	9,3	6,5	5,3	4,6	5,4	5,1	8,2	6,2	5,8	4,9	4,4	13	10,3
октябрь	17,5	10,8	9,7	6,2	5	4,6	5,5	5,1	8,8	6,2	5,6	4,8	4,4	13,2	9,8
ноябрь	19	10,4	10,5	6,1	5,2	5	5,6	5,2	8,4	6,6	5,7	5	4,8	13,7	9,8
декабрь	19,7	10,3	11	6,4	5,4	5,7	6,1	5,6	8,5	7,1	6,5	5,3	7,1	15	10,5
Ср. зн.	17,2	15,0	9,7	8,3	5,4	5,1	5,7	5,6	6,3	7,2	6,4	5,3	4,9	13,1	12,4

Источник: Росстат, 2011.

Ситуация в Кашине несколько лучше, чем в Калязине. Он расположен на живописных берегах реки Кашинки в нескольких километрах от ее впадения в Волгу и не был затоплен водами Угличского водохранилища. Сохранилась историческая планировка и большинство памятников архитектуры. Городские власти восстанавливают храмы, возвращают верующим культовые здания. 25 июня 2009 г. в городе прошли торжества, приуроченные к столетию повторного прославления благоверной великой княгини и инокини Анны Кашинской (1280-1368), которая является святой покровительницей Кашина. В городе действуют три монастыря и множество храмов (Рисунки 6). При наличии нормальных дорог и соответствующей инфраструктуры у Кашина есть реальные шансы быть включенным в туристическое «малое Золотое кольцо».

Рис. 6. Город Кашин. Вид на реку Кашинку.

Одной из важнейших составляющих работы Клуба путешественников «Зюйд-Вест» в обследуемых селах является установка поклонных крестов на месте разрушенных храмов, причиной сноса которых чаще всего являлось предстоящее затопление территории. Предварительно во время опросов старожиллов исследуется история храма и приблизительное место его нахождения. Установка поклонного креста на месте, где когда-то находился

престол разрушенного храма – не только древняя традиция, но и первый шаг к его восстановлению. Пока живы местные жители, которые помнят, где находился разрушенный храм, во имя кого он был освящен, когда и кто его разрушал, очень важно собрать эти сведения (Птицын, 2000, с. 103; Птицын, 2005, с. 29). В июне 2010 г. в селе Троицкое мы ставили уже второй поклонный крест на месте разрушенного храма. В советское время в этом селе было разрушено два храма, что косвенно свидетельствует о его когда-то больших размерах. В Кашинской Писцовой книге 1627 г. (л. 269, № 158) имеется следующая запись: *«За Левонтьем Петровым сыном Тучковым старая ево вотчина половина села Троецкого на реке на Кашине а в нем церковь во имя Живоначальные Троицы древяна верх шатров да другая церковь во имя введения Пречистые Богородицы строение вотченниково»* (Крылов, 2008, с. 40). Эти дере-

вянные когда-то церкви затем многократно подновлялись и перестраивались, о чем говорит, например, запись о селе Троицком в клировой ведомости 1796 г.: «*Церковь Троицкая с прид. Казан. Б.М., деревянная, постройки 1753 г., возобновлена 1793 г., священник Иван Иванов...*». Потомки владельцев села Троицкого, генералы братья Тучковы, стали героями Отечественной войны 1812 г. Печально, что в их родовом селе Троицком, которое раскинулось на высоком берегу Волги и не попало в зону затопления Угличского водохранилища, все-таки были разрушены оба храма (ПМА, 2010). Сейчас в селе Троицком круглый год живут всего три семьи пожилых старожилов, и летом приезжают дачники, купившие деревенские дома.

Что касается демографической ситуации в регионе, то она и в советское время была не простой. Так, если естественный прирост в расчете на 1000 человек населения (промилле) в целом по Российской Федерации в 1970 г. составлял 5,9%, то в Тверской области уже имела место убыль – 1,0%. В 1990 г. этот разрыв составлял 2,2 и -3,4%, а в 1992–1993 гг. началось обвальное падение, которое достигло максимума в 2000–2005 гг. (-15,2%), в то время как максимальное падение по РФ в те же годы составило -6,6% (2001 г.) (Росстат, 2011). То есть население Тверской области уменьшалось в два раза быстрее, чем в среднем по России.

Особенно сложная, чтобы не сказать, трагическая ситуация складывается в сельской местности региона. Там, так же, как в большинстве регионов Российской Федерации, естественная убыль населения превышает среднюю величину по региону в 1,5-2 раза. В Тверской области эти цифры в 2002–2003 гг. достигали -23,1–23,0%, что составило своеобразный печальный рекорд убыли сельского населения в субъектах России, уступив абсолютное первенство только Псковской области, где с 1993 по 2006 гг. население уменьшалось еще более быстрыми темпами (-25,6% в 2003 г.). В последние годы ситуация несколько улучшилась, но цифры убыли населения в Тверской области по сравнению со средними по России, тем не менее весьма высоки, превышая последние в пять раз (-8,9% /-1,8% в 2009 г.), а вот в сельской местности они больше средних уже почти в семь раз (-14,3% /-2,4%).

Рост показателей смертности в области начался в 1992/1993 гг., достигнув максимального значения в 35 410 человек в 2002 г. (Росстат, 2011). Увеличение шло за счет роста смертности от внешних причин, от болезни системы кровообращения, органов пищеварения и отравлений алко-

голем, в то время как показатели смертности от новообразований и болезней органов дыхания стабильно уменьшались (первые с 2000 г., вторые – с 2006 г.) Убыль населения в области определяется, прежде всего, высокой смертностью, а вот показатели рождаемости в наше время практически совпадают со средними по Российской Федерации. Так, суммарный коэффициент рождаемости по РФ в 2009 г. составил 1,54 (1,41 в городе и 1,9 в сельской местности). В Тверской области в 2009 г. он составил 1,49 (1,32 в городе и 2,02 в сельской местности). Между тем, по словам наших информаторов, еще в довоенное и даже голодное послевоенное время в области нередки были семьи с 5-7, или даже 11 детьми. Сельский учитель Иван Макарович Прянный перевелся в село Никольское в январе 1946 года. В то время в селе было четыре школьных здания, в которых обучались 170 детей. Обучение проходило в две смены. В каждом классе помещалось по 35-40 человек. В 1975 году школу закрыли, все здания сломали и объединили с соседней восьмилетней школой – Фроловской. Объединенные школы насчитывали вместе уже только 72 человека.

Необходимо подчеркнуть, что рост рождаемости, который имеет место в Российской Федерации с начала двухтысячных годов, объясняется, прежде всего, тем, что в детородный возраст вступило более многочисленное поколение, рожденное в начале – середине 1980-х гг. Ведущие демографы предостерегают, что простое воспроизведение, когда на женщину приходилось два ребенка, в условиях убыли населения уже недостаточно. В ближайшие годы показатели рождаемости могут пойти на убыль, так как в детородный возраст вступает более малочисленное поколение россиян, которые появились на свет в начале 1990-х годов.

Убыль населения в Тверской области, также как и в ряде других областей Центрального и Северо-Западного регионов России, ведет к другим, не менее серьезным проблемам. В тех селах, где еще сохранились школы, в классах остается всего по несколько учеников и в перспективе их ждет закрытие². А это новые социальные проблемы, как для сельской интеллигенции, так и для детей, которые вынуждены переходить на обучение в интернаты или ездить в другие села. Сегодня сельская школа в таких регионах, как Тверская область, где убыль населения идет опере-

² 25 августа 2010 г. замминистра образования и науки РФ Юрий Сентюрин заявил, что в текущем году сеть образовательных учреждений в России по сравнению с прошлым годом сократилась на 2284 единицы, среди которых 1875 – сельские школы.

жающими среднестатистические темпами – это, зачастую, единственное социальное учреждение, вокруг которого консолидируется местное население. Это и островок культуры (библиотеки и сельские клубы давно приказали долго жить) и единственный «якорь», которым еще можно привязать людей к жизни именно в данном населенном пункте. В таких школах работают учителя, воспитавшие несколько поколений сельчан, к которым местные жители относятся, как правило, с огромным уважением. Распад образовательной инфраструктуры в сельской местности заставляет людей перебираться в города, что ведет к еще большему сокращению сельского населения в регионе.

В свое время эта территория, как и другие, расположенные на Верхне-Волжской возвышенности, была принесена в жертву для решения задач, стоявших перед Московским и другими регионами. Экологические и социально-экономические проблемы в сельской местности Тверской области не решались много лет. Кризис, возникший в связи с развалом СССР и последовавшими социально-экономическими вызовами, сыграл решающую роль в запуске механизма катастрофического снижения численности населения, прежде всего, в сельской местности области. Когда-то богатая земельными и людскими ресурсами территория превращается в депрессивный регион, ежегодно теряющий население из-за высокой смертности и миграции трудоспособного населения. Отдельная и очень серьезная проблема – гибель сельских поселений, существовавших на этой земле как минимум двести–триста, а то и более лет, переживших немало нашествий, войн, экологических и политических катастроф. Необходимо кардинально менять политику государства в части обеспечения современного, достойного граждан страны уровня здравоохранения, образования, транспортного обеспечения, современной связи, наличия рабочих мест, создания условий для стабилизации, а затем и роста численности населения в Тверской и других областях Центральной России.

Литература

Алексеева Т.И. Антропо-экологические исследования народов России и сопредельных стран // Историческая экология и историческая демография. М., «Российская политическая энциклопедия». 2003.

Вишневский А.Г., Андреев Е.М., Трейвиш А.И. Перспективы развития России: роль демографического фактора. М., 2003

Григулевич Н.И. Этническая экология Поволжья: последствия нерационального природопользования // Историческая экология и историческая демография. М., «Российская политическая энциклопедия». 2003.

Дубова Н.А. Динамика численности, движение населения и некоторые другие аспекты демографических процессов в современной Абхазии // Этническая экология: народы и их культура. М., ИЭА РАН, 2008.

Ерохин В.И. Города под водой. Путешествие по затопленным берегам Верхней Волги. – Тверь: «Гранд-Холдинг», 2010.

Козлов В.И. Динамика численности народов. М., «Наука». 1969.

Крылов Л. Материалы для истории церквей и монастырей г. Калязина и Калязинского уезда // Забытые страницы истории. Кн. 3. / Сост. С.В. Кустов. – Тверь: Из-во СФК-офис, 2008.

Медведев Д.А. Послание Федеральному собранию // Российская газета. 1 декабря 2010, № 271 (5350).

ПМА (в дальнейшем – полевые материалы автора), июнь 2008, Тверская область, Кашинский район, деревня Кочеватово.

ПМА, июнь 2010, Тверская область, Кашинский район, село Покровское.

ПМА, июнь 2010, Тверская область, Кашинский район, село Троицкое.

ПМА, июнь 2011, Тверская область, Кашинский район, село Белеутово.

Птицын В.А. Воздвижение школьниками православных крестов // Вышенский паломник, №1, 2000.

Птицын В.А. Проектирование и изготовление православных крестов с использованием древнерусской системы мер длины // Исследовательская работа школьников. №1-2, 2005.

Римашевская Н.М. Социально-экономические и демографические проблемы современной России. Вест. РАН. 2004. Т. 74. № 3.

Российская газета. 28 марта 2011, № 5440 (64)

Росстат, 2011. База данных Федеральной службы государственной статистики // Смертность по основным классам причин смертности, <http://www.gks.ru/dbscripts/Cbsd/DBlnet.cgi>.

Росстат, 2011. Численность безработных граждан, Тверская область (<http://www.gks.ru/dbscripts/Cbsd/DBlnet.cgi>)

Соловьева И.А. Похмельный синдром. В борьбе с алкоголизмом врачи остались одни // Российская Газета. 4 октября 2006, № 4187.

Спицына Н.Х. Демографический переход в России. М., 2006.

Федеральная служба государственной статистики (Росстат), 2011 (<http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/rosstatsite/main/>)

Халтурина Д.А., Коротаев А.В. Демографический кризис в России: причины и пути преодоления. 2005, http://www.narkotiki.ru/research_5917.html).

**Антропогеографические исследования Украинских Карпат
и перспективы синтеза географических и
этнографических методов работы**

Мировая наука прошла несколько стадий своего развития от философии и схоластики до узкой специализации и дифференцированности научных отраслей. Каждая стадия, вероятно, была оправдана и своевременна для своей эпохи, однако опыт научного поиска неуклонно ведет к интеграции наук, созданию синкретических дисциплин. Уже во второй половине XIX в. возникли первые попытки объединения различных отраслей знаний, наиболее бурно этот процесс шел в XX в. В данной статье мы хотим рассмотреть одну из таких наук, ныне почти забытую – *антропогеографию*, историю антропогеографических исследований и перспективы их возрождения и развития, на примере изучения Украинских Карпат.

Фокусируясь на проблематике антропогеографии, в первую очередь следует упомянуть отца современной антропогеографии Фридриха Ратцеля (1844–1904 гг.). Антропогеография рассматривалась Ратцелем как составная часть биогеографии, где без *человеческого духа* невозможно получение *полной картины земли*; понималась как динамическая наука, которая призвана высветить естественную и культурную историю человечества при помощи изучения разных народов Земли и их культур в связи с географическими условиями. *«Географическое воззрение (рассмотрение внешних условий) и историческое разъяснение (рассмотрение развития) должны идти рука об руку. Только из соединения того и другого может получиться настоящая оценка нашего предмета»* (Ратцель, 2007, с. 10). Важнейшим, по нашему мнению, достижением антропогеографии Ратцеля, которое впоследствии будет развиваться его последователями, является изучение понятия *ойкумена*.

Идеи Ратцеля (культурные круги, диффузия культуры) были плодотворно использованы в таких направлениях антропологии, как диффузионизм, теории *культурных кругов* (Л. Фробениус, Ф. Гребнер, В. Шмидт, В. Копперс) и *культурных ареалов* (Э. Сепир, А. Кребер, К. Уисслер). Взгляды ученого во многом определили развитие географии человека; его по праву считают одним из предтеч современной экологии. Антропогеография стала значительным катализатором в процессе формирования культурной экологии (Л. Уайт, Дж. Стюард) (<http://persona.rin.ru/view/fi/0/19905/ratcel-ratzel-fridrih>).

Таким образом, очевидно непосредственное участие Ф. Ратцеля в появлении этноэкологии и глубокая связь антропогеографии и этноэкологии.

Основателем теоретической базы антропогеографии на Украине был С. Рудницкий, который в книге *«Основы землеведения Украины»* выделил главный предмет исследования антропогеографии – *взаимоотношения человека с природой всей земли, и, в частности, края* (Рудницкий, 1926, с. 6).

Антропогеографические исследования Украинских Карпат, прежде всего, связаны с именем львовянина В. Кубиевича (1900–1985 гг.). Будучи студентом-географом, впоследствии доцентом и профессором этнографии Львовского и Краковского университетов, в период 1918–1937 гг. он посвятил себя исследованиям геоморфологии, растительного покрова, физико-географическому районированию, картографированию, антропогеографии и этнографии Западных и Восточных Карпат от Силезии до Трансильвании. Будучи верным принципу, провозглашенному Ф. Ратцелем – *без природно-географического мировоззрения и подготовки невозможно как следует даже подойти к никакой антропогеографической, и соответственно историко-географической проблеме, даже мелочи (Ratzel, 1882, s. 12.)* – он не разделял природное и социальное, понимал, что лишь глубокое познание природы даст ключ к тайнам развития человеческого общества. Главными работами В. Кубиевича по антропогеографии Украинских Карпат можно считать: *«Факторы, определяющие антропогеографию Горган»*, *«Пастушья жизнь в Восточных Бескидах»*, *«Верхняя граница заселения в бассейне Быстрицы Надворнянской»*, *«Распространение культур и населения в Северных Карпатах»*, *«Пастушья жизнь в Подкарпатской Руси»* (Kubijowicz, 1921; 1926; 1929; Kubijovuč, 1932, 1937).

Остановимся лишь на некоторых работах этого ученого. Наиболее фундаментальным трудом, полагаем, можно считать *«Пастушья жизнь в Восточных Бескидах»*, где подробно проанализирована природа и хозяйственная деятельность населения большей части Бойковщины, бойковско-лемковского пограничья и западной Гуцульщины. Исследователь подробно охарактеризовал геоморфологические особенности Бещад, Водораздельного хребта, Верхнеднестровских и Ско-

ливских Бескид и Стрийско-Санской Верховины¹, а также массива Горган (формы, направления хребтов и речных долин, их геологический состав, высоты). Проанализировал особенности климата, границы ойкумены в различных природно-территориальных комплексах (ПТК) и на разных экспозициях; подсчитал процентное соотношение разных типов угодий (леса, субальпийских лугов – *полонин*, пашни, сенокосов, пастбищ, пустырей) и специфику их распространение на разных гипсометрических уровнях и формах поверхности; плотность населения и ее зависимость от соотношения земледельческих и скотоводческих угодий; историческое развитие скотоводства и земледелия; особенности отгонного скотоводства, историческую динамику поголовья скота на каждой полонине, а также специфическое для Карпат выгонное скотоводство (*шаласництво рольное*), основные черты материальной культуры на выпасах; подробно описал подсеčno-огневое земледелие, его эволюцию в полевое земледелие. Определил, что из-за проникновение сухих теплых ветров из Паннонии на верхней границе леса на южном макросклоне Бескид, вместо ели европейской, в качестве доминанта выступает бук лесной, имеющий значительно меньшую высотную границу распространения (ок. 1100 м), из-за чего там больше полонин и, как следствие, более значительный отгон скота. Наличие полонин вместе с выгодным географическим положением территории, а также спросом на волов на западноевропейских рынках, создали условия для специфического отгонного выращивания волов, при котором животные закупались в Молдавии и на Буковине, в вегетативный период выпасались, затем осенью продавались на внутренних рынках (Турка, Лютовиско, Сможе). Передача большей части полонин и лесов помещикам и крупному капиталу в результате реформ 1870 гг. заметно снизило ресурсообеспеченность отгонного скотоводства. Первая мировая война парализовала свободное перемещение населения и рынки сбыта, а послевоенное время характеризовалось вытеснением тягловой силы трактором. Таким образом, бывшие горные пастбища превратились в сенокосы, а воловье тягло со временем заменилось лошадиным².

Ученый отметил, что Бескидам (часть бойков и бойковско-лемковское пограничье) не характерно классическое отгонное скотоводство мелкого

¹ Названные природные районы, согласно тогдашней классификации, относились к так называемым Восточным Бескидам, Горганы же рассматривались ученым попутно.

² Лошади вытесняли волов по причине возрастающей роли лесодобычи и извоза.

рогатого и молочного крупного рогатого скота, лишь *салашництво роль-ное* (полевой отгон). При этом скот выгоняют на сельские пастбища (*толоки*), которые через 1-3 года менялись с полями (*царинами*) местами (так называемая *толоко-царинная* система хозяйствования). В отличие от выпаса коров, мелкий рогатый скот не возвращают в усадьбы каждый день, а 3-4 месяца он находится в круглосуточном распоряжении организатора выпаса, при этом кошаруя ту часть его толоки, которая впоследствии (через 1-3 года) станет его полем (*цариной*); за каждую голову овцы (козы) организатор отдает договоренную часть сыра хозяйину скотины. Толоко-царинная система хозяйствования в классическом виде нуждалась в относительно симметричных, а также более-менее пологих склонах, ибо не может быть, чтобы один год пахалось на пологом месте, а другой – на крутом. На полях-царинах высевался практически лишь один овес³, а в местах бывших кошар организаторов выпаса – ячмень и рожь.

Скотоводство в Горганах, по замечанию Кубиевича, имеет ряд серьезных отличий, которые прямо определяются особенностями геоморфологии: Горганы в целом выше, там меньше выровненных участков, редка склоновая симметрия, т.е. отсутствуют условия для классической толоко-царинной системы хозяйствования, а на толоках выпасаются весь вегетативный сезон лишь коровы, овцы же, равно как и волы, на 3-4 месяца отгоняются на полонины. Покрытие гребневой и частично пригребневой зоны каменистыми осыпями и сосновым криволесьем создают условия для номадизма; ежедневный перегон овец мог составлять до 35 км; редко отары возвращались в период сезона на прежние места выпаса. Отсутствие достаточных полонинских и лесных ресурсов для выпаса скота, а также более выраженная высотная поясность заставляет осенью выпасать отары на более низких гипсометрических уровнях – на территории *осенивок* и *зимивок* организаторов выпаса⁴, при этом кошаровались луга.

Из-за того, что основными животными на отгонах, в отличие от Бескидов, являются овцы (которых восточные бойки и гуцулы никогда не перепродавали), значительного исторического изменения в скотоводческой сфере быта и структуре угодий за период XIX–начала XX вв. не произошло.

Анализируя расселение, формы выпасов и прочее, Кубиевич обратил внимание на то, что бойки и лемки Бескидов, даже при наличии ес-

³ На бедных деградированных землях мог расти лишь овес.

⁴ Осенивка, зимивка (зымарка) – филиалы отдельных хозяйств на удаленных сенокосах.

тественных и искусственных полонин используют их в основном для отгона волов, и лишь изредка – овец, тогда как гуцулы в подобных условиях предпочли бы отгонять мелкий рогатый скот. Также исследователь отметил, что в Горганах гуцулы продвинулись глубже в горы, чем бойки, у них больше скота, продолжительнее отгон, более совершенные архитектурные формы на полонинах, преобладают не коллективные, а индивидуальные формы ведения хозяйства. Не найдя ответа в особенностях природы, Кубиевич объяснял эти различия так называемой *этнической спецификой*.

Аналогичной работой является «*Пастушья жизнь в Подкарпатской Руси*». Выгодно ее отличают более тщательные и многочисленные таблицы, карты, иллюстративный материал, которые помещены в отдельном томе. В таблице № 1, например, представлена каждая полонина, показаны ее высота над уровнем моря, морфологические особенности (седловина, пригребневый склон, хребет, понижение), количество различного скота, численность пастухов, из каких сел скот. Таблица № 2 иллюстрирует процентное соотношение основных видов угодий (поля, сенокосы, пастбища, леса) разных природных областей Закарпатья. Таблица № 5 более подробно характеризует площадь каждой полонины (в км²), процент от общей площади субальпийских лугов и площади природного района в целом того или иного гипсометрического отрезка (1000-1100 м над морем, 1100-1200, 1200-1300 и т.п.), количество и процент от всей численности пастушьих стойбищ. На картах показаны различные типы выпасов мелкого рогатого скота (полевой, лесной, по полям и лесам, по полонинам и полям, полонинский), границы распространения традиции выпаса волов и коров на полонинах, волов по лесам, удаленность полонин от сел, им принадлежащих (арендующих) и т.п. Иллюстративный материал представляет ряд фотографий, изображающих состояние полонин, полонинскую архитектуру; показаны схемы кошар, времянок, зимовок на разных полонинах, лесных и полевых выпасах (Kubijovuč, 1937).

Примерно по такому же лекалу В. Кубиевичем написано исследование «*Распространение культур (угодий) и населения в северных Карпатах*». Выгодной чертой этой работы является широкий географический ареал, охватывающий территорию заселения мораван, словаков, гуралов, лемков, бойков, гуцулов, румын, карпатских немцев, отчасти венгров. Отличительной чертой работы является фокусировка не на этнографическом

материале, а на социально-географических аспектах (количество и плотность населения). Анализируя особенности расселения в районе Низких Бескид, ученый обращает внимание на тот факт, что на запад от Вислока встречаются разбросанные по хребтам усадьбы (поляки), на восток – исключительно компактные цепочечной формы села (лемки). Данный факт исследователь объяснил этнокультурными различия поляков и украинцев-лемков, а не адаптацией к природной среде обитания, ибо условия расселения обеих этнических групп тождественны.

При сравнении расселения украинцев (гуцулов), румын и немцев в долинах Гуморулиу, Молдовы, Молдовиты, Быстриты Ауриа (Буковина) Кубиевич также обратил внимание на влияние *этнического* фактора на особенности расселения (гуцульские села разбросаны, румынские более компактны, а немецкие представлены исключительно компактными селами цепочечной формы)⁵.

Антропогеографический анализ прилежащих к Карпатам территорий выявил *удивительно* высокую плотность население и наличие местечек и городов в довольно бедной, с точки зрения почвенно-климатических условий, зоне Прикарпатского предгорья (69-100 чел. на км²). Последний факт В. Кубиевич объяснил нахождением данной территории на путях сообщения и границе двух природно-географических зон⁶.

Основными методологическими достижениями ученого мы считаем разработку понятий *ойкумена* и *субойкумена*⁷. Слабым моментом выводов ученого, как мы полагаем, можно считать переоценку влияния так называемого *этнического* фактора на особенности и плотность расселения, специфику хозяйствования. Более глубокий анализ этнографического и физико-географического материалов без затруднений подсказывают ответы на данные вопросы. Так, например, более глубокое проникновение гуцулов, чем бойков, в Горганы и большее развитие у них отгонной скотоводческой культуры легко объясняется физико-географическими особенностями восточной (междуречье Быстрицы

⁵ В горных районах села, которые расположены в долинах рек, из-за меандр приобретают в основном цепочечную форму.

⁶ Примечательно, что именно физико-географический подход антропогеографов к регионализации позволил этнографам в последствие вычленить отдельные этнографические группы, такие как погужане у поляков и подгорцы у украинцев.

⁷ Субойкумена (временные жилища, филиалы усадеб).

Солотвинской и Прута) части Горган, заселенной гуцулами. На востоке менее выражено крутосклонье в пригребневых зонах, гораздо больше естественных полонин, которые зачастую соединяются между собой, почти отсутствуют каменные россыпи – *цекота*, меньше распространено сосновое криволесье (*жэрэн*). Этот факт позволил предкам гуцулов в значительной степени заселить Горганы, и наоборот, предкам бойкам оставить большую территорию Горган онайкумене.

Глубокое знание фактологического материала, энциклопедическая эрудиция, использование картографического материала тем не менее не позволили В. Кубиевичу до конца понять особенности этносоциального развития в Карпатах. Причина, как мы полагаем, в слабом понимании им процесса адаптации как такового и культурной адаптации в частности, их роли в культуро- и этногенезе⁸; ошибочного понимания этнографической группы как готового объекта истории (потомки отдельных племен докняжего времени), обладающего устойчивыми чертами и проявляющего их в почти одинаковой мере в различных природно-территориальных комплексах ареала расселения. Не следует забывать также то обстоятельство, что большинство антропогеографов, начиная с Ф. Ратцеля, принадлежали скорее к лагерю поппозитивизма нежели географического детерминизма, в котором их незаслуженно обвиняли⁹. Сказалось, очевидно, и то обстоятельство, что В. Кубиевич происходил из семьи потомственных галицких интеллигентов, далеких от крестьянского труда и украинской крестьянской ментальности.

Идея Ф. Ратцеля о влиянии географического фактора на культурное развитие, односторонне выхваченная из тома I «*Антропогеографии*» и популяризованная в таком виде его американской последовательницей Э. Семпл, положила начало американскому инвайронментализму и принесла Ратцелю незаслуженную славу *географического детерминиста*. Понятие *жизненного пространства*, в огрубленной трактовке шведского ученого Р. Чьелана, стало основным понятием

⁸ Хотя адаптационная концепция культуры развивалась на Западе с конца XIX в., наиболее полные исследования понятия культурной адаптации появились лишь в 1950 – 1960 гг. благодаря представителям культурной экологии, тогда как работы Кубиевича вышли в свет в основном лишь в 1920-е гг.

⁹ Идеи поппозитивизма прослеживаются во втором томе Антропогеографии Ф. Ратцеля (Ratzel, 1891), а также красной нитью проходят через все работы В. Кубиевича.

геополитики К. Хаусхофера и использовалось для оправдания территориальной экспансии идеологами Третьего Рейха. Руководство Центральным Народным Украинским комитетом (Краков, 1939–1945 гг.), представляющим собой украинское представительство при немецкой оккупационной администрации Центрального Губернаторства, организация Кубиевичем 14-ой Украинской гренадерской дивизии Ваффен – СС, работа в послевоенное время в Украинском Свободном Университете (г. Мюнхен) послужили тому, что Кубиевич был признан в СССР *врагом народа*. Все эти события негативным образом повлияли на популярность антропогеографии в мире и особенно в СССР¹⁰. Имя В. Кубиевича было на долгие годы вычеркнуто из отечественной науки, труды его находились под запретом.

С появлением социально-экономической географии и ее ветви этногеографии в западно-украинской науке после Второй мировой войны, по мнению современных ученых, отпала необходимость реставрации антропогеографии, однако она, в отличие от современных отраслей, не отрывается от физической географии и не ограничивает себя тем или иным аспектом (экономикой, политикой, определенными социальными организмами, этническими образованиями). Человек, общество, этнографическая группа, а также их физическая среда рассматриваются антропогеографией как неразрывное целое, социальная же география редко пересекается с этнографией, пользуется в основном лишь политико-административными картами, которые в большинстве своем не совпадают с физико-географическими, многие ученые слабо владеют этнографическими и физико-географическими знаниями. Запрет антропогеографии в середине XX в. без сомнения откинул науку, главным образом социально-экономическую географию и этнографию, на уровень XIX в., когда география была вспомогательной дисциплиной истории.

В 1990–2000 гг. украинскими географами были сделаны первые попытки выхода за пределы классической этногеографии, отличающейся от социальной географии лишь предметом исследования – этносом. Например, в одной из своих работ Р. Сливка проанализировал осо-

¹⁰ С конца 1920-ых годов под предлогом идеологической борьбы с противостоявшим марксизму географическим детерминизмом в СССР были фактически запрещены антропогеография и другие научные направления, изучающие культуру и демографию народов мира в их взаимосвязи с природными условиями среды обитания (Ямсков, 1993, с. 6).

бенности расселения бойков в речных долинах разной формы, определил несколько видов сельской местности в зависимости от их размещения (односторонний, восходяще-долинный, узко-долинный, склоново-долинный, котловинный, широко-долинный). Дал оценку трансформации и сохранения народной культуры и в частности народного строительства в разных природно-территориальных комплексах и видах сельской местности Бойковщины (Сливка, 2001, с. 66–172).

М. Лаврук в монографии «*Гуцули Українських Карпат*» рассмотрела географические аспекты жизнедеятельности гуцулов во второй половине XX в.: экологические условия и природно-ресурсные особенности их ареала, особенности расселения, объекты жизнеобеспечения (пути сообщения, транспорт, медицинское обслуживание, система образования, культурные учреждения, службы быта и т.п.), трудовую деятельность, демографию, трансформацию жизнедеятельности во второй половине XX в., сохранение самобытности и *жизненное* развитие (Лаврук, 2005, с. 286).

Школа советской социальной географии не позволила исследователям далеко отойти от классических схем. Например, М. Лаврук, локализуя гуцулов на микрогруппы, использовала административное деление (надвирнянские, яремчанские, косовские, верховинские, закарпатские, буковинские), в то же время наши материалы, а также данные других этнографов, например, М. Тыводара, подтверждают в основном физико-географическую детерминированность микрорегионализации (Тыводар, 1999, с. 46–48). Политико-административное деление позволяет легче работать со статистическими данными, однако установить связь групп с природной средой проживания, ее влияния на этнографические и социально-экономические характеристики практически невозможно. Современных этногеографов сдерживают рамки четко проведенной границы в предмете исследования, а также в использовании терминологии, между социальной географией, к которой они принадлежат, и физической географией.

Представители физической географии, в частности львовской ландшафтоведческой школы К. Геренчука, выделяют в качестве компонента ландшафта так называемый *антропогенный фактор*, однако этническая культура как таковая не представляет для них интерес. Основной фокус направлен на изучение антропогенных модификаций

ПТК, человек лишь подразумевается, рассмотрению подвергаются лишь последствия его деятельности (Мельник, 1999, с. 13–14).

Интеграционный подход в исследованиях еще менее характерен для этнографов, однако и они обращали внимание на природообусловленность многих аспектов этнической культуры. Уже пионер этнографического изучения бойковского края польский помещик И. Любич-Червинский в своей работе *«Околиця Заднестровская между Стрием и Ломницеј»* отмечал, что те стороны культуры выходцев с гор, которые позволяли существовать им в условиях равнинной местности, эволюционировали крайне медленно. Любич-Червинский обратил внимание на интересную особенность бойковской обуви – отсутствие, в отличие от равнинной, лубяного компонента, что, по его мнению, вызвано горным рельефом (Lubicz-Czerwiński, 1811).

Я. Головацкий в своей известной работе *«О костюмах или народном убранстве русинов или русских в Галиции и Северной Венгрии»* дал сравнительную характеристику одежды разных этнографических групп карпатского региона, отметил, что в горах и в предгорье верхняя одежда значительно короче, а содержание шерсти в тканях больше. Объяснял он данный факт тем, что первое связано с рельефом местности, второе – с большей ролью скотоводства в горах и в предгорье (Головацкий, 1868).

И. Коперницкий в репортаже *«Об русских горцах в Галиции»*, написанном по материалам собственной экспедиции в верховья Сана, Днестра, Стрыя, Оравы и Опора, в сравнительной характеристике материальной культуры бойков, лемков и так называемых тухольцев и полонинцев¹¹ также допускал влияние природных факторов на формирование некоторых элементов их культуры, например, на длину и материал одежды, наличие широких навесов перед строениями и др. (Kopernicki, 1889).

Михаил Зубрицкий, имевший прямое отношение к крестьянскому труду (он происходил из семьи мелкоземельного шляхтича-бойка), в своих трудах, которые являются без преувеличения основными первоисточниками по бойковедению, особенно *«Откорм, покупка и продажа овец в Мшанце Старосамбирского уезда»*, *«Контрабанда бакуна*

¹¹ Тухольцев и полонинцев исследователь рассматривал в качестве самостоятельных этнографических групп, современная же наука выделяет тухольцев как микрогруппу бойков, а полонинцев как бойковско-лемковское пограничье.

(табака) в горах Галичины в XIX в.» и «Село Киндратив Турецкого уезда» и др., особенности крестьянского быта и материальной культуры объяснял, в первую очередь, целесообразностью и практичностью в условиях конкретной местности (физико-географические условия, географическое положение территории) (Зубрицкий, 1895; 1990; 1905).

Галицкий юрист Е. Олесницкий, анализируя торговую организацию сел Синевидской котловины, отметил первостепенную роль в развитии их торговли географического положения территории заселения, а именно: расположение ее на перекрестке путей, идущих вдоль Стрия и его притоков к Верецкому и Ужоцкому перевалам, соединяющим Галицию и Закарпатье (Олесницкий, 1904. с. 5–8).

Г. Гордиенко, писавший о селах Верхнее и Нижнее Студеное (Бойковщина), отмечал: «Земля студенская располагается по двум сторонам Студеного потока, словно сама природа была за то, чтобы студенцы завели в себе двухпольную систему хозяйствования» (Гордиенко, 1936).

Ежи Чайковский в работе «Сельское жилищное строительство в Низких Бескидах и в прилегающих горах» при сравнительном анализе народного строительства западной Бойковщины, Лемковщины и Подгорья остановился на социально-экономических и экологических факторах, влияющих на формирование и эволюцию народного строительства (Czajkowski, 1969).

Этнограф П. Юрченко и искусствовед П. Жолтовский, анализируя пропорции бойковской деревянной (в том числе и сакральной) архитектуры, отметили зависимость размеров и пропорций как от историко-культурных, так и от природных, факторов (Юрченко, 1972, с. 28–31). Жолтовский установил, что специфические условия Бойковщины способствовали формированию стойкой традиции правила золотого сечения в жилищном и сакральном строительстве (Жолтовский, 1975, с. 82).

Влияние экологических условий на формирование разных архитектурных традиций анализируется во многих трудах известного этнографа, музеоведа А. Данилюка. Кроме прямого приспособления к климатическим и орографическим условиям, народная культура на примере архитектуры, по словам исследователя, выполняет, психоадаптивную функцию. Народные зодчие удачно использовали рельеф местности, тонко чувствовали природу, искали с ней гармонию. Бойковские избы, которые в отличие от гуцульских преимущественно стоят не на гребнях

и вершинах гор, а на нижних и средних речных террасах, имеют легкие архитектурные формы, крыши высокие, крутые, будто повторяют очертание окружающих гор; гуцульские дома, наоборот, массивны, графически более четко очерченные, имеют сравнительно невысокие крыши, они будто стараются удержаться на вершинах (Данилюк, 2004).

Анализируя народную агротехнику украинцев Карпат и в частности плуг, С. Павлюк доказал, что карпатский украинский плуг, несмотря на наличие общих черт с плугами соседних карпатских народов, есть не что иное как продукт самостоятельной культурной адаптации горцев, приспособивших украинский равнинный плуг к горному рельефу и почвенно-климатическим условиям (Павлюк, 1986, с. 84–86).

На влияние естественной среды на формирование транспорта украинцев Карпат обращает внимание М. Глушко. В частности, ученый провел параллели между транспортом и средствами переноски грузов украинцев Карпат и народами, которые населяют аналогичные естественные ниши (другие народы Карпат, народы Кавказа, Прибалтики), проанализировал влияние геоморфологической структуры Украинских Карпат на формирования путей сообщения (Глушко, 1993).

Заслуживают особого внимания работы современного архитектора и этнографа Я. Тараса, главным образом его монография *«Сакральная деревянная архитектура украинцев Карпат»*. В отдельном разделе *«Факторы, влияющие на формирование и распространение объемно-планированных решений деревянных церквей украинцев Карпат»* автор анализирует отдельно: геоморфологические, природно-климатические (осадки, ветер) условия, рассматривает особенности строительного и кровельного материала (подбор, подготовка, обработка, физическое старение), ориентацию церквей относительно сторон горизонта. Орографический рисунок Украинских Карпат подсказал Тарасу генезис различных архитектурных школ. Преобладание параллельных общекарпатскому направлению хребтов и межгорных долин Стрыйско-Санской и Воловетско-Межгорской Верховин, Верхнеднепровских и отчасти Сколивских Бескид, способствовали на Бойковщине консервации древнеукраинских традиций сакрального зодчества, которые легли в основу местной культуры; общекарпатское направление хребтов и долин способствовали диффузии и сохранения традиции в означенном ареале. Бойковские церкви трехверхи, план всегда создан тремя прямоугольными, близкими к квадратам срубами: средний (*на-*

ва) немного больший, два боковые (*бабинец, алтарь*) меньшие. В низкорной Стрийско-Санской Верховине, имеющей общекарпатский рисунок хребтов и речных долин, не имеющей контакта с предгорьем, изолированной среднегорными хребтами от Сколиевских Бескид, Верхнеднестровских Бескид, Воловетско-Межгорской Верховины, сформировалась архитектурная традиция многозальных трехсрубных церквей, которая в местах понижения Водораздельного хребта проникает и в закарпатскую Бойковщину. Поперечные речные долины, являющиеся мостом к предгорьям, позволили перенести традиции крестовидной покутской каменной сакральной архитектуры монастырей из предгорья в горы, а особенности геоморфологии *сердца* Гуцульщины – Ворохто-Путильского низкорья¹² способствовали трансформации каменной архитектуры в деревянную и распространению данной традиции в пределах ПТК. В ареале расселения закарпатцев-долян также преобладают поперечные карпатскому направлению речные долины, однако там, из-за того, что реки дренируют крутосклонные хребты, отсутствуют продольные карпатскому направлению депрессии, как на Бойковщине и Гуцульщине, формирующие главную (общегрупповую) традицию; ситуацию усиливает разноэтничное окружение – на западе – словаки, на юге – венгры, на юго-западе – румыны. Древнеукраинская традиция, по мнению Я. Тараса, столкнулась с западной (латинской) и валашской, образовав различные варианты: Крайняно-Сваляво-Плосковская (трехсрубные церкви с высокой барокковой башней звонницы и верхами, западный и центральный сруб окружены галереями), Свалявско-Колочавско-Хустко-Дубовская (двух-трехсрубные церкви со шпилевидными готическими завершениями, высокими крышами на разных уровнях над алтарем и центральным срубом), Велико-Бычковская, Велико-Березнянская-Черноголовская, Межгорская группы (Двух-трехсрубные церкви с барокковыми башнями, высокими крышами на разных уровнях над алтарем и центральным срубом). На бойковско-лемковско-долянском пограничье в верховье Ужа на основе бойковской и западных типов сформировалась Ужанско-Лютянская группа. Преобладание поперечных долин, различное иноэтничное окружение (поляки, словаки, немцы), самое западное положение лемковского

¹² Узкие речные долины и широкие, сглаженные вершины способствовали тому, что населенные пункты расположены почти непрерывной полосой от Прута до Путилки, в основном на вершинах низкорных хребтов и плоскогорий.

полуострова украинского этнического ареала способствовало формированию различных вариантов церковной архитектуры, главной особенностью которых является пристроенная к 1-2 срубам башня-звонница (Тарас, 2007, с. 40–460).

Рассматривая природно-климатические условия, Тарас отмечает следующее: для условий Карпат общеукраинский вариант трехчленной, трех-верхой или крестообразной церкви был бы неподходящим, ибо высокие срубные стены без навеса, опоясания, перекрытые шатровыми верхами, не обеспечивали бы статичности стен во время нагрузки снегом, надежной гидроизоляции стен и верхов в период затяжных и сильных дождей и снегопадов, они плохо бы гасили энергию воды и снега, которые бы внезапно собирались на большой площади верхов. Осадки не только определяли высоту крыш, верхов сакральных объектов (45°-55°), но и серьезно влияли на их объемно-конструкционные решения. Они корректировали высоту объемов бабинца, навыв, алтаря, которая в среднем ниже, чем в целом по Украине. На небольшом промежутке высоты карпатские церкви имеют больше заломов, что создает пояса жесткости для динамических нагрузок, а также позволяет защитить стены от косога дождя. Осадки повлияли на создание вокруг церквей многочисленных навесов, крыш и галерей, которые редко увидишь в иных природных зонах Украины (Тарас, 1997, с. 111).

Анализируя действие ветров на сакральные сооружения, Я. Тарас обратил внимание на то, что церкви в большинстве своем стоят под острым углом, то есть двумя плоскостями фасадов, чаще к юго-западным, северо-западным, реже ветрам иных румбов, что увеличивает их ветросопротивляемость. Ветровые нагрузки заставляли ставить в верхах большое количество матиц, перекрестных балок, скоб, которые должны были сдерживать центробежную силу раздавливания и предотвращать расшатывание ветром. Меньшая стойкость трехсрубных (бойковских) церквей от ветра, чем у крестообразных (гуцульских), частично компенсируется рядом приемов: возведением наибольшего объема посередине, меньших – по бокам; установкой поперечных стен между основными объемами, в которых лишь вырезаны отверстия для перехода (из бабинца в наву, из навыв в алтарь); пирамидообразные (конусообразные) формы верхов. Немаловажное замечание исследователя по поводу высоты церквей – гуцульские церкви, располагающиеся чаще на вершинах низкогорных хребтов, имеют

наименьшую высоту (16-17 м), тогда как бойковские и лемковские, стоящие чаще в речных долинах, уже 18-20 м; равнинные украинские церкви значительно превышают 20 м в высоту. Появление традиции многозаламных церквей Я. Тарас главным образом поясняет *подглядыванием* мастерами у природы, например у ели европейской, ветро- и осадкостойкие формы которой обладают ступенчатой кроной; при этом ученый отмечает, что многоступенчатые церкви появились лишь в XVIII–XIX вв. когда уже произошла замена коренных пихтово-буково-дубовых лесов еловыми. Уточняя, исследователь пишет, что *связь с ландшафтом не реализовывалась лишь придавая церквям определенные формы ели, пихты, поясов горных кряжей, а через ритмику, принимающей участие в создании рациональных форм, которые целесообразны и функционируют в природе* (Тарас, 2007, С. 262).

Отмечая заслуги Я. Тараса в развитии этноэкологии украинцев Карпат, нельзя согласиться с последней гипотезой, ибо массовая замена коренных лесных пород на ель европейскую началась лишь в последней четверти XIX в., причем в Стрийско-Санской Верховине ель европейская повсюду выступала доминантной или субдоминантной культурой уже с начала холодного периода (т.е. с XVII в.). Очевидно, что для процесса культурной адаптации необходимо определенное время. В тоже время в соседних ландшафтах доля иных пород в лесостое (особенно бука и пихты) всегда была заметно большей и, напротив, ель выступала в лучшем случае субдоминантом. Таким образом расценивать появление традиции многозаламности именно в Стрийско – Санской Верховине можно в первую очередь как отражение карты растительного покрова.

Важнейшая часть любой науки есть систематика, которая помогает упорядочивать изучаемые данной наукой объекты. Систематика в антропогеографических, равно как и в этнологических, исследованиях, как мы полагаем, может пониматься как районирование, выделение локальных относительно этноса таксонов и этнографических групп, микрогрупп.

Уже Иван Вагилевич указал на неоднородность культуры горцев Карпат, в противовес Я. Головацкому и Й. Шафартику, которые считали Украинские Карпаты единственным хозяйственным районом, где издавна главным занятием населения было скотоводство (Wahilewič, 1841; Головацький, 1899; Safažik, 1837).

Хозяйственное районирование Украинских Карпат началось с В. Кубиевича, который на основе комплексных исследований впервые в карпатоведении ввел понятие *характер хозяйственного использования территории*, по которому разделил все Восточные Карпаты на разные хозяйственные зоны (по В. Кубиевичу – *расселение*), выделяя в Украинских Карпатах: Земледельческо > Скотоводческо > Лесное (З>С>Л), Лесо > Скотоводческо = Земледельческое (Л>С=З), Скотоводческо > Земледельческо > Лесное (С>З>Л) и Лесное (Л) расселения. На основе оценки ресурсообеспечения исследователь дал детальную хозяйственно-культурную характеристику каждой речной долины и больших горных массивов Украинских Карпат, определил соотношение разных сельскохозяйственных угодий и леса в больших природно-территориальных комплексах, исследовал вертикальную (высотную) границу ойкумены в Украинских Карпатах, ее зависимость от направления хозяйственной деятельности (Kubijowycz, 1920–1921. – s. 146–149; 1924. – s. 103–104).

В советское и новейшее время ученые также поднимали вопрос относительно влияния природы на культурную регионализацию. В частности, известный исследователь агрокультуры украинцев С. Павлюк выделяет в Украинских Карпатах две хозяйственных зоны: земледельческую, куда включает всю Лемковщину и Бойковщину, и пастушеско-земледельческую, относя к ней всю Гуцульщину. Кроме того, он отмечает наличие в Украинских Карпатах *микрзон*, которые складываются *в результате экологических особенностей (отличия в структуре рельефа)*, впрочем, анализа и характеристики конкретных таксонов не дает (Павлюк, 1986, с. 16).

М. Тыводар уже пишет не о хозяйственных, а хозяйственно-культурных зонах, однако выделяет на территории Украинских Карпат также лишь две: земледельческую и скотоводческую (Бойковщина, Лемковщина, большая часть Долинянщины), а также скотоводческую (Гуцульщина и Мармарошская Долинянщина) (Тыводар, 1994, с. 24).

Взгляды М. Тыводара, С. Павлюка и других современных исследователей не выражают всего разнообразия хозяйственно-культурной дифференциации Украинских Карпат и в сущности представляют уровень генерализации, свойственный концепции хозяйственно-культурных типов.

В. Кубиевич, без сомнения, наиболее близко подошел к проблеме хозяйственно-культурного районирования Украинских Карпат, однако

нужно заметить, что серьезные достижения в области геоморфологии и ландшафтоведения Карпат были сделаны лишь в 1950–1960 гг. Рассмотрение же сложных взаимоотношений народной культуры и природы территории заселения в рамках застарелых схем не может дать объективную картину. Кроме того, В. Кубиевич, хотя и привлекал этнографический материал к своему районированию, все же главное значение уделял статистике, в основном – соотношению разных угодий. Причем этот материал носил синхронный характер, основываясь в основном на данных польской статистики в 1900 г. При рассмотрении его модели *характера хозяйственного использования территории* обращает на себя внимание отсутствие такого важного источника средств существования, как торговля, а также в целом недостаточная, по нашему мнению, дифференцированность системы хозяйства. Главным недостатком подхода исследователя мы считаем то, что *расселения* являют собой хозяйственные, а не хозяйственно-культурные категории, в рамках которых трудно рассматривать систему жизнеобеспечения.

Анализируя изучение населения Украинских Карпат, влияния природных факторов, хозяйственно-культурной регионализации, следует упомянуть и зарубежную науку, особенно словацкую¹³. Взгляды ученых находят свое отражение в атласах страны. Наиболее известными атласами, изданными словацкой академией наук (САН), являются Атлас Географический Словацкой республики (2002) и Этнографический атлас Словакии (1990).

В географическом атласе для нас интересны, прежде всего, две карты: «*Природные барьеры и социоэкономические коридоры*», «*Ландшафты по способу их использования*» (Atlas krajiny Slovenskej republiky, 2002, мара № 17, s. 201; мара № 5, s. 26). На первой карте показаны наиболее важные транспортные пути, а также природные барьеры (речные, лесные, горные); горные барьеры разделены на следующие таксоны: *гребни крутосклоновых высокогорий*, *гребни крутосклоновых среднегорий*, *гребни крутосклоновых низкогорий*, *гребни верховин*, *гребни холмогорий* (гряд), все они в свою очередь разделены на три категории: *доминирующие главные гребни*, *отроги главных хребтов*, *ответвления отрогов хребтов*. Вторая карта посвящена традиционным способам использования ландшафта (лесной, пастбищно-луговой, земледельче-

¹³ На территории Словакии проживают лемки, сплишские русины, а также украинцы, которых идентифицируют как лемковско-бойковско-долынянское пограничье.

ский, добывающе-промышленный¹⁴), фактически показаны ареалы преобладания того или иного вида хозяйственной деятельности.

Этнографический атлас Словакии начинается с вводных физико-географических карт № 1–10 (Географическое положение ЧССР, Обще-географическая карта ЧССР, Общегеографическая карта Словакии, Региональное географическое членение, Климат, Полезные ископаемые, Леса, Почвы, Бонитет почвы в 1929 г.) (Etnografický atlas Slovenska, 1990, s. 2–6). Последний раздел «Культурные области и регионы» представляет ряд весьма интересных, на наш взгляд, карт. В частности – отдельная карта посвящена природным условиям, определяющим регионализацию (граница между Карпатами и Панонской низменностью, граница между Внешними и Внутренними Карпатами, северная граница степной области, граница теплой области, регионы добычи и переработки драгоценных металлов и железа). Методом качественного фона составлены следующие карты: *Низинная, Горная, Западная, Восточная области*, три карты *Экология народной культуры (Западная, Восточная, Центральная)*, а также комбинированная карта, на которой представлены различные культурные регионы: *западно-словацкий, западно-словацкий горный, западно-словацкий низинный, центрально-словацкий горный, центрально-словацкий низинный, центрально-словацкий горный с признаками низинного, восточно-словацкий горный, восточно-словацкий низинный, восточно-словацкий*. Ареал расселения украинцев охватывает восточно-словацкую область и переходную от восточно-словацкой к западно-словацкой области (Спиш, Гемер). При выделении горной области¹⁵ брали следующие маркеры материальной культуры: *гноение поле кошарованием, использование рала в начале XX в., кошары из зарубов¹⁶, домотканое полотно, ношение суконных штанов, деревянные дома, широкий кожаный ремень, овсяная мука в хлебе; равнинной¹⁷: виноделие, использование скота при молотье,*

¹⁴ Добывающая промышленность (главным образом серебра и черных металлов) в отдельных регионах развивалась еще со средневековья. За продолжительное время так называемые баницкие районы сформировали свою региональную традиционную культуру, которую рассматривают наряду с земледельческой и скотоводческой.

¹⁵ К Горной культурной области словацкими учеными принято относить все горные районы Карпатской горной страны, населенных чехами-мораванами, силезцами, словаками, поляками, украинцами, румынами.

¹⁶ То есть из срубленных и сложенных в ряд деревьев.

¹⁷ Равнинная область Словакии образует единую культурную область с Паннонской и

полотняные штаны, глиняные дома, пшеничная мука в хлебе, варенье кукурузных зерен (муки); западно-словацкой: производство тканей ремесленниками, фабричные земледельческие орудия труда в 1895 г., косы с двумя ручками, цепи с оковкой, ношение двухсоставной женской сорочки, пантофли (тапочки на деревянной подошве), гумна, где двери находились в узкой стене, галушки из мучного теста; восточно-словацкой области: домашнее изготовление брынзы, колovorot после 1918 г., длинные женские сорочки, жернова в первой половине XX в., гумно со входом в широкой стене, молочные продукты на Рождественском столе (Etnografický atlas Slovenska, 1990, s. 102–104).

Обращает на себя внимание развитая картографическая наука Словакии, а также интерес к природным факторам в культурогенезе. Очевидны более смелые, по сравнению с советской и постсоветской наукой, шаги к сближению социальных и природных дисциплин, а также меньший отход от антропогеографических принципов. Особенно интересны работы этнографов, менее – географов, которых, как и советских ученых, коснулась специализация на предмете исследования, где социально-экономическая география оперирует в основном лишь политико-административными схемами, практически лишена физико-географического понятийного аппарата и т.п. Но есть и слабые моменты в карте «Традиционные способы использования ландшафта», которая по сути перекликается с разработанными В. Кубиевичем схемами характера хозяйственного использования территории. Кубиевич детальнее подошел к выделению отдельных хозяйственных зон. В картах регионализации этнографического атласа непонятно выделение просто Западно-словацкого и Восточно-словацкого регионов; вероятно, авторы карт под данными понятиями подразумевают переходный вариант между горным и равнинным регионами Западно- и Восточно-словацких культур.

Анализ исследований антропогеографов, географов и этнографов, занимавшихся Украинскими Карпатами, показывает, что наиболее близко к пониманию сложных взаимоотношений человека и природы, этнической культуры и среды обитания в Украинских Карпатах подошла именно антропогеография. Запрет ее по политическим причинам, искусственное разделение географии в середине XX в. значительно затормозили исследовательский процесс, отбросили его назад. Одна-

Потисской низменностями, и объединяют главным образом ареалы расселения словаков, венгров, украинцев-долынян, румын.

ко за время *отсутствия* антропогеографии теоретическая научная мысль не стояла на месте, были сделаны значительные наработки, в частности, культуро- и этноэкологами разработаны понятие *культурная адаптация*, этноэкологами – *жизнеобеспечение*, М. Левин и Н. Чебоксаров сформировали учение о *хозяйственно-культурных типах* и *историко-этнографических областях*, В. Алексеев предложил концепцию *антропогеоценоза*, где центральное понятие он трактует как *симбиоз между хозяйственным коллективом и освоенной им территорией на ранней стадии человеческой истории*. Схожие концепции были предложены И. Крупником (модель *этноэкосистемы*) и Л. Гумилевым (модель *этноценоза*) (Козлов, 1991, с. 3–43; Левин, Чебоксаров, 1955, № 4; Крупник, 1977; Гумилёв, 1980, с. 24–29). В области физической географии на постулатах Л.С. Берга оформилась ландшафтная теория, которую принято в украинской науке называть теория Солнцева-Геренчука (Берг, 1931; Солнцев, 1948, с. 258–269; Геренчук, 1969). Были разработаны новейшие схемы геоморфологического деления Карпат и ландшафтная карта Украинских Карпат.

Таким образом, возникла необходимость реставрации антропогеографии, а также ее модернизации. В наших исследованиях мы принимаем попытки объединения двух дисциплин. От антропогеографии мы берем принцип неделимости научных знаний и понятийного аппарата, пользование физико-географическими, а не политико-административными картами при анализе этносоциальных явлений, рассматриваем человека (этносоциум, этническую культуру) в контексте природно-территориального комплекса, в качестве его компонента. От этноэкологии мы принимаем основные категории – *система жизнеобеспечения* и *этнокультурная адаптация*, а также шире понимаем среду обитания (не только как природную, но и социально-культурную).

В статье *«Жилые постройки бойков (верховинцев)»* нами предложено понятие *хозяйственно-культурные зоны* (ХКЗ), а также разработана схема ХКЗ районирования Бойковщины (Бойко, 2002, с. 39–54). В статье *«Культурная адаптация к природной среде обитания на примере хозяйственной деятельности населения Карпат и гор центральной Европы»* сделана попытка анализа адаптации материальной культуры и хозяйственной деятельности украинцев к горным условиям Карпат; проведены параллели с другими горными народами центральной Европы (немцами, румынами, чехами, словаками, поляками, венгра-

ми) (Бойко, 2005, с. 109–126). В кандидатской диссертации проанализирована историческая динамика системы материального жизнеобеспечения бойков (XVIII – первой половины XX в.), составлены ряд карт, в том числе и карта хозяйственно-культурного районирования (Бойко, 2004а). В ряде статей рассмотрен процесс формирования этнографических групп украинцев Карпат, отмечено, что в их этногенезе, в отличие от процесса формирования равнинных групп украинцев (полищук, наднепрянец, подолья, покутян, ополян и др.), главную роль играла экологическая и географическая изоляция (Бойко, 2004б, с. 7–14).

Этнографические границы Бойковщины и Гуцульщины уже, нежели языковые, так как главными факторами в культурогенезе выступают особенности рельефа, растительный покров, климатические характеристики ландшафта. Например, предки бойков заселили простор от предгорий в Предкарпатье до Вулканического хребта в бассейнах рек, дренирующих Полонинский хребет (Уж, Латорица, Рика) в Закарпатье. Однако в Прикарпатском предгорье и на Полонинском хребте уже преобладают лиственные леса, что коренным образом влияет на народную архитектуру. Гидротермический коэффициент и сумма температур за вегетативный период там позволяют выращивать кукурузу и озимые злаковые, преобладающими системами земледелия были трехполье, а на Полонинском хребте еще и подсеčno-огневая¹⁸. В Бескидах, Горганах, и главным образом – в *сердце* Бойковщины в Стрыйско-Санской и Воловетско-Межгорской верховинах, в силу агроклиматических условий, а также особенностей рельефа¹⁹, долгое время выращивался почти один лишь овес. Это сформировало целую комплексную земледельческо-скотоводческую систему – так называемое *толоко-царинное двухполье*, при котором на одном склоне выращивали овес, а другом – устраивали общественную (в случае цокольных речных долин и симметричных склонов) либо индивидуальную толоку (пастбище). В свою очередь необходимость удобрения толоки и опасность неурожаев заставляли держать относительно больше

¹⁸ Дренирующие Полонинский хребет долины рек довольно узки, и там недалеко от усадеб устраивали небольшие поля, на которых выращивали и озимые культуры. Склоны гор довольно круты, что затрудняло обработку таких земель пашенными орудиями. Лиственные породы быстрее, чем хвойные, вновь восстанавливались после рубки и меньше привлекали к себе внимание промышленников.

¹⁹ Выраженный рельеф затруднял транспортировку навоза на далекие расстояния, поля же могли находиться и за несколько км от усадеб.

скота, чем у их соседей²⁰. Преобладание продольных долин создало, с одной стороны, возможность передвижения внутри бойковского ареала, с другой – изолированность от внешних факторов (географическая изоляция) (Бойко, 2009, с. 32–38).

Антропогеографическая и этноэкологическая направленность исследований заставляет нас некоторым образом корректировать и методологию экспедиционных исследований. Наиболее подходящим мы считаем маршрутный метод. Он позволяет за короткое время обследовать несколько природных районов (подрайонов), при этом в каждом ПТК выбирается лишь по 1-2 села. При таком способе возможно проследить появление какого-либо этнокультурного явления, его распространение, угасание, а главное, найти причину этого, к тому же экономя время.

Проиллюстрируем некоторые результаты маршрута Турка – Н. Яблунька (Турковский ландшафтный подрайон Стрийско-Санской Верховины) – Борыня (Яблуньский) – Орява, Тухолька (Довжковский) – Грабовец (Грабовецкий подрайон Сколивых Бескид) – Либохора (Магуро-Бескидский подрайон Сколивых Бескид)²¹. Вот некоторые результаты экспедиции:

– Открытые двory сомкнутой застройки, где в одном ряду, под одной крышей стоят как жилые, так и хозяйственные постройки, в Стрийско-Санской Верховине преобладали в низкогорном Турковском и Яблуньском подрайонах, значительно меньше их было в среднегорном Довжковском и еще меньше – в селах, располагающихся в Сколивых Бескидах, что очевидно связано с *убыванием* выровненных участков поверхности и с возрастанием роли скотоводства в среднегорных ландшафтах.

– Традиция выдвинутых вперед ворот гумна, характерная для словацкой, лемковской и западно-бойковской архитектур, полностью исчезает в Яблуньском подрайоне (более богатом лесом) и уже не появляется точнее, что главным образом объясняется размерами хаты. На западе Бойковщины (Турковский подрайон) ландшафт более антропогенизирован, там меньше леса и как следствие относительно меньшая ширина строения. Необходимость же иметь гумно определенной ширины вызвана длиной воза (6 м), который заезжал со снопами с поля и стоял там в зимнее время и в непогоду.

²⁰ Данные условия мы относим к факторам экологической изоляции.

²¹ Индивидуальное экспедиционное исследование автора 3.08 – 7.08.2010 г. Деление на ПТК согласно классификации (Мельник, 1999, с. 91).

– В Яблуньском подрайоне исчезает традиция покрывания круглых стогов сена слоем соломы (чтобы не замокал верхний слой стога и вода не попадала внутрь стога по шесту-основе), там и далее на восток бытует наиболее распространенный в Карпатах способ придавливания верхнего слоя сена *прикладкой, павузиннем* (разветвленной веткой)²².

– От Яблуньского подрайона, по той же причине, начинается более частое использование подставок для просушки скошенной травы (больше леса, больше возможности заготовить подходящий материал).

– Довольно четко граница распространения различных типов кос и способов клепания проходит по границе Турковской (Турковский и Яблуньский подрайоны) и Славской (Довжковский подрайон) Верховин. В низкогорной Турковской Верховине лишь одна ручка, обязательно срезана пятка, длина держака до бровей косаря, клепается такая коса сидя на пеньке; от равнинной украинской косы она отличается лишь меньшей длинной держака (в равнинном варианте он всегда выше роста косаря, чаще на длину одной-двух пядей). В среднегорье Бойковщины держак имеет длину до плеча, максимум до носа косаря, ручек в основном две, пятка никогда не срезается; клепается такая коса лежа.

– Интересны и локальные отличия, которые фиксируются в отдельных селах. Например, общеизвестна традиция закрывать дополнительными стенами жилые и хозяйственные строения в целом в карпатском регионе, однако степень проявления данной традиции не одинакова. Яркой иллюстрацией являются два села рассматриваемого маршрута: Нижняя Яблунька (Турковская верховина) и Тухолька (Славская верховина), которые лежат в поперечных общекарпатскому направлению речных долинах, а Тухолька еще и на перекрестке, собирая ветра разных румбов. Как известно, доминирующим переносом воздушных масс в Карпатах являются ветра западных направлений, приносящие осадки в основном в виде дождя. Западные ветра в таких долинах, перевалив через низкогорные поперечные хребты, не только не задерживаются ими, но еще и усиливаются, принося косой дождь (*шарга*)²³. При таком положении речной долины хаты ставились широким фасадом в юго-восточном направлении, подставляя наиболее влажным юго-западным ветрам юго-западную тор-

²² Прикладка ищется в близлежащем лесу, а в Турковском подрайоне леса сохранились лишь на вершинах хребтов, сенокосы же разбросаны среди полей.

²³ Среднегорные хребты в сила задержать ветра, подчинив направление их рисунку долин.

цевую стену, зимним северным ветрам – заднюю и другую торцевую (северо-восточную) стену. Для того, чтобы стены не замокали под действием западных ветров, и чтобы термоизолировать от действия северных ветров, с трех сторон хату и хозяйственные строения огораживали дополнительными стенами, которые вкупе с навесами крыши создавали дополнительные помещения, используемые также в качестве складских.

Другой особенностью полевых исследований подобного рода является специфика передвижения членов экспедиции. Характер самого исследования (*пронизывание* ландшафтов, изучение не только ойкумен, но и субойкумен и частично анойкумен), а также особенности Карпат как горной страны, ограничивают использование автотранспорта. Наиболее оптимальными, согласно нашему опыту, являются конный транспорт (верховой и вьючный), велотранспорт, а также пешеходные маршруты.

Специфика каждой науки бесспорно накладывает свой отпечаток и на особенности фиксации материала. В антропогеографическом исследовании обязательным мы считаем природоведческий блок в вопроснике, а также фотосъемку, кроме этнографического материала, еще и фото сельбища, сельскохозяйственных угодий, леса, субальпийских лугов и доминирующего травостоя (вблизи), различных форм рельефа, выходов коренных пород на поверхность, эрозионных процессов, речных террас. Природоведческий блок в нашем вопроснике касается видового состав леса и его динамики, агроклиматических условий (характер почвенного покрова, урожайность сельскохозяйственных культур, даты их посева и созревания, преобладающие типы лугов, дата косовицы, заготовка отавы и третьего сена, преобладающие ветра и их народные названия) и др. Также мы фиксируем болезни, приводящие к смерти детей, мужчин, женщин в прошлом и в настоящее время.

Как при выборе маршрута экспедиции, так и при выборе населенных пунктов, в материалах архивов мы пользуемся различными физико-географическими картами. Главное значение имеют для нас геоморфологические карты и карты ландшафтов, которые в сущности лишь более детализированы. Трудности возникают при исследовании зарубежных земель, ибо польские и словацкие схемы не соответствуют украинским, а в советской и современной украинской физической географии нет существенных разработок геоморфологического и ландшафтного районирования зарубежья.

Следует отметить, что экспедиции подобного рода бесспорно относятся к разряду комплексных, в них должны принимать участие различные специалисты²⁴. Однако на сегодняшний день существует ряд проблем как интеграционно-научного, так и финансового плана²⁵. Важным препятствием, на наш взгляд, является также отсутствие антропогеографии и этноэкологии как отдельных дисциплин, закрепленных в качестве предметов университетской программы.

Важнейшим в антропогеографических исследованиях, как мы полагаем, является вопрос о включении в понятие *природно-территориальный комплекс* в качестве отдельного компонента, наряду с *геолого-геоморфологическим, гидроклиматическим, биотическим*, также *социально-этнического*, и в составе последнего можно рассматривать этническую культуру. Последняя довольно определенно детерминирована природными свойствами ландшафта, чутко реагирует на его изменение, сама при этом являясь активным компонентом. Так, в различных ПТК Карпат, вне зависимости от диалектной карты, сложились различные хозяйственно-культурные зоны, которые специфическим образом воздействуют на свой ландшафт. Например, низкогорный рельеф, преобладание смешанных буково-пихтовых, елово-буково-пихтовых и пихто-буковых лесов паркового типа, параллельные общекарпатскому направлению цокольные долины, симметричные склоны Турковской Верховины способствовали в процессе культурной адаптации предков бойков формированию земледельческо-скотоводческо-лесной ($Z > C > Л$) культурно-хозяйственной зоны. Преобладание среднегорного рельефа, ассиметричных горных склонов, смешанных пихто-елово-буковых лесов, меридиональное положение горных долин создало в Славской Верховине скотоводческо-земледельческо-лесную ($C = Z > Л$) хозяйственно-культурную зону. В $Z > C > Л$ зоне абиотические и биотические компоненты ландшафта претерпели сильные изменения, и коренные изменения в них произведены на 50%-75% территории, а в $C = Z > Л$ зоне произошло слабое изменение ландшафта, лишь частично претерпевшего коренные изменения, и морфологические единицы (фации, урочища и

²⁴ Практически все экспедиции автор проводит сам, изредка удается привлечь других исследователей.

²⁵ Политические и социально-экономические реалии на Украине не способствуют улучшению финансирования как науки в целом, так и этнографических и антропогеографических исследований в частности.

местности) антропогенного происхождения составляют не более 25% площади ландшафта (Трохимчук, 1968, с. 18).

Среди геоморфологов и ландшафтоведов не утихают споры относительно выделения того или иного ПТК. Например, геоморфолог Р. Сливка, ландшафтовед С.В. Трохимчук и другие выделяют отдельно в качестве района *Верховинский среднегорный эрозионно-тектонический Водораздельный хребет* (Сливка, 2001; Трохимчук, 1968). Некоторые ученые, в частности ландшафтовед А. Мельник, по Водораздельному хребту проводят границу между низкогорными Воловецко-Межгорской и Стрыйско-Санской Верховинами (Мельник, 1999).

Рассмотрение этнографического материала подтверждает правоту взглядов Сливка и Трохимчука. Речные долины, прилегающие к Водораздельному хребту, расположены в меридиональном и субмеридиональном, относительно общекарпатского, направлениях, перпендикулярно хребту. При этом на Водораздельном хребте располагаются либо часть сел, либо бывшие выселки, ставшие самостоятельными селами; нижняя часть села (либо материнское село) лежит в низкогорных Стрыйско-Санкой либо Воловецко-Межгорской Верховинах. Несмотря на генетическое родство и соседство *хата в хату*, не вдаваясь в глубокий анализ, очевидны принципиальные отличия между ними. Приведем лишь некоторые примеры²⁶.

свойства села	Подсечно-огневые формы земледелия	Особенности толоко-царинного двуполья	Доминирующее тягло	Способы вспашки	Сенокосы, зымывки
Либохора, верхний конец (у подножья Западной части Водораздельного хр.)	не преобладают, но часто используются	объединяются группой соседских дворов и разделяют свои пашенные угодья на толоку и царину, которые меняются друг с другом каждый год	вол	преобладает вспашка поперек склона (террасирование)	сенокосы на Букковской полонине (Водораздельный хр.) за несколько км от усадьбы. На месте сенокосов стога сена, изредка при них шалаши-кольбы, сено стараются свозить в усадьбу. Зымывок нет.

²⁶ На основе полевых материалов автора. Хронологические рамки материала: 1920-е – 1930-е гг.

свойства села	Подсечно-огневые формы земледелия	Особенности толоко-царинного двухполя	Доминирующее тягло	Способы вспашки	Сенокосы, зымывки
Либохора, нижний конец (Турковская Верховина)	редко, ибо мало леса, поля почти не зарастают	классическое двухполье, при котором <i>толока</i> - общественное пастбище, а <i>царина</i> - поля, находящиеся в частной собственности; смена толоки на царину определяется на сходе глав хозяйств	конь	преобладает вспашка в склад	сенокосы лишь на царине по заболоченным участкам. Зымывок нет.
Ялынкуватое (Водораздельный хр.)	часто используется	смена толоки на царину обязательна для всего села, однако толоки индивидуальны, как и поляны-царины.	вол	лишь вспашка поперек склона	сенокосы на царинах и (удаленные) на вершинах хребтов. Там устраивали зымывки; большинство зымывок представляли собой хлев, реже хлев-избенку, некоторые перерастали в филиалы хозяйств (субойкумена), где зимовали некоторые члены семьи со скотом.
Волосянка (Славская Верховина)	довольно редко	аналогично	конь	преобладает вспашка в склад и в разгон	зымывки распространены, но их меньше чем в Ялынкуватом

свойства села	Подсеч- но- огневые формы земле- делия	Особенности толо- ко-царинного двух- поля	Домини- рующее тягло	Способы вспашки	Сенокосы, зы- мивки
Завыйка (Водораз- дельный хр.)	основ- ная форма	скот пасли по <i>лус- тьням</i> Водораз- дельного хребта, сенокосы меняли с <i>нивой</i> местами.	лишь волы	лишь вспашка поперек скло- на	на удаленных сенокосах рас- пространены зымивки
Прислоп (Меж- горская Верхо- вина)	часто исполь- зуется, но усту- пает поле- вым формам	скот пасли на посто- янной толоке, нива менялось местами с сенокосами	коней много, но пре- облада- ют волы	преобладает вспашка попе- рек склона, часта вспашка в склад, быту- ет вспашка в разгон	то же

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что издавна бойки Стрийско-Санской и Воловетско-Межгорской Верховин называли себя верховинцами, свою территорию Верховиной, а Водораздельный хребет называли не иначе как Бескидом.

Таким образом, рассмотрение истории развития и методологии исследований взаимоотношения этносов, этнографических групп, микрогрупп и природной среды их обитания на примере Украинских Карпат позволяет сделать следующие выводы:

- Наиболее близко к пониманию рассматриваемых взаимоотношений подошла антропогеография, однако она требует пересмотра и дальнейшего развития.

- В западноукраинской, а также соседней словацкой науках довольно богатый опыт антропогеографических исследований; есть серьезные результаты. Более всего заслуживают внимание с точки зрения информативности и методологии работы В. Кубиевича. Главными его заслугами

можно считать разработку понятия *расселение* и на этой основе – хозяйственное районирование Карпат, а также детальное изучение ойкумены и субойкумены в различных ПТК Карпат.

– Наиболее совершенный понятийный аппарат и методологическая база при изучении взаимодействия этносов и его таксономических единиц (этнографических групп и микрогрупп) принадлежит этноэкологии, которая и должна дополнить, модернизировать антропогеографию, образовать с ней симбиоз.

– В рамках развития антропогеографии необходимо сотрудничество этнографии с представителями физической географии и в первую очередь с ландшафтоведами. Официальное включение этнографического компонента (этнической культуры) в структуру природного ландшафта может плодотворно сказаться как на исследованиях этнографов, так и физических географов.

– Еще не состоялась окончательная ломка старого научного мировоззрения в постсоветском пространстве, где по политическим причинам целые отрасли науки приобретали статус лженаук, а труды их ведущих специалистов находились под запретом.

– На Украине делаются попытки возрождения антропогеографии, а также внедрения этноэкологических научных принципов.

Литература

Берг Л.С. Ландшафтно-географические зоны СССР. Ч. 1. – М–Л., 1931.

Бойко И.А. Жилые постройки бойков (верховинцев) конца XVIII – первой половины XX в. // Этнографическое обозрение, 2002, № 3. – С. 39–54.

Бойко И. Природные условия и система материального жизнеобеспечения бойков (верховинцев) в конце XVIII – первой половине XX в. – М.: ИЭА РАН, 2004а.

Бойко И.А. Роль различных факторов в формировании этнокультурного разнообразия украинского народа // Труды молодых ученых. Выпуск 1. – М., 2004б. – С. 7–14.

Бойко И.А. Культурная адаптация к природной среде обитания на примере хозяйственной деятельности населения Карпат и гор Центральной Европы // Гуманитарная культура и этноидентификация (Труды молодых ученых. Выпуск 2). – М., 2005. – С. 109–126.

Бойко І. Деякі аспекти етнографічного районування українців південних схилів Карпат // Вісник Київського національного університету ім. Т. Шевченка: секція Історична, – 2009, № 27. – С. 32–38.

Геренчук К.І. Основні проблеми фізичної географії. – Київ, 1969.

Глушко М. Шляхи сполучення і транспортні засоби в Українських Карпатах другої половини XIX – початку XX ст. – Київ, 1993.

Гумилёв Л.Н. Этносы и природная среда // Рациональное использование природных ресурсов и охрана окружающей среды. Вып. 3. – Л., 1980. – С. 24–29.

Головацкий Я. О костюмах или народном убранстве русинов, или русских, в Галиции и северной Венгрии. – СПб., 1868.

Головацький Я. Подорож по Галицькій та Угорській Русі, описана в листах до приятеля у Л. // Подорожі в Українські Карпати. – Львів, 1899.

Гордієнко Г. Село Вишне Студене // Подкарпатська Русь. – Ужгород, 1936.

Жолтовский П.Н. О пропорциях в народном зодчестве украинских Карпат // Советская этнография, 1975. – № 6. – С. 75–84.

Данилюк А. Скарби народної архітектури Гуцульщини. Етнографічний нарис. – Львів, 2000; Народна архітектура Бойківщини. – Львів, 2004.

Зубрицкий М. Пачкарсьтво бакуну (тютюну) в горах у Галичині в XIX ст. // Науковий збірник. – Львів, 1990. – С. 1–24.

Зубрицкий М. Село Кіндратів (Турецького пов.) // Житє і слово. – Львів, 1895. – Т. 4 і 5. – С. 104–112.

Зубрицький М. Годівля, купно і продаж овец у Мшанці Старосамбірського повіту // Матеріали до українсько-руської етнології. – Т. 6, 1905. – С. 1–40.

Козлов В.И. Жизнеобеспечение этноса: Содержание понятия и его экологические аспекты // Этническая экология: теория и практика. – Москва, 1991. – С. 3–43.

Крупник И.И. Факторы устойчивости и развития традиционного хозяйства народов Севера: К методике изучения этноэкологических систем. КД. – М., 1977.

Лаврук М. Гуцули Українських Карпат. – Львів, 2005. – С. 286.

Левин М.Г., Чебоксаров Н.Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области // Советская этнография, 1955 – № 4.

Мельник А. Українські Карпати: еколого-ландшафтознавче дослідження. – Львів, 1999.

Олесницький Є. Торговельна організація бойків синеводських // Економіст. – Львів, 1904. – С. 5–8.

Павлюк С.П. Народна агротехніка українців Карпат другої половини XIX – початку XX ст. (Історико-етнографічне дослідження). – Київ, 1986.

Ратцель Ф. Народоведение (Антропогеография) // Геополитика: Хрестоматия / Сост. Б.А. Исаев. – СПб.: Питер, 2007. – С. 10–5.

Рудницький С. Основи землезнання України. Антропогеографія України. – Ужгород, 1926.

Сливка Р. (отец). Геоморфологія Вододільно-Верховинських Карпат. – Львів, 2001.

Сливка Р. (сын). Принципи виділення типів сільської місцевості на території Бойківщини // Вісник Львівського університету: Серія географічна. – Львів, 2001. – Вип. 28. – С. 166–172.

Солнцев Н.А. Природный ландшафт и некоторые его общие закономерности. – Труды II Всес. геогр. съезда, т. I., – М., 1948. – С. 258–269.

Тарас Я. Сакральна дерев'яна архітектура українців Карпат. – Львів, 2007. – С. 40–460.

Тиводар М. Традиційне скотарство Українських Карпат другої половини ХІХ – першої половини ХХ ст. – Ужгород, 1994.

Тиводар М. Етноісторичний та етнокультурний розвиток українців Закарпаття // Carpatica – Карпатика. Етнічні та історичні традиції населення Українських Карпат в кінці ХVІІІ–ХХ ст. – Вип. 6.– Ужгород, 1999. – С. 46–48.

Трохимчук С.В. Изменение ландшафтов Стрыйско-Санской Верховины в Украинских Карпатах за историческое время. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата географических наук. – Львов, 1968.

Юрченко П.Г. Пропорції в дерев'яній архітектурі бойків // Культура та побут населення Українських Карпат. Тези доповідей та повідомлень. – Ужгород, 1972. – С. 25–32.

Ямсков А.Н. Антропогеография в трудах А.А. Крубера // Российский этнограф, 1993, вып. 3. – С. 196–205.

Atlas krajiny Slovenskej republiky. – Bratislava, 2002. – Mapa № 17, s. 201.

Czajkowski J. Wiejskie budownictwo mieszkalne w Beskidzie Niskim i na przyległym Pogorzu // Rocznik muzeow wojewodztwa rzeszowskiego. – T. 2. – Rzeszow, 1969. – S. 5–25.

Etnografický atlas Slovenska. – Bratislava, 1990. – S. 2–6.

Kopernicki I. O góralach ruskich w Galicyi. Zarys etnograficzny według spostrezen w podrozy, odbytej w koncu 1888 r.– Kraków, 1889.

Kubijowicz W. – Przyczynek do antropogeografii Gorganów. – Kraków, 1921.

Kubijowicz W. Przyczynek do antropogeografii Gorganów // Przegląd Geograficzny, T. II. – Warszawa, 1920–1921. – S. 146–149.

Kubijowicz W. Rozmieszczenie kultur i ludności w Karpatach Wschodnich // Krakowskie odczyty Geograficzne. – Kraków, 1924.

Kubijowicz W. Życie pasterskie w Beskidach wschodnich. – Kraków, 1926.

Kubijowicz W. – Górna granica osadnictwa w dolinie Bystrzycy Nadwórniańskiej (La limite supérieure de l'habitat dans la vallée de la Bystrzyca Nadwórniańska). – Kraków 1929.

Kubijovyč V. Rozšíření kultur a obyvatelstváv Severních Karpatech. – Bratislava, 1932.

Kubijovyč V. Pastýřský život v Podkarpatské Rusi. – Bratislava, 1937.

Lubicz-Czerwiński I. Okolica zadniestrzka między Stryjem i Łomnicą. Czyli opis ziemi, dawnych kłesk lub odmian tej okolicy. – Lwów, 1811.

Ratzel F. Antropogeographi. T. 1. Grundzugo der Anwendung der Erdkunde in die Geschichte. – Stuttgart, 1882. – S. 12.

Ratzel F. Antropogeographi. T. 2. Die Geographische Verbreitung des Menschen. – Stuttgart, 1891.

Šafařík P.J. O zemi gmenovane Bojky // Časopis Českeho Museum. R. 1. – Praha, 1837. – S. 23–36.

Wahilewíč I. Bojkove, lid ruskoslovansky v Halicich // Časopis českeho Museum. Sv. I – Praha, 1841. – S. 30–72.

<http://persona.rin.ru/view/f/0/19905/ratcel-ratzel-fridrih>

Дефиниция и этноэкологические аспекты феномена «трагедии общинных ресурсов»

С момента появления концепции «трагедии общинных ресурсов» (tragedy of the commons), сформулированной сразу же в практически законченном виде американским биологом и экологом, профессором Калифорнийского университета Гэрретом Хардином (Hardin, 1968), она получила самый активный, хотя первоначально и неоднозначный отклик специалистов в области экологических и социальных наук, включая этнологию (культурную антропологию). По крайней мере, она стала очень широко известна на Западе (об эволюции взглядов на эту проблему и современных подходах к её предотвращению см., например: Dietz, Ostrom, Stern, 2003). О «трагедии общинных ресурсов» написано и в специализированной энциклопедии культурной антропологии, что свидетельствует о включении данной концепции в исследовательское поле этой науки (Acheson, 1996).

В наши дни в российской науке тоже можно встретить упоминание об этом феномене как о чём-то очевидном и потому могущем послужить наглядной иллюстрацией некоей сугубо социальной коллизии как, например, той, что сложилась ныне в сфере деятельности учёных советов по присуждению научных степеней (Соколов, 2008, с. 29). Но случаются и явные казусы с трактовкой данного понятия, когда оно фактически сводится лишь к модели нерациональной организации выпаса, приводящей к негативным экологическим и экономическим последствиям из-за перегрузки пастбищ (Скопин, 2005, с. 232). Если же попытаться оценить, какое место концепция «трагедии общинных ресурсов» заняла в области преподавания этнической экологии в университетах нашей страны, то можно отметить, что изучение рассматриваемого феномена предусмотрено в программах по этноэкологии для этнологов (Ларина, 2007, с. 184) или географов (Ямсков, 1999, с. 113, 115–116), а также в курсе «Этнокультурные аспекты геоэкологии» для географов и геоэкологов (Алексеева, 2010, с. 256). Вместе с тем есть пример программы по этноэкологии для географов и экологов, в которой это понятие не рассматривается (Этноэкология ..., 2010).

Представляется, что в области этноэкологических и, шире, социально-экологических исследований в России явно назрела необходимость

более детально разобраться в этом феномене. В частности, следует определиться с тем, каково же его содержание, при каких обстоятельствах он может проявляться и какими могут быть пути выхода из подобных ситуаций, как лучше перевести на русский язык сам термин, в каких областях науки оперируют этим понятием и какое место должен занимать данный феномен в университетских курсах по этноэкологии.

Начнём с того, как лучше сформулировать *определение феномена «трагедии общинных ресурсов»*. Думается, в силу сложности и важности этого понятия целесообразнее выбрать достаточно развёрнутую трактовку, хотя возможны и гораздо более краткие формулировки, встречающиеся, в частности, ниже или приводившиеся мною в прошлых публикациях (см., например: Ямсков, 1999, с. 116; Ямсков, 2005, с. 274).

Ещё одно принципиально важное предварительное уточнение – далее речь пойдёт о таком понимании «трагедии общинных ресурсов», которое адекватно задачам этноэкологии и смежных дисциплин, посвящённых в том числе вопросам использования природных ресурсов и взаимодействия отдельных человеческих сообществ с географической средой. Но в действительности с самого момента своего появления в науке феномен «трагедии общинных ресурсов» имел гораздо более широкое значение, а апелляция к природным ресурсам, в частности пастбищным, потребовалась лишь для прояснения его сути и далее выступала только в качестве метафоры, и не более того (Hardin, 1968, p. 1248).

Суть «трагедии общинных ресурсов» состоит в том, что в культуре человека нет ограничений, которые препятствовали бы истощению некоего природного ресурса, если этот ресурс находится в коллективном нерегулируемом («общинном») пользовании, то есть когда любой член коллектива («общинник») может использовать его настолько интенсивно, насколько захочет, и если при этом сочетаются ещё два необходимых условия. Во-первых, в процессе эксплуатации данного ресурса позитивные результаты (“выгоду”) получает индивидуально каждый конкретный ресурсопользователь, причём эта выгода для индивида тем больше, чем интенсивнее сам он использует данный ресурс. Во-вторых, негативные последствия (“ущерб”), начинающие нарастать по мере истощения ресурса вследствие чрезмерной его эксплуатации, равномерно распространяются на всех членов данного коллектива, вклю-

чая и тех, которые данным ресурсом продолжают пользоваться в прежних ограниченных размерах, не вызывавших прежде его истощения.

Феномен «трагедии общинных ресурсов» представляет собой одну из всего нескольких важнейших, с экологической точки зрения, форм стереотипного поведения человека в сфере использования природных ресурсов, детерминированных культурной спецификой того сообщества, частью которого данный человек является. Говоря иными словами, этот феномен можно считать одним из главных культурных архетипов человека, определяющих природопользование и в целом отношение к окружающему миру и его ресурсам (Ямсков, 2005).

Г. Хардин для иллюстрации своих мыслей приводил абстрактный пример с общинным пастбищем, на котором каждый общинник волен пасти столько коров, сколько захочет, что и определило выбранный им тогда термин для обозначения этого явления (Hardin, 1968, p. 1244). Он объяснял данный феномен тем, что если отдельный член общины, совместно использующей одно общее пастбище, увеличит поголовье своего стада всего на одну корову, то для него лично большая дополнительная выгода (всё, что можно получить от ещё одной головы скота) явно перевешивает одновременно возникающий небольшой ущерб. Последний обусловлен тем, что пропорционально росту всего стада общины на каком-то этапе начинается перевыпас и относительное ухудшение качества пастбища, а соответственно и снижение продуктивности каждого животного вследствие нарастающего дефицита пастбищных кормов. Стремление к личной сиюминутной выгоде заставляет, согласно мнению Г. Хардина, каждого либо явное большинство из членов общины неуклонно наращивать поголовье своего скота, вызывая тем самым серьёзный перевыпас и в перспективе – полную деградацию пастбища, кризис скотоводства из-за падежа скота вследствие бескормицы и распад самой общины скотоводов, теряющей основной источник средств существования.

Думается, что для более детального и доступного объяснения «трагедии общинных ресурсов», желательного, например, для курса лекций, можно предложить столь же условный, но ещё более конкретизированный пример (первую его версию см.: Ямсков, 2005, с. 285–287). Собственно говоря, ранее тоже были случаи введения количественных показателей в описание условной ситуации для того, чтобы более наглядно разъяснить студентам суть обсуждаемого явления

(Голубев, 1999, с. 30; Haggett P., 2005, p. 327–328). Ниже, однако, предлагается гораздо более детальный анализ некой абстрактной ситуации, чем у вышеупомянутых авторов.

Предположим, что где-то в совершенно изолированной от внешнего мира горной долине живёт группа ведущих традиционное натуральное хозяйство скотоводов в составе 10 одинаковых по размеру семейных хозяйств, в каждом из которых по 4 головы крупного рогатого скота, в том числе по 2 дойных коровы, дающих по 6 литров молока в день каждая. Две коровы полностью удовлетворяют потребности своих хозяев в молочных продуктах питания, для производства которых требуется именно 12 литров молока в день на хозяйство. По принятому нами условию, в силу абсолютной транспортной изолированности этой горной местности скотоводы не могут использовать молоко и молочные продукты никак иначе, кроме как для собственного потребления. Поэтому члены общины не имеют стимулов к увеличению поголовья скота выше 20 голов дойных коров (10 хозяйств, держащих по 2 дойных коровы каждое), или всего 40 голов крупного рогатого скота (в нашем примере дойные коровы составляют ровно половину стада, включающего также телят и быков). Такие размеры стада соответствуют средней многолетней ёмкости пастбищ в этой долине.

Представим себе, что вследствие каких-либо военно-стратегических соображений государство провело через описываемую горную долину автомобильную дорогу, и наши скотоводы впервые в своей истории получили возможность продавать молоко или молочные продукты скупщикам. Допустим, ровно половина хозяйств проявили себя в новых условиях “капиталистами” и, увеличив поголовье до 3 дойных коров на семью, стали продавать по 6 литров молока в сутки (удои от одной дополнительной коровы на хозяйство), по прежнему питаясь в основном молочными продуктами (12 литров в сутки от прежних двух коров на хозяйство). Оставшиеся 5 семей, будучи “традиционалистами”, продолжили жить натуральным хозяйством и держать по 2 дойных коровы на хозяйство. Это означает, что в долине теперь насчитывается уже 25 дойных коров (10 коров у “традиционалистов” и 15 коров у “капиталистов”), то есть всего 50 голов крупного рогатого скота (ведь дойные коровы составляют ровно половину стада).

Но ёмкость местных общинных пастбищ соответствует стаду всего в 40 коров, телят и быков, поэтому в долине начинается перевыпас,

проявляется пастбищная дигрессия, и в итоге из-за недостатка кормов коровы снижают удои, допустим, на 1 литр в день каждая, то есть до 5 литров. Таким образом, вскоре у “капиталистов” общие удои от 3-х коров на семью стали составлять только 15 литров в день, и на продажу у них теперь остаётся лишь 3 литра молока вместо прежних 6 литров. Значит, ставшие уже привычными денежные доходы и, следовательно, возможности покупать себе товары из внешнего мира, упали вдвое, что заставляет этих владельцев-предпринимателей ещё более увеличивать поголовье скота в попытке хотя бы восстановить былой уровень жизни. Одновременно и у “традиционалистов” на семью стало приходиться всего по 10 литров молока в день, то есть появился ежесуточный дефицит продуктов питания в размере 2 литров молока и соответствующего количества производимых из него продуктов. Следовательно, и “традиционалисты” тоже вынуждены теперь увеличивать поголовье скота в своих хозяйствах, чтобы хотя бы накормить досыта себя и своих детей.

Таким образом, наши условные скотоводы втянулись в “трагедию общинных ресурсов”, которая не может кончиться ничем иным, кроме как полной деградацией пастбищ вследствие постоянно растущего поголовья скота, последующим падежом основной части домашних животных от бескормицы, и гибелью общины скотоводов, которая уже более не сможет существовать на данной территории за счёт ведения скотоводческого хозяйства.

Именно по такой модели, при всей схематичности и условности нашего примера, развиваются ныне реальные социально-экологические ситуации во многих отдалённых скотоводческих регионах стран Третьего Мира, которые только сейчас втягиваются в сферу рыночного хозяйства и где при этом сохраняются традиционные культуры кочевых или пастушеских скотоводов с типичным для последних общинным (коллективным нерегулируемым) землевладением или землепользованием.

Разумеется, в целом ряде случаев, в том числе и в современной России, «трагедия общинных ресурсов» может не менее остро проявляться применительно ко многим другим природным ресурсам, находящимся в коллективном нерегулируемом пользовании, а также и при таких нередких обстоятельствах, когда в реальной жизни происходит массовое нарушение установленных государством правил ресурсопользования. В качестве примеров можно назвать пушных зверей и другую

дичь в районах охотничьего промысла, рыбу в местах развития рыболовства, ягоды (на клюквенниках Русского Севера, например) или кедровые орешки в кедрачах Южной Сибири и на юге Дальнего Востока, лекарственные травы, грибы или цветы в местах их массового сбора, и т.п.

Существуют, однако, по крайней мере в теории, вполне эффективные *меры, предотвращающие «трагедию общинных ресурсов»*. Во-первых, наши условные скотоводы из горной долины при переходе к рыночным отношениям могли бы договориться между собой и отказаться от главной предпосылки этой трагедии – сохранения коллективного и неконтролируемого использования пастбищ в условиях формирующихся товарно-денежных отношений. Это можно обеспечить путём раздела общинных пастбищных земель между отдельными хозяйствами, то есть посредством приватизации общинных ресурсов. Во-вторых, общинное владение и пользование пастбищными ресурсами вполне можно было бы и сохранить в новых экономических условиях, но только если члены общины смогли бы совместно определить максимально допустимые нормы нагрузки на них и ввести эффективный общественный контроль за соблюдением таких норм. Так, в нашем случае это могло бы быть решение общины скотоводов о том, что каждое из десяти хозяйств может держать на общинном пастбище в долине только по четыре головы крупного рогатого скота, или меньше, но ни в коем случае не больше.

Разумеется, с теоретической и, что в данном случае главное, с практической точек зрения государство в лице местных представителей власти тоже имеет все возможности эффективно остановить «трагедию общинных ресурсов» на самых ранних стадиях её развития, причём в нашем условном примере – обоими вышеназванными способами: введя и жёстко контролируя нормирование нагрузки на общинные пастбища либо проведя приватизацию этих пастбищ.

Следует также обязательно учитывать то, что в реальной жизни появление «трагедии общинных ресурсов» даже при сложении всех необходимых для неё условий отнюдь не является совершенно неизбежным. В действительности антропологами и экологами накоплено немало свидетельств того, что многие местные сообщества смогли избежать втягивания в «трагедию общинных ресурсов», разработав специфические методы организации самых разных отраслей природопользования и контроля за масштабами либо экологическими последствиями хозяйственной деятельности (об этом см. подробнее: Acheson,

1996, p. 1236; McCay, 2002, p. 384–387; Moran, 2006, p. 118, 128; Trawick, 2001, p. 20). Пожалуй, в последние годы именно Элино́р Остро́м наиболее последовательно и убедительно отстаивала идею о том, что при всей частоте случаев и трагичности экологических и социальных последствий «трагедии общинных ресурсов» последняя всё же не является неминуемой при использовании местными сообществами природных ресурсов, находящихся в их общинном (коллективном) пользовании (см., например, её обзор: Ostrom, 2008). Между прочим, в 2009 г. профессор политической экономики Э. Остро́м была удостоена Нобелевской премии по экономике (вместе с О. Уилльямсоном) за её вклад в изучение процессов управления экономикой и, в частности, за исследования в области экономики и управления общественными («общинными») ресурсами (земельными, биологическими и иными).

Конечно же, пример с общинными пастбищами и скотоводами – всего лишь яркая метафора. В действительности феномен “трагедии общинных ресурсов” имеет гораздо более широкое значение, помогая понять перспективы как стихийно развивающегося неконтролируемого использования самых разных возобновимых природных и иных ресурсов, так и вообще поведения человека по отношению к тому, что является «общественным благом», эксплуатация которого не регулируется и может приносить тем больше выгод индивиду, чем активнее он лично этим благом пользуется (Hardin, 1968).

Повторимся, предпосылки “трагедии общинных ресурсов” – сохранение коллективного нерегулируемого доступа к ресурсам в принципиально новых социально-экономических условиях, когда целью хозяйственной деятельности становится уже не только обеспечение собственных потребностей местного населения, но и накопление денег или других материальных ценностей, получаемых вследствие продажи части получаемой продукции. Впрочем, иногда эти «новые социально-экономические условия» могут также означать принципиальные трансформации в технологиях природопользования, в системе расселения или количестве пользователей и ряд других фундаментальных новаций в сфере ресурсопользования, в конечном итоге резко повышающих былую нагрузку на ресурсы. Возможные пути предотвращения этой проблемы – во-первых, широко понимаемая и применимая в ряде случаев «приватизация» ресурса (точнее, раздел между пользователями), а во-вторых, всегда возможное введение нормирования

нагрузки на ресурс со строгим соблюдением установленных нормативов ресурсопользования.

Корректный перевод термина “tragedy of the commons” на русский язык, полностью передающий значение английского оригинала, к сожалению, просто невозможен – для англоговорящего читателя или слушателя в этом термине легко просматривается игра слов, имеющая принципиально важное значение в обсуждаемом контексте. Данное словосочетание имеет двойной смысл, и “tragedy of the commons” одновременно означает как «трагедию общинных ресурсов», так и «трагедию общинников». Как известно, словом “the commons” в Англии одновременно обозначается как сельское общинное пастбище (или же лес, либо пустоши, принадлежащие всему сообществу жителей сельского населённого пункта), так и само сообщество этих людей, или крестьян-общинников в историческом прошлом. Вспомним, что и поныне, как дань уходящей в Средние века традиции, нижняя палата в британском парламенте, избираемая всем населением страны, называется «Палата общин» (House of Commons).

Предложенный мною перевод этого понятия как «трагедия общинных ресурсов» (Ямсков, 1999, с. 113), увы, затеняет один из двух смыслов исходного английского термина (то есть «трагедию общинников»), но зато акцентирует внимание именно на проблеме истощения ресурсов. Видимо, для этноэкологии, равно как и для эколого-географических исследований, такой перевод оптимален.

В отечественной науке пока, к сожалению, ещё очень далеко до единства в терминологической сфере, если говорить о данном феномене. Так, социолог М. Соколов употребляет в этом значении выражение «дилемма общинных пастбищ» (Соколов, 2008, с. 29), этнолог Е.И. Ларина – «трагедия общих ресурсов» (Ларина, 2008, с. 184), эколог О.Н. Воронова в своём Интернет-курсе по природопользованию – «трагедия общинных земель» (Воронова). Во всех этих случаях акцентируется именно ресурсный аспект данного явления, что представляется совершенно оправданным. Схожий в целом смысловой акцент выбрала и социолог О.В. Аксенова, которая перевела название статьи Г. Хардина и само это явление как «трагедия общинной собственности» (Аксенова, 2004, с. 69). Экономисты в учебнике для Российского Университета Дружбы Народов используют термин «трагедия общины», приводя детальный разбор механизмов развития и последствий

этого явления на примере сообщества рыбаков; они также указывают, что в экономике синонимами термина «общинная собственность» являются термины «коллективная собственность» и «коммунальная собственность» (Пономаренко, Исаев, 2010). В географии и геоэкологии Н.Н. Алексеева использует термин «трагедия общинных ресурсов» (Алексеева, 2010, с. 256), а Г.Н. Голубев назвал это явление «трагедией всеобщего достояния» (Голубев, 1999, с. 30). В последнем случае суть данного понятия, примененного к самым разным сферам жизни общества, как кажется, передаётся ещё полнее. Но вместе с тем, к сожалению, теряются оба первоочередных смысла, связанных с общинными ресурсами и самими членами общины (сообщества), которые были заложены в исходный английский оригинал и которые столь важны для этноэкологии, да и для в целом для сферы социальных и экологических исследований.

В переводных публикациях рассматриваемое понятие тоже, увы, передаётся весьма разнообразно. Так, группа географов из МГУ при переводе американского учебника по экологии сочла возможным обозначить этот феномен как «трагедия общества» или «трагедия современного общества», хотя они и уточнили, что речь идёт об «... использовании ресурсов, находящихся в общественной собственности» (Миллер, 1993, с. 33). Географ А.Ю. Скопин переводит данный термин как «трагедия сообществ» (Скопин, 2005, с. 231), а в монографии известного специалиста по информационным технологиям он обозначается как «трагедия общинной собственности» (Рейнгольд, 2006). В учебнике экономики был принят перевод «трагедия общинных земель» (Мэнкью, 2010, с. 255), в учебниках социальной психологии – «трагедия общинных владений» (Майерс, 2004, с. 330) или «трагедия общинных выгонов» (Ойстер, 2004, с. 193–194).

Попробуем критически рассмотреть названные выше предложения. Безусловно, самой неудачной, а точнее – просто ошибочной является попытка передать смысл обсуждаемого явления словами «трагедия общества» или «трагедия современного общества». Это явление не только не универсально, но в принципе его проявления приурочены лишь к относительно короткому (в масштабах истории, конечно) периоду перехода от традиционных к современным обществам, в экологическом и социологическом понимании указанных терминов (см. подробнее об особенностях традиционных обществ: Ямсков, 2000). Почти

столь же неудачен и перевод «трагедия сообществ», ибо понятие «сообщество» слишком многозначно и в равной мере приложимо как к локальной группе охотников-собирателей, так и к объединению поклонников Майкла Джексона или любителей йоги в Нью-Йорке либо Москве. Как уже отмечалось выше, речь ведь идёт не просто о неких обществах или сообществах людей, а лишь о тех из их, во владении или пользовании которых находятся те или иные общественные (то есть «общинные») ресурсы.

Также не стоит, на мой взгляд, использовать в определении этого понятия термины «земли», «пастбища», «выгоны», «владения» или «собственность», что излишне сужает его значение. Ведь земельные либо пастбищные ресурсы или собственно земельные участки (владения) представляют собой лишь частный случай природных ресурсов, в сфере использования которых может проявляться данный феномен. К тому же обсуждаемое понятие применимо и по отношению к использованию, например, социальных, пространственных или иных «ресурсов», не относящихся к собственно природным. Нецелесообразно говорить и об «общих» ресурсах, ведь они могут оставаться «общими» и при этом иметь жесткую регламентацию использования и эффективный контроль за соблюдением принятых норм ресурсопользования. Так, например, научно обоснованное определение квот на вылов рыбы и лицензирование рыболовства в сочетании с эффективным мониторингом лова и пресечением попыток браконьерства или превышения разрешённых квот исключает возможность развития «трагедии общинных ресурсов» применительно к рыбным ресурсам в соответствующей акватории.

С другой стороны, передача смысла рассматриваемого явления словами «трагедия общин» или «трагедия всеобщего достояния» не может считаться ошибкой или неточностью. Однако предложенный вариант перевода – «трагедия общинных ресурсов» – представляется мне всё же наиболее удачным в силу ряда причин. Во-первых, в данном случае речь идёт прежде всего о «ресурсах», без уточнения того, о каких именно ресурсах говорится, и именно такой подход ближе всего к передаче сути этого феномена, поскольку он акцентирует один из двух важнейших смыслов, заложенных в оригинальное название на английском языке. Во-вторых, отмечается, что это именно «общинные» ресурсы, то есть находящиеся в коллективном нерегулируемом пользовании, и это опять-таки наиболее близко к значению оригинала. Но, как уже

отмечалось, у этого варианта перевода есть и заметный недостаток – в данном случае затушевывается тот факт, что речь идёт одновременно и о «трагедии членов общины». Впрочем, приведённые выше примеры показывают, что чаще всего на русском языке передаётся первый из отмеченных здесь смыслов английского термина, то есть относящийся к ресурсам, и именно его наиболее адекватно передаёт выражение «трагедия общинных ресурсов», что свидетельствует в пользу последнего.

Наконец, стоит также уточнить, что во введённом Г. Хардином (1968) определении данного феномена именно как «трагедии» был использован прямой, буквальный смысл этого термина из сферы искусствоведения, ведь трагедия характеризуется предопределённостью (неизбежностью) гибели или каких-то чрезвычайных мук героя, несмотря на все его мужественные попытки противостоять злему року (Tragedy, 1989).

Но с течением времени стало понятно, что реализация «трагедии общинных ресурсов» не является абсолютной неизбежностью, ибо в культурах местных сообществ могут быть выработаны разные механизмы её предотвращения, которыми многие из них успешно воспользовались. Поэтому противники идеи об универсальности и неизбежности данного явления теперь всё чаще говорят просто об «общинных ресурсах» (the commons – см., например: Dietz, Ostrom, Stern, 2003; McCay, 2002; Trawick, 2001) или, ещё более определённо, о «ресурсах, находящихся в общественном пользовании» (the common-pool resources – см., например: Dietz et al., 2002, p. 15 и далее; McCay, 2002, p. 361 и далее; Becker, Ostrom, 1995, p. 114 и далее). По этой же причине посвящённый данной проблематике научный журнал, который начал выходить в 2007 г., получил название «Международного журнала общественных ресурсов» (International Journal of the Commons, см. сайт: <http://www.thecommonsjournal.org/index.php/ijc/index> – обращение 20.09.2011 г.). Впрочем, при переводе названия журнала можно было бы использовать и термин «общинные ресурсы», что несколько лучше передавало бы на русском языке исходную двойственность английского слова, подразумевающего не только «общинные ресурсы», но и самих «членов общины», или пользователей. Также далеко не случайно и то, что один из сборников, посвящённых в первую очередь анализу способов предотвращения этого феномена или путей выхода из ситуации, начавшей развиваться по данному сценарию, получил название «Драма общинных ресурсов» (The Drama of the Commons,

2002). Ведь в драме, как известно, хотя и может быть некий катарсис, завершающий цепь событий, но этот финал или пик напряжения в сюжете совсем не предполагает обязательной гибели или чрезмерных страданий главных действующих лиц (Drama, 1989, p. 472).

Тем не менее необходимо, как мне кажется, уважать право автора этой концепции и сохранить её название в том виде, в каком оно вошло в науку – «трагедия общинных ресурсов». Это, однако, вовсе не означает полного согласия со взглядами самого Г. Хардина, который, как теперь стало ясно, явно преувеличил универсальность и предопределённость описанного им социального и экологического явления. По крайней мере, многие ведущие американские эколого-антропологи спокойно продолжают пользоваться исходным термином, хотя и указывают при этом на его ограниченность и на те нередкие случаи, когда общинные природные ресурсы использовались вполне рационально даже при втягивании местных сообществ в товарно-денежные отношения (Moran, 2010, p. 38–39, 62–63, 127; Sutton, Anderson, 2010, p. 308).

Сферы применения концепции «трагедии общинных ресурсов», как было показано выше на примере опубликованных в России оригинальных и переводных исследований, весьма разнообразны – это социология, социальная психология, экономика, этноэкология и этнология, география и геоэкология, экология и природопользования. Дисциплинарную принадлежность журнальных статей, посвящённых «трагедии общинных ресурсов» и вышедших в свет за рубежом в период 1985–2005 гг., можно попробовать определить, пусть и весьма приблизительно, по диаграмме, приведённой в одном из научно-библиографических исследований по данной тематике. У авторов получились следующие цифры: антропология – около 150 статей; география – примерно 200, исследования проблем социально-экономического развития (development studies) – приблизительно 350, история – примерно 500, правоведение – 900, экономика – 1000, политические науки – 1100, экология – 1900 статей (van Laerhoven, Ostrom, 2007, p. 7).

О положении, сложившемся с изучением «трагедии общинных ресурсов» в рамках экологической антропологии, можно судить по следующему очевидному факту. Журнал, в котором в течение 1985–2005 гг. было опубликовано наибольшее количество статей (немногим более 120) по данной тематике – “Human Ecology” (экология человека),

а ведь это ведущее издание по экологической антропологии, выходящее начиная с 1972 г. Последующие четыре места заняли журналы эколого-экономического профиля: "Society & Natural Resources" (общество и природные ресурсы) – 100 статей, "Environment and Development Economics" (окружающая среда и экономика развития) – примерно 90 статей, "American Journal of Agricultural Economics" (американский журнал сельскохозяйственной экономики) – более 80 статей, и "Environmental and Resource Economics" (экономика окружающей среды и природных ресурсов) – 80 статей (van Laerhoven, Ostrom, 2007, p. 9).

Особенно важно подчеркнуть, что это понятие получило широкое распространение в самых разных методологических направлениях американской экологической антропологии (о последней подробнее см.: Козлов, Ямсков, 1989; Ямсков, 2011), являющейся аналогом отечественной этноэкологии. Так, о ней пишет в многократно переиздававшемся учебнике сторонник собственно «экологической антропологии» (ecological anthropology) в узком смысле этого слова (в 1960-е–1980-е гг. также иногда именовавшейся экосистемной антропологией) Эмилио Моран, профессор антропологии, профессор наук об окружающей среде и адъюнкт-профессор географии в Университете штата Индиана в городе Блумингтоне, который, вероятно, является наиболее авторитетным в данный момент специалистом в области эколого-антропологических исследований (Moran, 2008, p. 95, 99). Не обходят эту тему и авторы учебника, продолжающие линию исследований, заложенную когда-то Джулианом Стюардом, и потому декларирующие свою принадлежность к «культурной экологии» (Sutton, Anderson, 2010, p. 307–308). В рамках ещё одного, появившегося лишь в 1990-е гг. направления эколого-антропологических исследований, которое лучше обозначить как «антропология экологических проблем» (environmental anthropology), тоже можно найти учебник с небольшим разделом о «трагедии общинных ресурсов» (Townsend, 2009, pp. 97–98).

Интересно также отметить, что при знакомстве с зарубежной научной литературой по данному вопросу 1970-х–1990-х гг. бросается в глаза явная разница в подходах к феномену «трагедии общинных ресурсов», когда его применяют для описания использования возобновимых природных ресурсов. Так, экологи и экономисты обычно подчеркивали распространённость и опасность данной ситуации и её почти универсальный характер, тогда как антропологи, напротив, акцентиро-

вали внимание на случаях, когда местным сообществам удаётся выработать меры по предотвращению развития данного явления. Однако с течением времени позиции представителей разных дисциплин во многом сблизились, и теперь уже трудно найти антропологов, оспаривающих (как это порой бывало в 1970-е–1980-е гг.) сам этот феномен и его широкую распространённость в современную эпоху. С другой стороны, экономисты и экологи тоже уже не настаивают более на неизбежности проявления «трагедии общинных ресурсов» во всех случаях распространения товарно-денежных отношений при сохранении общинного пользования природными ресурсами.

Со временем сильно изменилось и внимание к «трагедии общинных ресурсов» со стороны научного сообщества – если в 1985–1991 гг. общее количество статей по данной тематике колебалось вокруг 200 в год, то в 1992–1996 гг. оно выросло до 400 в год, а к 2002 г. достигло 1000 в год, впоследствии превысив даже эту цифру и дойдя до максимума в 1200 статей в год в 2004 г. (подсчитано по графику динамики количества журнальных статей, ежегодно публиковавшихся по данной проблеме в период 1985–2005 гг. – см.: van Laerhoven, Ostrom, 2007, p. 6).

* * *

В качестве резюме можно заключить, что концепция «трагедии общинных ресурсов» – одна из важных составляющих теоретического арсенала отечественной этноэкологии и зарубежной экологической антропологии. Она описывает такую коллизию в сфере использования любых общественных ресурсов, при которой действия ресурсопользователей неминуемо приводят к истощению ресурсной базы и краху как соответствующей отрасли хозяйства, так и, следовательно, сообщества людей, существовавших за счёт этого вида деятельности.

Однако в сфере природопользования феномен «трагедии общинных ресурсов» может проявляться лишь в исторически ограниченный промежуток времени, когда традиционное общество трансформируется в современное и потому ещё сохраняющееся коллективное нерегулируемое («общинное») использование ресурсов начинает сочетаться с принципиально иными, гораздо более совершенными технологиями ресурсопользования и/или другими стимулами хозяйственной деятельности (прежде всего рыночными). Кроме того, существуют и могут быть реализованы на практике разные способы выхода из ситуации, начавшей развиваться по траектории «трагедии общинных ресурсов» – как внешние, за счёт госу-

дарственного нормирования и мониторинга ресурсопользования либо раздела государством ресурсов между пользователями, так и внутренние, в первую очередь основанные на сотрудничестве самих ресурсопользователей и выработке ими индивидуальных ограничений (норм) на использование находящихся в их коллективном владении ресурсов.

Учитывая важность изучения данного феномена как с теоретико-методологической, так и с практической точек зрения, и принимая во внимание сложившуюся в наши дни практику преподавания различных направлений экологической антропологии в университетах США, можно сделать вывод, что «трагедия общинных ресурсов» несомненно должна присутствовать в университетских курсах по этноэкологии и смежным дисциплинам, прежде всего таким как социальная экология и геоэкология.

Литература

Алексеева Н.Н. Этнокультурная проблематика геоэкологического образования // Инновации в геоэкологии: теория, практика, образование. Материалы Всероссийской научной конференции. Москва, 16-17 сентября 2010 г. Ред.: Э.П. Романова (отв. ред.) и др. М.: Географический факультет МГУ, 2010, с. 254–257.

Аксенова О.В. Генезис социально-экологической рефлексии на Западе во второй половине XX века // Социологические исследования, 2004, № 9, с. 68–76.

Воронова О.Н. Современное природопользование // Образовательный сайт Вороновой О.Н. Заочное дистанционное образование с получением государственного диплома Московского государственного индустриального университета (МГИУ) через Интернет (<http://www.voronova-on.ru/prirodopolzovanie/flora/raznoobrazue/ovremennoeflora/index.html> – обращение 20.09.2011 г.)

Голубев Г.Н. Геоэкология. Учебник для студентов высших учебных заведений. М.: Изд-во ГЕОС, 1999, 338 с.

Козлов В.И., Ямсков А.Н. Этническая экология // Этнология в США и Канаде. Отв. ред.: Е.А. Веселкин, В.А. Тишков. М.: Наука, 1989, с. 86–107.

Ларина Е.И. Этническая экология // Этнология на историческом факультете (программы курсов). Ред.: О.Е. Казьмина, В.В. именов, Т.Д. Соловей. М.: Исторический факультет МГУ, 2007, с. 182–187.

Майерс Д. Социальная психология: Интенсивный курс. 4ое изд. СПб. – М.: Прайм-Еврознак – Олма-Пресс, 2004, 510 с.

Миллер Т. Жизнь в окружающей среде. Книга I. М.: Прогресс – Пангея, 1993, 256 с.

Мэнкью Н.Г. Принципы экономики: Учебник для вузов. 4ое изд. СПб: изд. «Питер», 2010, 672 с.

Ойстер К. Социальная психология групп. СПб.: изд. «Прайм-Еврознак», 2004, 224 с.

Пономаренко Е.В., Исаев В.А. Экономика и финансы общественного сектора (основы теории эффективного государства): Учебник. М.: изд. Инфра-М, 2010 [серия «Учебники РУДН»] (цитируется по электронной версии – см.: http://fictionbook.ru/author/valeriyi_anatolevich_isaev/yekonomika_i_finansiyobshhestvennogo_sektora/read_online.html?page=7 – обращение 20.09.2011 г.)

Рейнгольд Г. Умная толпа: новая социальная революция. М.: изд. «ФАИР Пресс», 2006, 416 с. (цитируется по электронной версии – см.: <http://knigosite.ru/library/read/18657> – обращение 20.09.2011 г.)

Скопин А.Ю. «Трагедия сообществ» // Хаггетт П., Скопин А. Общая география: глобальный синтез. Harlow: Pearson Educated Limited, 2005, с. 231–232.

Соколов М. Проблема консолидации академического авторитета в постсоветской науке: случай социологии // Антропологический форум, 2008, № 9, с. 8–31.

Этноэкология: программа. Сост.: А.Б. Багдасарова, Л.Н. Соловьева. Ставрополь: Изд-во Ставропольского Государственного Университета, 2010, 24 с.

Ямсков А.Н. Социальная экология и этноэкология // Программы по экологическим дисциплинам. Ред.: В.Т. Дмитриева (отв. ред.), А.Н. Воробьев, А.Н. Ямсков. М.: изд. МГПУ, 1999, с. 105–126.

Ямсков А.Н. Традиционное природопользование: проблемы определения и правового регулирования // Юридическая антропология. Закон и жизнь. Ред.: Новикова Н.И., Тишков В.А. М.: Издательский дом "Стратегия", 2000, с. 172–185.

Ямсков А.Н. Экологически значимые культурные архетипы поведения человека // Этноэкологические аспекты духовной культуры. Ред.: В.И. Козлов, А.Н. Ямсков, Н.И. Григулевич. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2005, с. 266–296 (см. также на сайте Научно-издательского центра «Социосфера», г. Пенза: <http://sociosphere.ucoz.ru/publ/0-90> – обращение 20.09.2011 г.).

Ямсков А.Н. Основные направления американской экологической антропологии // Экология древних и традиционных обществ: Сборник докладов конференции. Вып. 4. Редколлегия: Н.П. Матвеева (отв. ред.), А.Н. Багашев (отв. ред.) и др. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2011, с. 354–356.

Acheson J.M. Tragedy of the Commons // Encyclopedia of Cultural Anthropology. Eds.: D. Levinson, M. Ember. New York: Henry Holt and Company, 1996, pp. 1325–1327.

Becker C.D., Ostrom E. Human Ecology and Resource Sustainability: The Importance of Institutional Diversity // Annual Review of Ecology and Systematics, 1995, Vol. 26, pp. 113–133.

Dietz T., Dolšak N., Ostrom E., Stern P.C. The Drama of the Commons // The Drama of the Commons. Eds.: E. Ostrom, T. Dietz, N. Dolšak, P.C. Stern, S. Stovich, E.U. Weber. Washington, DC: National Academy Press, 2002, pp. 3–35

Dietz T., Ostrom E., Stern P.C. The Struggle to Govern the Commons // Science, 2003, Vol. 302, pp. 1907–1912.

Drama // New Webster's Dictionary of the English Language. College Edition. Delhi: Surjeet Publications, 1989, p. 472.

The Drama of the Commons. Eds.: E. Ostrom, T. Dietz, N. Dolšak, P.C. Stern, S. Stovich, E.U. Weber. Washington, DC: National Academy Press, 2002, 521 p.

Haggett P. "The Tragedy of the Commons" // Харгетт П., Скопин А. *Общая география: глобальный синтез*. Harlow: Pearson Educated Limited, 2005, pp. 327–328.

Hardin G. The Tragedy of the Commons // Science, 1968, Vol. 162, № 3859, pp. 1243–1248.

van Laerhoven F., Ostrom E. Traditions and Trends in the Study of the Commons // International Journal of the Commons, 2007, Vol. 1, № 1, pp. 3–28.

McCay B.J. Emergence of Institutions for the Commons: Contexts, Situations, and Events // The Drama of the Commons. Eds.: E. Ostrom, T. Dietz, N. Dolšak, P.C. Stern, S. Stovich, E.U. Weber. Washington, DC: National Academy Press, 2002, pp. 361–402.

Moran E.F. People and Nature: An Introduction to Human Ecological Relations. Oxford: Blackwell Publishing, 2006, 218 pp.

Moran E. Human Adaptability: An Introduction to Ecological Anthropology. 3rd ed. Boulder (CO): Westview Press, 2008, 473 p.

Moran E.F. Environmental Social Science: Human-Environment Interactions and Sustainability. Oxford: Wiley-Blackwell Publishing, 2010, 215 p.

Ostrom E. "Tragedy of the commons" // The New Palgrave Dictionary of Economics. 2nd ed. Eds.: S.N. Durlauf, L.E. Blume. New York: Palgrave Macmillan, 2008 [The New Palgrave Dictionary of Economics Online. 23 June 2010: http://www.dictionarofeconomics.com/article?id=pde2008_T000193 – обращение 20.09.2011 г.]

Sutton M.Q., Anderson E.N. Introduction to Cultural Ecology. 2nd ed. Lanham (MD): AltaMira Press, 2010, 399 p.

Townsend P. Environmental Anthropology: From Pigs to Policies. 2nd ed. Prospect Heights (IL): Waveland Press, 2009, 119 p.

Tragedy // New Webster's Dictionary of the English Language. College Edition. Delhi: Surjeet Publications, 1989, p. 1633.

Trawick P.B. Successfully Governing the Commons: Principles of Social Organization in an Andean Irrigation System // Human Ecology, 2001, Vol. 29, № 1, pp. 1–25.

**Особенности социокультурных исследований
на примере научных трудов доктора Э.В. Эриксона**

Важность анализа особенностей социокультурных исследований доктора Э.В. Эриксона обусловлена следующим обстоятельством: период его деятельности предшествовал процессу формирования социальной и культурной антропологии как отдельной независимой научной области, что, по моему мнению, придает трудам Эриксона особое значение. Прежде всего, мы имеем в виду интересные для нас методологические основы и разнообразные методы исследования, при разработке которых Эриксон использует итоги своих комплексных трудов. В данной статье я попытаюсь показать, что в своих работах этот ученый обращался не только к проблемам этнологии и антропологии, но и в значительной степени – этнической экологии, географии, медицины и других наук.

Главным объектом исследований Эриксона всегда был человек. Как известно, в процессе изучения человеческого рода антропология обладает не только самым широким диапазоном времени, но также самой разнообразной тематической гаммой. Научные интересы Эриксона действительно были весьма широки. Он не ограничивался отдельным направлением антропологии и соответствующим объектом исследования (Эриксон, 1905). На основе конкретных изысканий он старался со всей возможной полнотой продемонстрировать особенности отдельных этносов, что позволяло ему расширить рамки частного направления антропологических исследований и делать более масштабные и широкие выводы (Эриксон 1899, 1901б, 1904а, 1904б, 1905а, 1905б). Таким образом, объектом его исследований являлись как физические и социокультурные феномены, так и соответствующие явления, позволявшие использовать методы исторических и общественных наук. Социокультурное направление исследований Эриксона довольно наглядно прослеживается в его научных работах. Кроме биологического, оно основывается на археологических, этнографических, этнологических, лингвистических и психологических данных сравнительного исследования. Автор старается выявить этнические особенности каждого человека, пытается понять, в чем заключаются главные различия между народами, и старается объяснить эти различия, реконструируя историю развития народов, выявляя влияние ми-

граций и межэтнических взаимодействий. Одной из основных задач Эриксона было также изучение динамики развития культуры.

Как известно, фамилия Эриксон имеет скандинавское происхождение, и в этнологической науке известно немало представителей этой фамилии, например, Сигурд Эриксон (1888–1968). Одним из наиболее известных представителей этой фамилии является признанный во всем мире психоаналитик Эрик Эриксон (1902–1994). Что же касается доктора Э.В. Эриксона, то он заинтересовался этнолого-антропологическими исследованиями тогда, когда его знаменитого однофамильца и тезки Эрика Эриксона еще не было на свете.

Э.В. Эриксон – один из тех представителей медицинской науки, которые в конце XIX в. наряду с российскими деятелями иных научных направлений с огромным интересом занимались исследованиями исторического прошлого не только населения Грузии, так и других регионов Кавказа. К сожалению, как это ни странно, имя столь разностороннего исследователя, каким был Э.В. Эриксон, сфера интересов которого во многом находилась в области медицинских проблем и чьи работы публиковались во многих академических изданиях России – как медицинского, так и историко-антропологического характера (журналы «Естествознание и география», «Русский антропологический журнал», «Обозрение психиатрии, неврологии и экспериментальной психологии», газета «Кавказ» и др.), не внесено ни в «Медицинскую энциклопедию», ни в «Большую советскую энциклопедию». Видимо, это имело серьезные основания, и их выяснение может стать предметом отдельного исследования.

Эрнест Вильгельмович Эриксон (год рожд. 1867) защитил диссертацию на степень доктора медицины в Военно-медицинской академии в 1900 г.; подготовка этой работы происходила в физиологической лаборатории при Клинике душевных и нервных болезней проф. В.М. Бехтерева (Эриксон, 1900). Известны медицинские работы Э.В. Эриксона на материалах Дальнего Востока (Эриксон, 1901а) и других регионов России (Эриксон, 1905г). В начале XX в. он состоял членом Варшавского общества ревнителей военно-санитарных знаний и являлся редактором издания «Труды и протоколы Общества российских военно-санитарных знаний в г. Варшаве». В годы пребывания на Кавказе Э.В. Эриксон активно участвовал в деятельности Императорского Кавказского медицинского общества в Тифлисе и неоднократно публиковался в его изданиях («Медицинский

сборник, издававшийся Императорским Кавказским медицинским обществом», «Труды и протоколы Императорского Кавказского медицинского общества»).

Труды Э.В. Эриксона, созданные в период пребывания его на Кавказе и основанные на кавказских материалах, в основном носят антропологический и этнологический характер. В эти годы центр антропологических исследований в Москве был только что основан, и антропологию рассматривали как науку, включающую в себя этнографию, археологию и географию. Несмотря на это, в трудах Эриксона чувствуется соответствующее знание не только русских научных традиций, но и культурной и социальной антропологии, – направлений, которые в США и на Западе были еще в процессе формирования. Об этом свидетельствует применение Эриксоном новой, еще недостаточно апробированной антропологической методики во время анализа санитарной ситуации в окрестностях города Батуми (Эриксон, 1901б). Так что можно с уверенностью говорить о значении трудов Эриксона и о его таланте исследователя, который выстраивал свои заключения на основе анализа сравнительных материалов – исторических источников (Страбон, Гиппократ, Вахушти Батонишвили, Д. Бакрадзе, М. Джанашвили и др.), статистических данных, а также в первую очередь широко использовал материалы, собранные им самим. О достоинствах Эриксона – исследователя говорят также его умение создавать выверенную структуру своих работ, разнообразие затрагиваемой им тематики, культура письма и др. Тематика этнолого-антропологических работ исследователя во многом определялась его профессией: он интересовался положением душевно больных на Кавказе, законами и обычаями, которые определяли их положение, народными способами лечения душевных болезней, вопросами санитарии и гигиены (качество питьевой воды, различные источники водоснабжения, освещение в домах и школьных помещениях, особенности одежды у различных народов Кавказа и соответствие ее природным условиям, особенности питания и т.д.). Примером сочетания «медицинских» и «этнологических» интересов Э.В. Эриксона может служить его статья «Несколько слов о змеях в верованиях, мифах и бреде душевно-больных», опубликованная в тифлисской газете «Кавказ» (Эриксон, 1902б).

В своей методологии научных работ Эриксон, в отличие от работ по культурной антропологии, делает акцент не только на описании, но и на анализе тех или иных особенностей культуры. Так, объясняя осо-

бенности поведения народов Кавказа в сфере половых отношений, он отмечает: «На Кавказе ... мужчины с наступлением совершеннолетия обыкновенно вступают в законный брак. Что касается девушки, то лишь только она разовьется в половом отношении, именно достигнет 14 лет, ее стараются сейчас же выдать замуж, почему старые девы на Кавказе в туземной среде почти не встречаются» (Эриксон, 1907, с. 1880).

Э.В. Эриксон, как показывают его работы, очень интересовался тем, чтобы выдвинуть на передний план динамику развития культуры, показать механизм ее передачи от поколения к поколению, ее взаимосвязь с окружающей средой и особенностями природных условий и климата. Очень характерна в этом плане одна из наиболее солидных работ Э.В. Эриксона «Опыт санитарного обзора окрестностей Батума» (1901б). Рассмотрим ее более детально.

Так, приводя данные о жилище жителей Батумского региона, он отмечает, что при выборе строительных материалов и конструкций строений грузины в полной мере учитывали практически постоянную высокую влажность, присущую данной лесистой местности: дерево как строительный материал предпочитают не только вследствие его дешевизны, но также и потому, что оно «менее проводит сырость внутрь, тепло наружу»; «стены сложены из каштановых досок или другого наиболее противостоящего гниению древесного материала», нижний этаж дома или его фундамент и цоколь возводятся обязательно из камня, «пол жилого помещения ставят не ниже 1 метра над поверхностью земли» (Эриксон, 1901б, с. 24).

Но особенно наглядно влияние природной среды, особенностей климата и рельефа местности, судя по описаниям Эриксона, отражалось на специфике одежды различных этнических групп Батумского региона. Это сказывалось и на покрое одежды, и на выборе тканей для ее изготовления. Так, описывая мужскую одежду аджарцев и лазов, он отмечает: «Многочисленные складки сзади на брюках удобны при лазании по крутизнам и предохраняют бедра от потения при продолжительном сидении... Плотное прилегание одежды к телу в остальных местах облегчает движения в лесу... Толстые шерстяные перевязи вокруг талии, можно думать, предохраняют печень и селезенку от дурного влияния резких температурных колебаний воздуха» (Эриксон, 1901б, с. 38–39).

Башлык (обычно черного цвета), преобладающий вид головного убора у аджарцев, лазов, черкесов и хемшин, по мнению Эриксона, благодаря

многочисленным складкам облегчал «проветривание черепа» (Эриксон, 1901б, с. 40).

Преобладание у аджарцев и лазов одежды их шерсти также, по мнению Эриксона, было обусловлено климатом: «При местных условиях климата шерстяная ткань наиболее подходящий материал: сухая она представляет... значительное препятствие для быстрой отдачи тепла, ... а подмокши, не пристает к телу, проводит тепло не слишком сильно» (Эриксон, 1901б, с. 9).

Относительно одежды турок Эриксон замечает, что она «отличается большей просторностью» и чаще шьется из бязи и ситца, «что отчасти является следствием заселения этим народом теплых приморских низменностей» (Эриксон, 1901б, с. 39), а недавние переселенцы – абхазы и черкесы – «продолжают носить свой национальный костюм» – «поверх бешмета и суконных брюк – черкеску, а зимой и традиционную бурку» (Эриксон, 1901б, с. 40).

Эриксон указывает на отличие женской одежды – ее шили главным образом из тканей «бумажных, полотняных и ситцевых», а не из шерсти, отмечая, что «многослойность женской одежды умеряет большую теплопроводность ткани». Любопытно, что даже в таких особенностях социального быта женщин, как затворничество и ношение чадры, Эриксон видит немало положительных моментов: так, «затворническая жизнь магометанок», по его мнению, позволяет избегать «промокания во время дождей», а «двойная чадра и зонтик служат защитой» (Эриксон, 1901б, с. 40–41).

Так же интересны комментарии относительно абхазов, курдов и др.

Эриксон интересуется и вопросом положения женщин у разных этносов и пытается увидеть в них особенности этнического характера. Именно с этой стороны старается он выяснить степень адаптации отдельного этноса в чужой среде на примере переселившихся в Аджарию абхазов, черкесов, русских, курдов, негров и представителей других народов. Особую заинтересованность этими вопросами обусловила, видимо, его профессиональная деятельность в незнакомой для него среде – на Южном Кавказе и в странах Передней Азии.

Подобные интересы в настоящее время характерны для постмодернистской антропологии, где самыми влиятельными антропологами являются Дж. Клиффорд, Дж. Маркус и М. Фишер. По их мнению, мировые культуры влияют друг на друга, и поэтому интересы представителей традиционной антропологии переместились от традиций третьего мира к

традициям более современным. Это еще больше увеличило интерес к этнографическим материалам и записям (например, к описаниям одежды, кулинарии, жилища, гигиены и т.д.). Исследование значения культуры упомянутыми выше авторами признаны как основа, на базе которой происходит диалог между антропологами и членами местного общества. Думаю, что миссия доктора Эриксона в только что присоединенной к Российской империи местности – в Аджарии и в частности в окрестностях Батума, вместе с заинтересованностью исследователя должны были быть обусловлены и этим обстоятельством. Тут же отметим, что постмодернистская антропология для решения своих задач использует не только метод диалога, но и акцент полифонии для описания разных взглядов по тому или иному поводу. Может, это достаточно неожиданно, но отношение доктора Эриксона к подобным диалогам аналогичное – скажем, отношение к пациентам.

Большое внимание в своих работах он уделяет вопросам как материальной, так и духовной культуры населения.

Эриксон предоставляет читателю реальные картины – как при описании отдельного индивида, так и жизни общества, – благодаря которым можно судить о масштабности итогов проведенных им социокультурных исследований.

Очевидно, что основным объектом исследований Эриксона было главным образом изучение медицинского состояния населения и попытка сделать соответствующие заключения. Эти исследования проводились им в течение долгого времени, насколько можно судить по опубликованным работам, примерно с 1880 по 1907 гг., и при этом в нескольких странах (Грузия, Персия, Турция). Эти интересы намного шире, чем просто описание этнического и этноконфессионального состава населения, его семейного и общественного быта; они дают возможность получить исчерпывающий ответ относительно прошлого и современного состояния страны и народа. Широта научных интересов автора была обусловлена его научным кругозором, научным чутьем, упорным трудом. Эриксон нередко предстает перед читателем как непосредственный участник описываемых событий, столь хорошо продуман план его исследования и проводимые им опросы по самым разнообразным темам. Нередко Эриксон интересуется фиксацией происходящих событий, что почти всегда выходит далеко за рамки чисто медицинской сферы, причем следует отметить его технику составления программ и технологию опросов, значимость сделанных им

выводов. Очевидно, оказавшись в чужой стране, врач интересуется всеми событиями. Но получение информации и обработка ее с использованием соответствующей методики нередко вызывает удивление у читателей. Так что Эриксон предстает перед нами как глубокий знаток антропологии, хорошо разбирающийся в методах исследований.

Для изучения медицинского состояния населения Эриксон исследует пути возникновения болезней, причины их распространения и способы борьбы с ними, причем нередко ищет ответы на эти вопросы в глубине далекого прошлого. С этой целью врач дает природно-географическое описание страны, почвы, лечебных источников, флоры и фауны, а также влияние климатических условий на здоровье человека. Эриксон особое внимание уделяет составу воздуха и считает необходимым определять его химический анализ.

По данным Эриксона, от проблем, связанных с климатом города Батуми, страдали и отдыхающие. На основе данных местных периодических изданий автор дает глубокий анализ санитарного состояния города.

На основе детального рассмотрения почти каждой сферы городской жизни автор смог провести и антропологические исследования местного населения. Эриксон описывает как физическое, так и духовное состояние местного населения и приходит к интересным выводам. В данном случае автор особое внимание уделяет описанию местных жителей и сравнивает их с другими народами, в частности с турками. Кроме физических различий между представителями разных народов, которые выявляет Эриксон, в данной работе приведена классификация населения по религиозным, половым, социальным, психологическими и другим признаками.

Эриксон по-своему описывает социальный состав города, в частности дает конкретную картину городской интеллигенции.

Вопрос здоровья населения Эриксон справедливо связывает с проблемой питьевой воды. Он писал: «Нет сомнения, что разный состав почвы в окрестностях Батума видоизменяет химические особенности родниковых вод, однако сопоставление заболеваемости населения с характером минеральных их частей требует специального изучения. Туземцы пьют воды много, при каждом случае; для них имеет значение, что большое количество углекислоты в воде облегчает усвоение тяжелой растительной пищи, а низкая температура содействует перистальтике кишок, недостатком которой страдает большинство» (Эриксон, 1901б, с. 15–16).

Отмечено также, что и местные жители уделяли качеству воды самое пристальное внимание: «Поселяне ценят такую воду, которая, помимо внешней чистоты и прозрачности, не обладает запахом, имеет нейтральный вкус и возможно низкую температуру, летом не поднимающуюся выше 15 градусов Ц. Они восхваляют родники, берущие начало в высоких горах» (Эриксон, 1901б, с. 15).

В проблеме водоснабжения города он подчеркивал значение родниковой воды и сложности в использовании воды из колодцев, что зависело от природных особенностей местности: «Все стоячие воды естественных бассейнов приморских равнин должны считаться абсолютно негодными для питья. Множество колодцев в Батуме, Чурук-су, сел Геня, по Артвинскому шоссе и пр., ныне заваленные камнями, говорят за то, что прежде их рыли гораздо чаще, чем теперь, и не менее часто забрасывали, разочаровавшись в качестве воды. Признавая недоброкачественность воды городских колодцев, население Батума. Еще во времена владычества турок, отдавало предпочтение проведенной из родников предгорий Соуксу. Теперь оно колодцами пользуется редко» (Эриксон, 1901б, с. 18).

В местностях, где родниковые воды были недоступны, население все же было вынуждено пользоваться колодцами. И здесь Эриксон подмечает любопытные различия в отдельных селах. Так, относительно абхазских поселений возле Батума он пишет: «Колодцы абхазцев сел. Степановки помещаются среди болот, так что загрязнение питьевой воды органическими веществами весьма вероятно»; вода колодца в крепости Гонио, «которой несколько месяцев назад пользовались хемшины, ушедшие в количестве 45 дымов в горы, была в сентябре совершенно зеленой от роскошной болотной флоры и фауны и издавала зловоние». Иной была ситуация там, где общественность следила за состоянием колодцев: жители Смекаловки и Чурук-су брали воду из одного главного колодца, «изолированного от проникновения в него через почву продуктов загрязнения», выложенного камнем и покрытого деревянной крышкой. «Под бдительным надзором туземцев» находился колодец с «совершенно прозрачной и холодной водой» при въезде в Чорохское ущелье (Эриксон, 1901б, с. 18–19).

Особую задачу он видит в использовании колодцев и предпочтение отдает Барцханской (местность вблизи Батуми) питьевой воде. Он обращает внимание также на значимость лечебных источников и ванн.

Важнейшее значение Эриксон придает микроклимату города Батуми и детально характеризует море, горы, болота и озера. В связи с этим он анализирует тяжелые последствия наводнения, которое произошло в 1895 г. неподалеку от Батума в дельте р. Чорохи, впадающей в Черное море, вследствие чего произошла трагедия – погибли люди. Кроме влияния природно-климатических условий на здоровье населения, Эриксон пишет также и о воздействии на состояние здоровья тяжелых бытовых условий. В связи с этим он изучил проблему освещения и свидетельствует, что население редко использовало свечи: «источниками искусственного освещения являются:... камин, жаровни, керосиновые лампы, большей частью без стекол, плошки, редко восковые свечи». Все это особенно отрицательно сказывалось на здоровье детей, главным образом девочек: «Рано пробуждающееся у мальчиков стремление к хождению вне дома окупает несколько вред. Девушки, почти лишенные права до замужества выходить из дому, сильно страдают от недостатка света и воздуха». (Эриксон, 1901б, с. 28).

Внимание Эриксона как антрополога довольно часто обращается к этнодемографическим проблемам города. Он детально описывает этнический состав населения, на основе которого делает сравнительный анализ этих народов. Рассматривая отдельные этносы, Эриксон предлагает читателям важные выводы об особенностях пребывания народа в чужой среде, уделяя внимание проблемам адаптации на примере русских, хемшилов, абхазов и других.

Например, одной из причин того, что русские переселенцы не всегда прижились в Батуми, он считает «скуку, якобы царившую в этом населенном по большей части мусульманами городе». Но, видимо, не менее важными обстоятельствами было и то, что первые переселенцы не были знакомы с особенностями климата этого края. Эриксон пишет: «Посад Кобулеты, находящийся в 20-ти верстах от Батума, вырос в какие-нибудь 12–14 лет не столько из небольшой колонии русских переселенцев, оставленных здесь администрацией с целью более легкого закрепления власти и обрусения края, сколько из нахлынувшей сюда волны людей, искавшей легкого обеспечения недвижимым имуществом и слышавших восторженные отзывы о крае... Русские голодающие переселенцы, пришедшие сюда, как известно, из разных мест Европейской России, в начале 80-х годов, заняли весьма охотно отведенные им места... К сожалению, не руководимые знающими людьми, не знакомые с условиями поч-

вы, климата и всей окружающей обстановки и действуя согласно унаследованному инстинкту, они скоро разочаровались во всем. Все плохие жилища принадлежат первым переселенцам, окончательно обедневшим... Поселяне из крестьян разных губерний, не обладавшие гибкостью мышления, не могли в корне изменить своих вековых бытовых условий и привычек, граничащих с инстинктом, строить жилища определенного типа» (Эриксон, 1901б, с. 37, 38).

Интересны описания отдельных нюансов городской жизни, приводимые Эриксоном. По его словам, местом практически всех торговых переговоров или соглашений являлась местная кофейня, так называемая *кафехана*. Он же указывает на увеличение числа торговых мест, особенно *духанов* – местных лавок для продажи вина. По словам Эриксона, это обстоятельство весьма отрицательно воздействовало на определенную часть мужского населения, которые нередко пребывали в подвыпившем состоянии.

Местом развлечения для мужчин оказывались также публичные дома. По данным автора, 1898 г. в Батуми существовала уже целая улица подобных домов. Любопытны также авторские сведения о вопросах гигиены. Выясняется, что в городе функционировали бани (приблизительно 10), куда женщины ходили целыми группами как в своеобразный «женский клуб», наряжаясь при этом в праздничную одежду. Среди городских учреждений названы также госпиталь, кожаный завод и т.д.

Приведенные в нашей статье главные итоги исследований Э.В. Эриксона – это результаты его длительных наблюдений относительно характера и психологии местных жителей, также для этой цели он изучал влияние религии и местного законодательства и других факторов.

В заключение следует отметить, что исследования доктора Эриксона, проводимые на основе антропологических и иных разнообразных материалов, дают важные сведения для общественной, социально-экономической и культурной жизни отдельных этносов, а также их этнодемографическую и этнорелигиозную мозаику, для изучения которой автор применял разные методы и соответствующую методологию, которые не утратили своего значения и до настоящего времени.

Литература

Эриксон Э.В. Абастуманское ущелье // Естествознание и география. 1904а. № 4.

Эриксон Э.В. Алкоголизм на Кавказе // Обзорение психиатрии, неврологии и экспериментальной психологии. Ежемесячный журнал / Под ред. акад. В.М. Бехтерева. СПб., 1905в. № 2. С. 98–122. № 3. С. 198–214.

Эриксон Э.В. Душевно и нервно больные в Абастумане в сезон 1902 г. // Протоколы заседания Императорского Кавказского медицинского общества. Тифлис, 1902а. № 7. С. 170–192.

Эриксон Э.В. Душевные и нервные болезни на Дальнем Востоке // Неврологический вестник. 1901а. Т. 9. Вып. 4. С. 172–229.

Эриксон Э.В. Из воспоминаний о Батуме и его окрестностях // Естествознание и география. Научно-популярный и педагогический журнал. 1899. № 6. Август. С. 1–27.

Эриксон Э.В. К антропологии грузин // Русский антропологический журнал. 1905б. № 3–4.

Эриксон Э.В. Несколько слов о змеях в верованиях, мифах и бреде душевнобольных // Кавказ. 1902б. № 68–69.

Эриксон Э.В. О влиянии мозговой коры и подкорковых узлов на сокращение селезенки. Диссертация на степень доктора медицины Э.В. Эриксона. Из физиологической лаборатории при клинике душевных и нервных болезней проф. В.М. Бехтерева. СПб.: типография кн. В.Г. Мещерского, 1900. 159 с. (Серия докторских диссертаций, допущенных к защите в Военно-медицинской академии в 1899–1900 учебном году. № 114).

Эриксон Э.В. О половом разврате и неестественных половых отношениях в коренном населении Кавказа. М., 1907.

Эриксон Э.В. О призрении душевно-больных на Кавказе. М., 1904б.

Эриксон Э.В. Опыт санитарного обзора окрестностей Батума. Тифлис, 1901б.

Эриксон Э.В. Отношение мусульманских законов к душевно-больным в Персии, Турции и на Кавказе. М., 1905а.

Эриксон Э.В. Параноики в роли врачей // Обзорение психиатрии, неврологии и экспериментальной психологии. Ежемесячный журнал / Под ред. акад. В.М. Бехтерева. СПб., 1905 г. № 8. С. 586–592.

Эриксон Э.В. Социальное положение душевно и нервно-больных в Закавказье ныне и в прошлом // Обзорение психиатрии, неврологии и экспериментальной психологии. Ежемесячный журнал / Под ред. акад. В.М. Бехтерева. СПб., 1904. № 1. С. 9–30 [Речь, произнесенная в годичном заседании врачей клиники душевных и нервных болезней 25 ноября 1903 г.]

Научное издание

Этнос и среда обитания
Сборник статей по этноэкологии
Выпуск 3

*Утверждено к печати Ученым советом
Института этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая*

Компьютерная верстка: *Н.А. Белова*
Редактор: *Н.А. Белова*
Художник: *Е.В. Орлова*

Подписано к печати 27.03.2012
Формат 60x84 1/16. Усл.-печ. л. 15,8
Тираж 200 экз. Заказ № 3

Участок множительной техники
Института этнологии и антропологии РАН
119991 Москва, Ленинский проспект 32а